

Annotation

Все началось с казни... Вот уж кого не жаль, так это краснорожего демона. Врага королевства, захватчика из чужого мира! Война с демонами длится несколько десятилетий. Попавшему в плен командиру — голову с плеч. И никакой жалости!

Кто же знал, что он вернется... В виде духа, который вселится в моего лучшего друга. И не будь я Эвелина Соль, королевский артефактор, если не сделаю все возможное, чтобы уничтожить эту тварь!

Но если узнать врага получше... Останется ли он врагом?

- Убить демона. Спасти короля

- *** 1 ***
- *** 2 ***
- *** 3 ***
- *** 4 ***
- *** 5 ***
- *** 6 ***
- *** 7 ***
- *** 8 ***
- *** 9 ***
- *** 10 ***
- *** 11 ***
- *** 12 ***
- *** 13 ***
- *** 14 ***
- *** 15 ***
- *** 16 ***
- *** 17 ***
- *** 18 ***
- *** 19 ***
- *** 20 ***
- *** 21 ***
- *** 22 ***

- *** 23 ***
 - *** 24 ***
 - *** 25 ***
 - *** 26 ***
 - *** 27 ***
 - *** 28 ***
 - *** 29 ***
 - *** 30 ***
 - *** 31 ***
 - *** 32 ***
 - *** 33 ***
 - *** 34 ***
 - *** 35 ***
 - *** 36 ***
 - *** 37 ***
 - Эпилог
-

Убить демона. Спасти короля
Анна Платунова

— Демона! Демона ведут!

Босоногие ребятишки в домотканых рубашках, напоминающие стайку крикливых воробьев, преследовали четырех крепких стражников и демона, медленно бредущего между ними.

Мальчишки, те, что посмелее, поднимали с дороги камни и бросали во врага. Один острый осколок чиркнул по щеке, рассек алую кожу, и по лицу демона потекла струйка черной крови. Тот даже не дернулся, не приподнял руки, чтобы отереться. Да, впрочем, и не смог бы: мешали тяжелые заговоренные цепи.

Жители Граппы собирались на обочине дороги, по которой демона вели на казнь. Никто и не пытался урезонить ребятишек. Приговоренный к смерти не дожидается сочувствия. Кто-то из мужчин удовлетворенно крикнул, когда увесистый булыжник ударился о костяной нарост на голове демона, высек искру. Узник передернул широкими плечами, покрытыми застаревшими и свежими шрамами.

— Что, не нравится, мразь? Так-то! Будешь знать, как соваться на наши земли!

Эви невольно поморщилась. Она не любила эти показательные казни, хотя понимала, что они нужны для подъема духа горожан. Вот, мол, не так страшен черт, как его малюют. И они смертны, и у них идет кровь. Да, пусть черная, точно чернила, но все же демоны — существа из плоти, а любую плоть можно умертвить.

Эви сделала несколько попыток пробиться сквозь плотную толпу, но, похоже, на казнь плененного командира вражеской армии пришло полюбоваться полгорода. Люди, разглядев, что перед ними не просто наглая девица, а королевский артефактор, почтительно расступались, но задние ряды напирали, лезли вперед, так что Эви плюнула и пошла позади стражей и мальчишек. Теперь не успеет на площадь в срок, а ведь она должна стоять на помосте рядом с королем, когда станут зачитывать приговор. Представила иронично изогнутую бровь Райли: «Что, Эвелина, опять варганила зелье и упустила время?»

«Для тебя же, дурака, стараюсь!» — мысленно огрызнулась Эви.

— Демона ведут! Рога оторвут! Палач точит топор! Вот и весь разговор! — пели ребяташки на все лады.

Пленный никак не реагировал на дразнилки и удары камней. Тяжелые оковы — Эви сама зачаровывала и знала, что каждая весит точно телега с булыжниками, — гремели на исполинских ногах. Демон был выше крепких стражей на две головы. Огромный. Кожа красная, будто раскаленный металл. На голом черепе короткие черные рога. Темные глаза с вертикальными зрачками. Черты лица человеческие, но точно вырубленные топором — грубо, наспех. Шрамы на правом плече образовывали причудливый вензель — то ли языки пламени, то ли волны, заключенные в треугольник. Знак рода. Эви не слишком разбиралась в геральдике Ашхатара, но одно то, что знак присутствовал, говорило о том, что пленник принадлежит знатной семье.

Ашхатар... Обычно земли демонов называли не иначе как Плесень или Парша. Неровное черное пятно на карте, будто клякса, сорвавшаяся с пера. Оно медленно продолжало разрастаться за границы пяти королевств, метр за метром отвоевывая себе новые территории.

Незваные гости, свалившиеся точно снег на голову семь десятилетий назад. Выходцы из чужого мира, сгинувшего в катастрофе. Их и было-то поначалу несколько сотен. Прикинулись бедными овечками, молили о том, чтобы им разрешили образовать поселение. Им выделили ничейные пустынные земли. Кто же знал, что бедные овечки очень скоро освоятся и превратятся в волчищ. Сразу надо было вырезать всех подчистую... Теперь поздно.

Процессия добралась до городской площади, забитой людьми — яблоку негде упасть. Зрители расположились и на крышах ближайших домов, и на балкончиках, чьи счастливые обладатели сдавали места всем желающим за малую серебрушку. Мальчишки точно груши висели на столбах и воротах.

Свободным оставалось лишь лобное место напротив ратуши — круглая каменная площадка.

Эви не стала дожидаться, когда демона поставят на колени рядом с плахой. Подобрала длинную юбку и бросилась наперерез процессии. Капитан стражи, который знал королевского артефактора еще

любопытной девчонкой, вечно сующей всюду свой нос, проворчал вслед:

— Когда вы уже остепенитесь, мейджи Соль?

На миг сделалось неловко: и правда, она давно не первокурсница, а маг с дипломом Карнаэльской Высшей Академии, специализация — артефактор. Диплом с золотой печатью, между прочим! Отец так гордился этим достижением, что упоминал о дипломе с отличием по делу и без дела. «Теперь можно и на покой!» — добавлял он. И действительно, не успела Эви вернуться из Академии, как Адриан Соль подал в отставку и должность королевского артефактора досталась его дочери.

Девчонка с растрепанными косичками, ясноглазая, гибкая и шустрая, в одночасье превратилась в уважаемую всеми мейджи Соль. Личную помощницу молодого короля. Другая бы тряслась от ужаса: такая ответственность! Но Эви было море по колено. Особенно если учесть, что молодого короля она в детстве лупцевала так, что тот иногда принимался реветь басом.

Они выросли вместе. Эви Соль и Райли. То есть, конечно, Его Величество Раулар Карнаэльский Третий.

Эви за два вдоха преодолела десяток ступеней и встала бок о бок с королем. Даже не запыхалась.

— Опаздываешь, морковка, — улыбнулся тот.

И тут же сделался серьезен: перед подданными надо владеть лицом. Кивнул глашатаю, стоящему у перил. Тот развернул свиток, который держал наготове.

Эви не вслушивалась. Нет нужды: указ слово в слово повторял то, что Эвелина слышала не раз. Фразы скользили мимо ушей и значили не больше, чем шум ветра или восторженные крики толпы. «Мятежнику и смутьяну, созданию, что оскорбляет самим своим присутствием гармонию мира...»

Стража натянула цепи, заставляя демона опуститься на колени. Это удалось им далеко не сразу, хотя для этих целей специально отбирали самых сильных и высоких мужчин. Четверо против одного — ослабленного и израненного врага. Дернули раз, другой. Капитан вытер пот рукавом и коротко скомандовал вполголоса. Демона ударили под колени упругой жердью, ноги его подломились.

Эви могла бы ручаться, что от столкновения тела с каменными плитами площадка содрогнулась. До чего же мощная тварь!

«...учинить смертную казнь, а именно — отрубить голову секирой, прах сжечь и развеять по ветру...»

Демон неожиданно поднял голову и воззрился на Эви угольно-черными провалами глаз.

«Нет, конечно, он смотрит не на меня, а на короля!»

И все же оставалось полное ощущение, что враг с ненавистью смотрит на королевского артефактора.

«А ведь мне еще подтверждать его смерть, — тоскливо подумала Эвелина. — Будто отрубленная голова не говорит сама за себя».

Стражники снова натянули цепи, заставляя непокорного пленника опустить голову на плаху. На лобное место поднялся палач в черных одеяниях.

— Не руби за один раз! — крикнул кто-то из толпы. — Растяни удовольствие!

Предложение поддержали одобрителем гулом.

Хорошо, что Эви сама накладывала на секиру заклятие, даже если рука палача дрогнет — оружие не подведет. Еще не хватало, чтобы демон корчился, заливая все черной кровью.

Райли прикрыл глаза. Он всегда пропускал момент казни. А вот Эвелина заставила себя смотреть. Практика в Академии закалила ее. Один только выпускной экзамен у некромантов чего стоит! Да и сама она на спецкурсе баловалась тем, что поднимала жаб и мышей. А демоны, мерзкие существа, ничем не лучше жаб.

Лезвие секиры сверкнуло на солнце. Она опустилась с глухим стуком. Голова поверженного врага покатилась прочь, ударяясь о каменные плиты.

Вот и все. Казнь совершилась.

Замковая стена, вид на которую открывался из алхимической лаборатории, в зависимости от настроения Эви вызывала в ней разные чувства. Чаще всего она думала о том, как ей повезло в столь юном возрасте, когда все однокурсники колесят по дорогам Карнаэля, зарабатывая себе имя и репутацию, получить высокую должность королевского артефактора. Ей ничего не пришлось для этого делать, только родиться в нужной семье.

«И я не подведу!» — думала она, перебирая склянки на полках, чтобы составить списки зелий, запасы которых подходили к концу.

Но иногда, особенно часто это случалось в начале весны, в груди возникало тянущее чувство, неясная тоска. Ветра, пахнувшие талым снегом и первой травой, звали за собой в дорогу, обещая приключения и опасности. Ночевки под открытым небом, пламя костра, простую, но наваристую похлебку в котелке. И Эви мерещилось, что она заперта в темнице, пусть даже эта тюрьма — просторный трехэтажный дом, стоящий отдельно от дворца, чтобы никто не тревожил мейджи за работой.

«Неужели это все, что меня ждет? — спрашивала себя Эвелина, обводя взглядом уютную чистую лабораторию, добротные шкафы с рядами флаконов, тигель, каменный стол. — Я проживу здесь всю жизнь, состарюсь и однажды покину должность, чтобы передать ее новому магу...»

Чтобы избавиться от ненужных мыслей, мейджи поскорее занимала себя работой — растирала в ступке сухие травы для нового снадобья, листала «Вестник практикующего мага» или спускалась в хранилище артефактов с описью в руках.

Хранилище целиком занимало первый этаж, и у внешних, и у внутренних дверей дежурили гвардейцы, но больше для вида. Никто из смертных не сумел бы отпереть замок, на который еще отец Эви наложил магическую защиту.

— Добрый вечер, мейджи Соль, — вежливо поклонился молодой гвардеец в синем камзоле.

Второй, облокотившийся было о стену в расслабленной позе, вытянулся по струнке.

— Добрый, — ворчливо отозвалась Эви.

Магическая защита на двери хранилища — это прекрасно, но необходимость каждый раз колоть палец, чтобы добыть капельку крови, портила ей настроение. Почему отец не мог зачаровать замок так, чтобы он открывался от ее голоса, например? Или слюны? Эвелина представила, как плюет на бронзовую ручку, изготовленную в виде головы грифона, и невольно улыбнулась. Все же кровь надежнее, отец прав. И подделать ее невозможно.

Эви отстегнула от лифа булавку, проткнула палец и мазнула по металлу. Дверь откликнулась тихим гулом, в ее недрах раздался звук, похожий на вздох, потом щелчок, и она распахнулась, приглашая хозяйку.

Только королевский артефактор и сам король могли заходить в хранилище без сопровождения.

Эвелина водрузила толстую опись в кожаном переплете на подставку, открыла на закладке.

— Так, амулет Ясноглаз. Раздел — лечебные артефакты. Второй зал, третья полка, место пять.

Амулет попросил на время мэтр Вокр, один из членов Совета Четырех. Отказать ему нельзя, да и зачем? Ясноглаз — безобидный артефакт, возвращающий зрение. Пожилой советник короля в последнее время с трудом разбирал мелкий шрифт в документах, а от очков, целебных эликсиров и лечебных заклятий категорически отказывался. Кажется, он не вполне доверял профессионализму Эви, которую помнил еще ребенком. Он и сейчас видел неразумное дитя и саркастически поджимал тонкие губы в ответ на все ее советы.

Горный хрусталь в медной оплетке обнаружился там, где ему и положено быть. На третьей полке, в деревянной коробочке, выложенной сухой соломой.

— Ага, вот и ты, — прошептала Эви. — Ну-ка иди ко мне, малыш.

Она иногда разговаривала с артефактами. Магические предметы — особенные. Если они привязываются к своему хозяину, то и служат лучше.

Эвелина вынула амулет, положила на ладонь. Луч солнца, преломившись сквозь толстые стекла окон хранилища, забранных

решетками, на мгновение окрасил прозрачный камень в алое. Зачем-то вспомнилась голова демона, которая катится по плитам каменной площадки, заливая ее черной кровью. Гадость! Эвелину передернуло от отвращения. Нет, хорошо все-таки, что казни устраивают не так часто: вспоминать неприятно.

Хранилище вдруг показалось тесным и душным. Эвелина заторопилась наружу, вышла через внешние двери и очутилась в вишневом саду. Деревья пока не зацвели, но еще немного — и они распусятя нежными белыми и розовыми цветами.

До дворца идти несколько минут неспешным шагом, как раз и подышит свежим воздухом. У короля сейчас вечернее собрание в малом зале. Эви надеялась подоспеть к окончанию, чтобы передать амулет мэтру Вокру, а заодно увидеться с Райли. Жаль, что они больше не дети и не могут, как прежде, прятаться на чердаке от строгих преподавателей или убегать в сад. А то и за стены дворца, чтобы, переодевшись в одежду слуг, бродить неузнанными по городу.

— Прыгай, морковка! — говорит ей Райли, поджидая под окнами дома. — Я поймаю!

— Эвелина, стой! — кричит мама, заметив побег. — Отец собирался сегодня повторить с тобой руны!

Но Эви, тогда еще не мейджи, а всего лишь тринадцатилетняя девчонка, удирает без оглядки. Райли тащит ее за собой за руку. Оба хохочут.

Он прозвал ее морковкой вовсе не из-за рыжих волос, а из-за трех оранжевых веснушек на вздернутом носу.

Когда, о пресветлая богиня Альба, они успели вырасти? Когда пухлый мальчишка, который ревел в голос над толстым томом «Геральдики», превратился в правителя?

Эви помнила день коронации, как в тумане. Ее глаза опухли от слез, сердце изболелось от переживаний. Отец сделал все возможное и невозможное, чтобы спасти королевскую чету — родителей Райли. Никто так и не узнал, что их погубило. Проклятие? Редкая болезнь? Яд? Странно, что юный наследник трона не пострадал... Эви как наяву видела растерянное лицо пятнадцатилетнего паренька, в одночасье ставшего правителем Карнаэля.

— Как же он справится? — причитала мама, не зная, что дочь подслушивает под дверь кабинета. — Он совсем ребенок! О

пресветлая, за что этот груз свалился на его плечи!

— Тихо-тихо, Марта, — утешал отец. — Мы все рядом. Ты, я, Совет Четырех, в конце концов. По крайней мере за троих советников я ручаюсь головой, что они порядочные и честные люди!

«За троих? — удивилась Эви. — Не за всех?»

На следующий день она, как обычно, прибежала в комнату Райли, чтобы позвать его на прогулку, но обнаружила друга в кабинете короля. Вернее... уже в его собственном кабинете.

— Я теперь сам себе не принадлежу, морковка, — вздохнул он. — Все, закончились наши прогулки.

— Глупости! — воскликнула Эвелина, не привыкшая отступать. — С утра до вечера ты король. Но с вечера до утра ты по-прежнему мой друг!

Раулар взглянул странно, исподлобья. Хотел о чем-то спросить, но только кивнул.

Ночь была их временем, когда Эви и Райли снова превращались в двух подростков. Болтали, смеялись, шатались по спящему дворцу, строили планы на будущее.

— Я всегда буду тебе помогать, Райли! — пообещала Эви. — Всегда буду рядом!

— Всегда-всегда? — уточнил тот, и взгляд его серых глаз сделался сосредоточен.

Тогда он впервые попытался ее поцеловать. За что получил оплеуху и чувствительный тычок под ребра.

— Эй, ты чего, морковка?

— Сам чего? Глупости какие творишь!

Эвелина любила Райли, любила искренне и нежно, но так, как любят родного брата. Целоваться с братом? Фу!

— Ну ладно. — Раулар потер ушибленный бок. — Ты маленькая еще! Потом поговорим, когда вырастешь.

— Сам-то! Большой! Ты меня всего на полгода старше!

— Но старше! — резонно заметил тот.

Эви уехала учиться в Академию, где провела пять лет. Вернулась и стала королевским артефактором. Она ведь обещала помогать и собиралась сдержать слово. Ее чувства по отношению к Райли не изменились, он же нет-нет да заговаривал о том, что они с Эвелиной могут стать друг для друга кем-то большим.

Эви успела как раз к окончанию собрания, советники и сам Райли стояли в дверях: не иначе, в последний момент вспомнили важное и немедленно приступили к обсуждению.

Райли сложил руки на груди, будто обороняясь от наступающего на него низкорослого мэтра Лэра.

— В весенний набор следует поставить в союзную армию еще три тысячи новобранцев! Полностью экипированных, прошу заметить! А на что мы их оснастим, если не поднимем налог? Настоятельно рекомендую перечитать документ, подготовленный мной и мэтром Ками...

— Снова поднять налог? — подал возмущенный голос мэтр Вокр. — Тогда нам уже не демонов нужно будет опасаться, а своих же взбунтовавшихся крестьян!

Райли заметил Эвелину и, пока мэтры ругались между собой, закатил глаза: «Выручай!»

— Мэтр Вокр!

Эви протиснулась между мэтром Вокром и мэтром Лэром, которые напирали друг на друга: еще немного — и столкнутся лбами.

— Мэтр Вокр, я нашла для вас амулет!

— А? Что?

Тот наконец обратил внимание на королевского артефактора. Эви протягивала советнику коробочку и улыбалась.

— Амулет Ясноглаз, носите на груди, и за две недели зрение заметно улучшится!

— Благодарю, мейджи, — буркнул тот не слишком приветливо.

Во взгляде ясно читалось обычное: «Кто впустил сюда этого ребенка?»

— Наши разногласия обсудим завтра, — сдался мэтр Лэр.

Советники склонили головы перед Его Величеством и разошлись. Райли шумно выдохнул, на лицо вернулась добродушная улыбка. Он схватил Эви за руку и потянул за собой, ни слова не объясняя.

— Рай.. Ой... Ты куда? Мы куда?

— Ко мне!

Коридоры были пусты, поэтому молодой король и еще более юный артефактор, позабыв о своем высоком статусе, побежали, взявшись за руки, как когда-то в детстве.

С грохотом захлопнув за собой дверь кабинета, они смеясь повалились на софу, которая была намеренно жесткой: никто не должен заподозрить правителя в праздности, когда королевство в состоянии войны. Некогда Его Величеству отдыхать, так, разве что присядет на секундочку.

Эви посмотрела на довольную физиономию своего друга. Как бы она ни любила Райли, следовало признать, что Карнаэлю не слишком повезло с правителем. Нет, он не был тираном или самодуром. Раулар был добрейшим парнем, но лучше бы он родился сыном горожанина, тогда бы оказался на своем месте.

Став королем в пятнадцать лет, Райли испугался и растерялся. Но все вокруг кинулись ему на помощь, оберегая юную неокрепшую душу. Совет Четырех готовил указы, где Райли всего и надо было, что поставить свою подпись. Адриан Соль приносил мальчику, в одночасье потерявшему родителей, успокаивающие капли. Марта Соль пекла для Райли свои необыкновенные булочки с кремом.

Пока Эвелина постигала в Академии премудрости магической науки, Его Величество вырос в красивого, умного, но легкомысленного человека. Свой титул он воспринимал как нечто несерьезное. Да и к чему напрягаться, когда есть мэтры? Они всегда подскажут и направят. Гвардейцы защитят от бунта. Королевский артефактор спасет от любой напасти. Где-то там, на границе с Ашхатаром, кипят сражения, и Райли честно собирался посетить линию фронта, поднять боевой дух воинов, но... дела отвлекли. Да и зачем соваться туда, где он ровным счетом ничего не смыслит?

Эвелина отвела темную прядь со лба Райли, а потом не удержалась и взлохматила ему жесткие волосы, которые и так растрепались от бега. Райли поймал ее руку и прижал ладонь к губам... За что и получил локтем в живот. Эви зашипела, потирая ушибленный локоть: еще неизвестно, кому больнее! Это раньше у пухлика Райли было мягкое пузо, а теперь его точно сталью залили. Тренировки с капитаном гвардейцев явно пошли на пользу!

— О-о, — притворно застонал Раулар, прикрыв глаза. — За что такая жестокость!

— Сам знаешь! — огрызнулась Эвелина. — Сколько можно! Эти слюнявые нежности, эти поцелуйчики! Фу, прекрати! А теперь я о тебя руку отбила!

Райли расплылся в удовлетворенной улыбке и, нимало не смущаясь, задрал рубашку, демонстрируя Эви кубики мышц.

— Неплохо, а? Потрогай, ну-ка!

— Не буду, вот еще!

— Ну давай, зря я, что ли, по три часа гоняю старика Бэрри по полосе препятствий!

— Ты гоняешь? — хихикнула Эви, которая однажды наблюдала, как капитан гнался за Рауларом и лупил его по спине жердью.

Но все же благосклонно ткнула кулаком в каменный живот.

— Силен! А зачем ты меня позвал в кабинет? Ведь не для того, чтобы пальцы мне облизывать?

— Эви, когда ты уже повзрослеешь! Ладно, я хотел показать тебе артефакт...

— Артефакт? — вскинулась мейджи. — И ты только сейчас мне об этом говоришь? Где ты его взял? Что тебе о нем известно?

— Тихо-тихо, морковка, разошлась...

Райли бодро вскочил на ноги и направился к столу, где среди разбросанных бумаг, поломанных перьев и крошек печенья лежал черный кожаный футляр.

— Когда я вернулся после казни той рогатой твари, меня уже поджидал вестник. Представился посланником короля Верикии — Сигизмунда Большеротого. Так, где-то здесь завалялось письмо...

Райли принялся рыться в смятых листах, но найти что-либо в этом хаосе оказалось непосильной задачей.

— Ладно, так скажу. Старикан Гиз созрел для того, чтобы начать подыскивать достойного жениха для своей дочери, в этом году ей исполнилось восемнадцать.

Эвелина отлично помнила Сигизмунда Большеротого, который частенько навещался с визитами в Карнаэль. Помнила и капризную тощую принцессу Гизеллу, которая висла на Райли, требуя, чтобы он поочередно изображал то принца, то коня, то дракона. «Так нечестно, — пыхтел Раулар, ползая на четвереньках по мраморным плитам гостиной. — Почему всегда я должен быть конем? Или драконом? Побудь и ты для разнообразия конем!» На что Гизелла невозмутимо

отвечала, что она, мол, девица в опасности, ее следует спасти. Потом пришла Эви, сообщила, что она черный маг, и испепелила всех смертельным огнем. «Все, он убит! — сказала она принцессе, обиженно надувшей губы. — Вот так бывает в жизни!» И утащила счастливого Райли за собой.

— О, отлично! — притворно обрадовалась Эви. — Давно пора задуматься о женитьбе.

«Бедный Райли!» — подумала она про себя.

Райли скривился так, будто отведал прокисшего молока.

— Но при чем здесь артефакт?

— А при том, что это подарок — приглашение на смотрины.

Да, такой обычай существовал в некоторых королевских семьях. Эви не удивилась. Все выглядит вполне невинно. И все же она как королевский артефактор должна первой взять в руки магический предмет, исследовать его на темные и тайные заклятия, удостовериться, что опасности нет, и лишь потом отдать правителю.

Она подошла к Райли и встала по правую руку. Как же вытянулся этот пухляш! Бывший пухляш... Макушка Эви с трудом достигала его плеча.

— Давай, посмотрю!

Раулар должен был отдать ей футляр, но любопытство взяло вверх, он нажал на не приметную защелку, крышка откинулась, явив взгляду великолепный алый рубин в мужском перстне. Эви как замороженная уставилась на камень. А Райли, не успела она и глазом моргнуть, вынул перстень и надел его на палец.

Потом она не раз прокручивала в памяти этот момент и думала над тем, был ли у нее хоть один малюсенький шанс все изменить. Ясно, что артефакт зачаровали так, чтобы отвлечь внимание, лишить воли, пусть даже на несколько секунд. Но нельзя было позволять Райли открывать коробку! Эх, Эви-Эви, как же ты могла так опростоволоситься!

Рубин вспыхнул алым, сияние потекло по руке короля, впиталось в кожу. И все так быстро — между двумя биениями сердца!

— Райли! Ты как? Все хорошо? Что ты чувствуешь? — Эвелина начала тормошить замершего на месте друга. — Райли, не пугай меня!

— Я... не собираюсь тебя пугать... — прозвучало глухо, незнакомо, тяжело, будто Раулар ворочал во рту камни. — Я...

Он повернул голову и посмотрел на Эви в упор. С лица Райли глядели темные глаза демона с вертикальными щелями зрачков.

— Я... собираюсь... тебя... убить...

И в следующую секунду сильные руки короля сомкнулись на тонкой шее Эвелины.

Ноги Эвелины оторвались от пола, она забила ими в воздухе. Одна туфелька сорвалась и отлетела в сторону. В висках пульсировала кровь. Эви не могла поверить, что это происходит с ней на самом деле.

— Райли... — беззвучно прошептали губы.

Это был не Райли. Темные глаза смотрели с холодной ненавистью. Счет шел на мгновения, а испуг уже украл у королевского артефактора несколько бесценных секунд. Вместо того, чтобы вспомнить, чему ее учили на практикуме по боевым магическим искусствам, Эви повела себя как обычная перепуганная девчонка: пыталась разжать пальцы, схватившие ее за горло. Пальцы словно были сделаны из металлических прутьев.

«Какой же ты сильный! Проклятье, проклятье! Думай, Эви!»

Сильный, высокий и обуреваемый яростью. Но все же не демон — человек! Пусть и одержимый.

Мейджи никогда не любила практикум, который проходил в закрытом пустом навильоне: куда ни посмотри под ногами один песок, и больше ничего. И этот отвратительный песок Эви откуда только не выгребала после тренировки.

— *Вот на что угодно могу поспорить, мне эти знания не пригодятся, — жаловалась она Тейе, своей однокурснице. — Зачем Раулару боевик-недоучка, когда у него целая гвардия для защиты...*

Магистр Лавер, проходя мимо строя, случайно подслушал разговор, остановился, склонив голову набок, точно любопытная птица.

— *Шаг вперед, первокурсница Соль!*

Эви повиновалась, но весь ее непокорный вид и задранный подбородок говорили о том, что она останется при своем мнении.

— *Студентка Соль, посмотрите на меня. Как считаете, вы сумеете справиться со взрослым, сильным мужчиной? Попробуете? Обещаю, я даже не стану использовать магию.*

Магистр одним быстрым движением оказался за спиной Эвелины и обхватил ее обеими руками за плечи. Эви покраснела от стыда и

гнева: однокурсники тут же захихикали, особенно гаденько смеялись девчонки. Она дернулась раз, другой, присела, попыталась ударить магистра каблуком по лодыжке...

— Сдаюсь, — хмуро сказала она. — Мне это не под силу.

— Рад, что вы признаете свои ошибки. Как раз сегодня на занятии мы будем изучать аркан Улмер — вы отправите своего неприятеля в обморок, не коснувшись и пальцем.

«Аркан Улмер!» — вспыхнуло в голове.

Эви почти теряла сознание. «Отпусти его руки! Ну же!» Но инстинкт самосохранения вопил, что тогда она лишится последнего крошечного глотка воздуха.

Эвелина зажмурилась и раскрыла ладонь. Аркан Улмер. Средний и безымянный палец прижать, мизинец, указательный и большой развести как можно дальше. Намучилась Эви в свое время с этим арканом! Но сейчас — видно, от отчаяния — все вышло, как надо. Мейджи зачерпнула энергию из резерва и шарахнула изо всех сил в эту гадину! В эту...

Райли! Это же Райли! В последний миг Эвелина успела развеять часть магии, но все равно шарахнула Раулара знатно. Они вместе рухнули на пол. Голова Райли с глухим стуком ударилась о паркет, Эви упала сверху и не ушиблась. Король не шевелился.

«Я его убила!» — с ужасом подумала Эвелина.

Путаясь в длинном подоле, Эви встала рядом на колени. Раулар был бледен, из носа тянулась тонкая струйка крови, но мейджи нащупала пульс на шее — сердце билось спокойно и сильно. Эвелина только теперь смогла выдохнуть.

— О мой король... — прошептала она.

Коснулась щеки. Но тут же вскинулась: ничего не кончилось! Кольцо до сих пор на пальце Райли. Эви не знала наверняка, избавит ли она Его Величество от одержимости, если снимет артефакт, но стоит попытаться.

Она стащила перстень с руки Раулара, не жалея, обдирая кожу. Тут же исследовала артефакт — камень, ставший вместилищем проклятия, теперь был пуст. Хотя... Не совсем. Внутри пульсировала искра непонятной магии. Ладно, это потом. Эвелина быстро надела кольцо себе на большой палец, окутала коконом нейтральности: это позволит выиграть время.

Выходит, чужая душа до сих пор внутри тела ее друга, и если Райли придет в чувство, то снова попытается ее убить. Что же делать, что же делать?

«Ты облажалась, Эви! — объявила она сама себе строгий выговор. — Ты королевский артефактор или кто? Ты должна спасти его! Вытащить из него эту штуку!»

Эвелина сжала виски. Ладно. Так. Сначала обезопасим. Потом решим, что делать дальше.

Конечно, в кабинете Его Величества не было ни цепей, ни веревок, которые можно было бы использовать.

— Ладно! — сквозь зубы процедила Эви.

Она рванула подол юбки, раздирая ее на длинные полосы. Конечно, тонкая материя не то что демона, она и человека не остановит, но мейджи знала, что делает: она наложит заклятие на ткань, и та станет прочнее кожаных ремней.

Оставшийся на Эвелине лоскут едва прикрывал линию чулок. Но нет времени обращать внимание на ерунду. Эви крепко стянула руки и ноги Райли и привязала его к ножкам софы, растянув между ними.

«Интересно, что подумали бы мэтры, если бы зашли сейчас в кабинет? — отрешенно размышляла она, закрепляя магией сложные узлы. — Что это? Нападение на короля? Измена? Или любовные игры?..»

В любом случае — оправдываться пришлось бы долго.

Еще раз проверив заклятия, Эви вздохнула и коснулась холодного лба Райли.

— Очнись...

Небольшая надежда на то, что к ней вернется ее лучший друг, развеялась в прах, когда мейджи увидела черные глаза с вертикальными зрачками. Лицо Райли выглядело грубой маской, точно он разом забыл, как хмуриться или улыбаться. Такие же неподвижные лица были у демонов. Ненавистный враг все еще внутри короля.

Демон рванулся, напрягая мускулы, однако путы держали крепко. На застывшем лице мелькнула тень удивления.

Эви колотила дрожь, но она взяла себя в руки:

— Кто ты, тварь?

Лже-Райли приподнял голову, буравя мейджи взглядом.

— Мы знакомы, колдунья. — Голос звучал глухо, жутко. — Мы виделись сегодня.

— Где мы могли видеться! Что за чушь...

Эви поняла, еще не договорив фразу. Отшатнулась, едва не вскочила на ноги. Демон! Казненный демон! Но ведь она видела, как катится его отрубленная голова!

— Ты!

Отрывистый смешок твари подтвердил догадку мейджи.

— Я.

Мысли лихорадочно скакали у Эви в голове. Она пыталась разложить по полочкам то, что узнала. Артефакт стал временнымместилищем души демона, который теперь вселился в тело Райли. Враг именно на это и рассчитывал, ведь перстень передали лично королю. Кто передал — вот вопрос! Он представился вестником короля Сигизмунда и даже якобы принес письмо. Раулар не смог отыскать послание. Вероятно, письмо было лишь мороком. Да и вестник не был вестником...

«Это никак не поможет сейчас! — оборвала себя Эви. — Думай, думай!»

Демон хотел занять место Райли, и ему это почти удалось. Эви представила, как тварь заворачивает ее бездыханное тело в ковер, а ночью закапывает в саду. Но королевский артефактор стал неожиданной преградой на пути врага. Благодаря диплому с отличием...

«Или, скорее, невероятному везению!» — честно призналась себе мейджи.

...план сорвался.

Демон сверлил Эвелину тяжелым взглядом и продолжал настойчиво рвать путы, обдирая кожу на запястьях. Он словно не чувствовал боли. Лоскуты, зачарованные магией, пока не поддавались, но и тварь не собиралась уступить.

— Чего ты хочешь?

Ответа не последовало, лишь рот на миг исказился в торжествующем оскале. Конечно, он не станет отвечать. У Эви нет над ним никакой власти!

Власти... В голове толкнулось неясное воспоминание. Спецкурс по одержимости и вызову духов, на который Эвелина записалась,

чтобы пропускать занятия по верховой езде, вызывал у нее зевоту и скуку. Пентаграммы, начерченные мелом на грифельной доске, выходили настолько кривыми, что магистр Перри, маг-некромант, иронично заметил, что ни один уважающий себя дух не явится на зов к такой лентяйке.

Но сейчас Эвелина не собиралась вызывать духа, наоборот, ей надо избавиться от незваного гостя в теле Райли. Что же там про власть?

— *Что дает вам власть над потусторонними существами? Будь то создания тьмы или перешедшие черту смерти души?* — спросил магистр Перри и, не дождавшись ответа притихших первогодок, обвел взглядом аудиторию и ответил сам, коротко и емко: — *Имя!*

— Имя... — прошептала Эви.

Ей необходимо имя! Мейджи не тешила себя надеждой, что прямо сейчас изгонит тварь, но она сможет выиграть время: запрет демона, вернет Раулара, а потом... Потом попросит помощи у отца! Родители купили небольшой домик на окраине Граппы, завели огород, наслаждаются покоем. И тут Эви свалится как снег на голову с избитым и едва живым Величеством: здарсьте, демона вызывали?

Демон напряг мускулы — эх, Райли, зачем только ты так усердствовал на тренировках! — ткань затрещала. Ему явно не понравилась догадка Эвелины.

Имя, имя... Да где же его взять? Эви, застонав, зарылась пальцами в волосы и поклялась, что если они с Рауларом выберутся живыми из этой передраги, она будет обращать внимание на каждую мелочь, которая касается короля. Ведь она слышала имя демона. Не тогда, когда зачитывали приговор, раньше: Райли рассказывал, что одного из командиров вражеской армии удалось взять живым. Большая удача, ведь обычно демоны предпочитали погибнуть, отбиваясь до последнего, чем сдаться в плен. А этот что же? Оказался слаб? Или... специально?

— Он не просто командир.

Райли и Эви сидели на перилах балкончика дома королевского артефактора, любовались на ночное небо и лопали свежееиспеченную буханку хлеба с хрустящей корочкой, по очереди отламывая от нее куски.

— Из знатного рода.

Райли помолчал, скатывая хлебный мякиш в шарики и закидывая их в рот.

— Мы даже предлагали связаться с родом Тэшш. Показательная казнь не настолько была нам нужна, как информация. Он наотрез отказался...

— Тэшш? Имена под стать этим страшилищам!

Райли спрыгнул на пол и протянул руку Эвелине.

— Это не имя. Зовут его Дегар.

...Дегар! Дегар Тэшш!

Еще не веря в удачу, Эви торопливо расстегнула булавку: ей снова понадобится кровь. Зашипела, случайно попав острием в ранку, оставленную предыдущим проколом. Коснулась лба Райли, блестящего от пота. Демон клацнул зубами, нацелившись на палец мейджи: он явно не собирался лежать смирно. Как же ровно начертить стороны пентаграммы в таких условиях? Эх, сейчас бы сюда ту грифельную доску, а еще лучше — магистра Перри!

— Я знаю твое имя! — крикнула она в отчаянии. — Все кончено! Сдавайся, Дегар Тэшш!

— Никогда! — хрипло выплюнул он. — Исс Дегар ха-Тэшш не сдается! Я вернусь, я!..

Эвелина сложила аркан Улмер и вырубил тварь. Бедный Райли, как у него будет трещать голова, когда он придет в себя!

Вздохнула, закусил губу, оседлала Раулара верхом — так рисовать сподручнее — и осторожно прочертила линию на прохладной бледной коже, плетя заклинание. Теперь ничего не забыть! Руна «Тей» — замок... Руна «Хаа» — ключ... Руна «Чи» — власть... Я запираю тебя, Дегар Тэшш, проклятый демон! Как бы узнать, сколько ты просидишь взаперти? Когда вырвешься на свободу? И как тебя изгнать навсегда?

Все позже... Папа поможет! А пока спи, исс Дегар ха-Тэшш, и пусть тебе снятся кошмары!

— Райли? — жалобно позвала Эви, уже ни на что не надеясь. — Райли, очнись.

Раулар открыл глаза. Серые. Серые! Слава Пресветлой! Секунду он глядел на Эвелину, а потом вытаращился так, будто увидел перед собой привидение. Обшарил взглядом ее лицо и голые колени, дернулся и ощутил, что связан.

— Что здесь происходит, морковка?

— О Райли!

Эвелина прижалась к груди друга, обняла за шею и как-то совсем непрофессионально разрыдалась.

— М-м-м... — философски изрек Раулар. — Хорошо. Если ты проводила надо мной эксперимент, будем считать, что он удался.

Адриан Соль сидел на табурете посреди комнаты. Он не снял соломенной шляпы, не ополоснул рук и не вытер пот с лица: как зашел с улицы, так и сел.

— Рассказывайте!

— Пап...

Эви давно не видела отца таким встревоженным. В последний раз... Да, точно, в тот день, когда умерли родители Раулара.

Сегодня они с Райли застали бывшего королевского артефактора в огороде, где он рыхлил землю и бережно высаживал во влажную почву тоненькие ростки.

— Кого я вижу! — встрепенулся Адриан, когда у ворот показались Эвелина и молодой правитель. — Решили проведать старика? Мама ушла на рынок за молоком и яйцами, но скоро вернется и состряпаем омлет! Поистине королевский!

Но Раулар не ответил улыбкой на улыбку, только поправил манжеты рубашки: длинные рукава скрывали ссадины на его запястьях. А вот высокий воротник блузы все же не смог полностью спрятать потемневшие синяки на шее дочери.

— Что происходит? — Адриан распрямился и совсем перестал походить на добродушного селянина, на глазах превращаясь в могущественного мага. — Дочь?

Эви толкнула калитку и побежала к отцу между рядами грядок, не заботясь о том, что запачкает обувь. И оказавшись в его объятиях, впервые со вчерашнего страшного дня ощутила покой.

— В Райли вселился демон. Через перстень. Вот он, на пальце. Я заперла демона. На время, — выпалила она скороговоркой.

Магистр Соль, сузив глаза, огляделся по сторонам и скомандовал:

— В дом.

И вот теперь сверлил взглядом Райли и Эвелину, которых усадил напротив себя, на диванчик.

— Рассказывайте! — повторил он.

Эви кивнула и торопливо принялась пересказывать события вчерашнего дня, начиная с казни на городской площади, заканчивая

пентаграммой на лбу Райли.

— Пап, ты вытащишь его из Раулара?

Пока они шли через Граппу к дому родителей, переодевшись, как в детстве, в одежду простых горожан, Эвелина убедила и себя, и Райли, что все будет хорошо. «И глазом не успеешь моргнуть, как папа сотрет эту пакость в порошок!» Отец всегда был для нее примером, великим магом, который справится с любой напастью. А уж изгнать неприкаянный дух — пфф — легче легкого!

Но Адриан Соль молчал. Он сжал губы и сцепил руки в замок, о чем-то напряженно размышляя.

— Пап... — Голос Эвелины задрожал, она принялась стаскивать с пальца перстень. — Вот, посмотри...

— Не смей снимать! — рявкнул всегда спокойный магистр, но заметив, как побледнела дочь, смягчился. — Я уже увидел все, что нужно. Пока Арканар на твоём пальце, соблюдается хрупкое равновесие. Это твоя единственная защита от демона, когда он проснется.

— Когда?.. — прошептала Эвелина.

Она-то надеялась услышать хотя бы «если»... Райли обнял перепуганную помощницу, но и сам выглядел не намного бодрее. А отец, прогрохотав тяжелым табуретом по полу, подсел ближе и взял руки Эви в свои.

— Проклятие... — пробормотал он. — С чего начать...

— С начала! — хрипло приказал король.

— Ты прав, с начала. Ты ведь знаешь, Эви, что демоны обладают магией. Но их магия чужеродна, подчинена иным законам. Сколько бы ни изучали ее в Академии сильнейшие магистры, никто не смог ею овладеть. И если душа демона вселяется в тело, то изгнать ее привычными методами непросто. К счастью, они нечасто покушаются на людей, считая нас слабыми, жалкими существами. Мы не знаем цели демона, но, видно, ставки были высоки.

— Пап, ты говоришь, изгнать сложно, но ведь не невозможно? — жалобно спросила Эвелина.

— Я говорю, что до нынешнего момента существовал только один способ избавиться от вселившегося демона — смерть носителя, — жестко сказал магистр Соль, не щадя чувств Райли.

Тот пытался держаться, но после этих слов позеленел и сглотнул. Эви вскочила на ноги, бросилась на кухню, притащила кружку с водой. Рука ее так тряслась, что вода выплескивалась через край.

— Райли, что? Плохо, да? Выпей, выпей скорее. Папа, ты что, с ума сошел? Кто посмеет убить короля? Да что это... Что это вообще за методы такие!

— Раулар, мой мальчик, ты знаешь, что я люблю тебя как родного сына, прости, ты должен проглотить эту горькую правду, чтобы... выжить. Пойми, я полностью на твоей стороне. Но у Магистериума свои правила. Отряд егермейстеров немедленно уничтожит любого человека, в которого вселился демон.

Егермейстеры... Элитное подразделение магов.

Мейджи стороной обходила закрытый факультет Академии и снобов в черных плащах, которые считали себя выше их всех. Черные рубашки, застегнутые под самое горло, черные брюки, перстни с обсидианом на безымянном пальце. Сердце невольно начинало биться сильнее, когда кто-то из егермейстеров оказывался неподалеку.

— *Каждый раз чувствую себя преступницей, — признавалась Эвелина Тейе. — Как зыркнуть — хочется бежать со всех ног! А ведь они просто студенты пока, что же будет, когда закончат Академию!*

— *Не хотелось бы мне с ними встречаться! — передернулась подруга. — Бр-р-р!*

— В случае с Рауларом, правителем Карнаэля, все было бы непросто, — продолжал магистр Соль. — Однако я могу предположить, как будут развиваться события, если Магистериум узнает о тебе: пока суд да дело, тебя в оковах отвезут в самую укрепленную тюрьму для магов — Каззар — и станут держать там Пресветлая знает сколько... Власть перейдет к Совету Четырех, ведь прямых наследников у тебя нет, а там, глядишь, найдется побочная ветвь рода и более достойный претендент, чем тот, у кого в груди застрял враг государства. Ты можешь провести в оковах всю жизнь, если не повезет. Если повезет, тебя придушат по приказу грандмагистра... Или отравят.

— Папа! Папа, замолчи! Ты его до смерти напугал!

— Именно этого я добивался, дочь. До смерти перепуганный Раулар не будет беспечен, как обычно. Ты готов ко второй части правды, мой мальчик?

Райли не смог ответить — сидел, сцепив зубы, чтобы они не стучали, — но кивнул.

— В самом начале противостояния с демонами было создано пять мощных артефактов — пять драгоценных камней. На твоей руке один из них, Эви. Рубин Арканар. Он считался утраченным. А оказывается, ждал своего часа в Ашхатаре. Демоны пытались извратить его природу, но он по-прежнему защищает...

— Папа, умоляю, не говори загадками, у меня голова кругом!

— Магистериум создал пять артефактов, надеясь использовать их в войне против демонов. Каждый из камней отличала своя уникальная магия. Но очень скоро между королями завязались распри за право обладания ими. Никто не хотел отдавать эту силу в руки кому-то одному. Силу, а вместе с ней власть. Тогда Магистериум разделил камни между пятью королевствами. Арканар достался прадеду Райли, но тот погиб в битве, когда перстень с рубином был на его руке. Камня так и не нашли... Основная сила Арканара — защита. Демон не сможет навредить человеку, пока он носит на себе артефакт.

— Хороша защита, — проворчал король.

Он начал приходить в себя: если магистр Соль так подробно рассказывает об артефактах, значит, надежда есть.

— По нелепому стечению обстоятельств стрела, которая пробила грудь твоего прадеда, прилетела с нашей стороны, мой мальчик. Итак, пять камней...

Эвелина втиснулась на диван под бочок к Райли, взяла его за руку и приготовилась слушать.

— Про рубин вы поняли, — и бывший артефактор принялся перечислять другие камни, размеренно, будто читал лекцию. — Алмаз Грестринс. Его магия холод. Замораживает все, к чему прикоснется. Изумруд Олгун. Левитация.

Райли нахмурил брови, вспоминая, потом удивленно их приподнял.

— С его помощью можно летать, что ли?

— Именно так. Сапфир Харамон. Позволяет дышать под водой. И агат Ленар. На несколько часов возвращает умершему человеку жизнь. Вы должны найти их и принести мне. Я спасу короля.

— Найти? — ошарашенно проговорил Раулар.

— Принести?! — одновременно с ним воскликнула Эви.

Правитель и мейджи переглянулись: не ослышались ли они.

— Я пошлю кого-нибудь, — сообщил Райли, делая попытку встать, но магистр Соль усадил его на место неожиданно крепкой для его возраста рукой. — Самых доверенных людей, конечно! Делов-то! Четыре камня, четыре королевства. Попрошу на время, пообещаю вернуть. Письма с моей подписью и печатью. Никто не откажет!

— Письмо от правителя Карнаэля с просьбой передать посланнику ценнейший артефакт? О да, мой мальчик, ты все просчитал! Особенно если учесть, что доподлинно известно лишь местоположение сапфира.

— Но... что же нам тогда делать, папа? — прошептала Эвелина.

Как же так? Папа всегда казался ей самым умным человеком в мире. Она была уверена, что он решит проблему по щелчку пальцев! А тут какие-то мифические камни, покрытые мхом древности! Где, позвольте спросить, они должны их разыскивать?

— Ты и Райли сегодня же отправитесь на поиски артефактов и вернетесь лишь тогда, когда разыщете их все! — жестко сказал магистр Соль.

Даже спустя несколько часов, когда Эви шагала через подлесок и ноги, обутые в тяжелые сапоги, проваливались в разбухшую после дождей почву, а рядом шел притихший Раулар, то и дело поправляя лямку заплечного мешка, — даже тогда мейджи ждала, что вот-вот очнется от страшного сна.

Лямки и ей натирали кожу, но пока терпимо. Хуже волдырей были мысли о неясном будущем. Воспоминания же о недавнем прошлом жалили точно озверевшие от голода комары. Эви шлепнула себя по щеке, размазав очередную жужжащую пакость, увидела, что Райли сделал то же самое, вздохнула и, сняв на ходу мешок, принялась копаться в нем, отыскивая настойку полыни. Она надеялась, что не забыла ее, когда почти не глядя сгребала с полок флаконы с зельями. Много все равно взять не удалось, только самое необходимое — железняк, запирающий кровь, универсальный антидот, бессонник, ночное око... Да, вот и полынь.

— Райли, держи! — Тот ловко поймал склянку в полете, всмотрелся в бумажный ярлычок, привязанный к крышке. — Натри лицо и руки, это от комаров.

Если бы у Эвелины было больше времени, она бы собралась тщательнее. Но отец торопил, и пришлось ухватить то, что попало под руку. Например, амулет Безлжи или песочные часы, отматывающие время на несколько минут назад. Зачем им это в дороге? Лишний груз! И выкинуть нельзя...

Райли тащил спальники, еды на два дня да в увесистом кошельке, спрятанном на груди, несколько десятков новеньких золотых монет с его собственным профилем на аверсе. Но никто ведь не станет приглядываться?

Они просто скромные паломники, идут поклониться храму Пресветлой на границе с Верикией, попросить исцеления. Пресветлая ко всем людям благосклонна, кто с чистым сердцем и открытой душой к ней приходит. Парень вот, хоть и крепкий с виду, а страдает, бедняга, падучей болезнью, иногда сам на себя становится не похож.

Такую легенду Эвелина собиралась рассказывать каждому, кто спросит, что они за путники и куда направляются. Вроде на купцов не тянут, мешки больно тощие. На странствующих актеров тоже, те обычно на кибитках разъезжают, да не парами. Понимают, что по лесу в такую пору слоняться опасно, не ровен час, разбойники на лоскуты порежут. Разве что маги-практиканты: ищут, где бы подработать, а то, глядишь, и на постоянное место наняться...

У Эви мелькала мысль притвориться практикантами, она даже сунула диплом во внутренний карман пальто, но по трезвом размышлении поняла, что молва всегда бежит на шаг впереди: стоит лишь раз сболтнуть случайным попугачиком о том, что два практиканта ищут халтурку, как от гнойных чирьев, расшалившихся домовых и прочих напастей будет не отвертеться.

Совет Четырех услышал другую версию. Райли спешно собрал мэтров в малом зале и объявил, что уходит в поход — Испытание. Существовала прежде такая традиция, когда молодые наследники должны были пешком пройти страну из конца в конец. Правда, после того как началась война, о ней благополучно забыли: испытаний и так хватало.

— Вы не в себе, Ваше Величество? — воскликнул мэтр Вокр: он всегда выражался резко. — В поход? Сейчас? Когда столько незаконченных дел?

— Я уверен, дражайший Бастиан, несколько недель дела подождут, — ответил вместо Раулара магистр Соль. — Мальчик хочет стать мужчиной, это его желание и его право! С ним отправляется моя дочь, а я остаюсь во дворце и всегда в вашем распоряжении, уважаемые мэтры.

— Мальчик! — фыркнул Райли, но услышала его только Эви, стоящая рядом. — Давно уже мужчина!

Эвелина промолчала. Она-то сейчас на самом деле чувствовала себя насмерть перепуганной девчонкой. Конечно, как и все студенты, она проходила практику. Семеро человек вместе с куратором все лето жили в лесу, тренировали заклинания, собирали травы, лечили от хвори жителей из окрестных поселений... Так это задумывалось. На самом деле лентяи-пятикурсники вскладчину сняли домик на окраине деревушки и весело проводили время, лишь иногда выбираясь в

реденький лесок, где из всех трав чаще всего отыскивали те, что снимали похмелье...

Еще в доме отца, когда Адриан Соль, сдвинув кухонную утварь на угол стола, расстелил потертую на сгибах карту, Эви робко призналась, что боится не справиться с миссией. Но отец, обычно уступчивый, холодно сверкнул глазами:

— Ты должна была думать об этом раньше, мейджи Соль, — когда соглашалась на должность королевского артефактора. Ты дала клятву оберегать короля ценой собственной жизни!

Райли смотрел, как магистр расставляет на карте предметы, изображающие камни. Точно известно, что в последние годы сапфир находился в Верикии у короля Сигизмунда, — территорию соседнего государства украсила солонка. Рядом по кругу, окаймляя кляксу Ашхатара, встали безделушки с каминной полки.

Наверное, король должен был сказать: «Все хорошо, морковка, я освобождаю тебя от клятвы». Но он промолчал...

Вернулась с рынка мама, всплеснула руками: опять вы, мальчики, за свои стратегии, давайте-ка лучше обедать!

Адриан Соль строго посмотрел на дочь: ни слова. И она кивнула, улыбнулась через силу, хотя обмирала от ужаса.

— Ты представляешь, этот балбес собрался в поход! — преувеличенно бодро воскликнул магистр. — Вспомнил о традиции предков! Сегодня же отправляются!

— Райли, мальчик, зачем ты затеял эту глупость? — удивилась Марта.

— Да не волнуйся, мам, — услышала Эвелина свой веселый голос. — Мы недалеко! Прогуляемся по ближайшим селам и вернемся.

— Ох, дети! Смотрите, одевайтесь теплее.

Уже во дворце Эви умоляла отца дать им хотя бы сутки на сборы.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился магистр, и не успела мейджи воспрянуть духом, добавил: — Но не могу обещать, что утро следующего дня Райли не встретит в стенах Каззара. У Магистериума свои способы отыскивать одержимых.

И вот теперь они с Рауларом брели навстречу своей судьбе. Либо они соберут все артефакты и смогут вернуться, либо... Об этом думать не хотелось.

Райли возвратил ей флакон с настойкой полыни.

— Не комары, а звери, — улыбнулся он, помолчал и добавил: — Прости, морковка, что втянул тебя во все это...

— Я спасу тебя, Райли. Обещаю, спасу!

Солнце зацепило краем верхушки сосен. Первый день похода, больше напоминающего бегство, подходил к концу. У Эви с непривычки ныло все тело: неудобная обувь натерла мозоли, спину ломило под тяжестью мешка, саднили расчесанные укусы на руках — некоторые кусачие твари атаковали, несмотря на настойку полыни, а на отражающие заклятия мейджи не хотела тратить резерв. Мало ли зачем может понадобиться магия двум одиноким путникам в чаще леса...

Чем сильнее сгущались сумерки, тем тревожнее становилось на сердце. Одни за много километров от дома... Отец проложил на карте дорогу к границе Верикии, большая часть ее проходила вдалеке от крупных городов, но на пути встретится несколько поселений, где можно пополнить запасы еды.

— Зайдете в лавку, купите все, что нужно, и уходите! — напутствовал их магистр. — Не вздумайте оставаться на ночлег. Сейчас тепло, отлично переночуете в лесу.

Пора делать стоянку: сил не осталось. Да и Райли, хоть не пожаловался и словом, едва переставлял ноги.

Эви высмотрела удобный овражек, укрытый от посторонних глаз разросшимися кустами. Скинула на землю мешок, с наслаждением потянулась. Райли, однако, не торопился избавляться от ноши, задумчиво взгляделся в просвет между деревьями, принялся.

— Морковка, давай посмотрим карту.

Вынул из кармана камень-светлячок, потер между ладонями, дожидаясь, пока тот от тепла разгорится ярким голубым светом. Король и его артефактор склонили головы друг к другу и уставились на кусок пергамента, где маршрут, проложенный Адрианом Солем, был обозначен зеленым пунктиром, а путники — яркой алой точкой. Точка не стояла на месте, а перемещалась по карте так же, как Райли и Эви по настоящему лесу.

— Так я и думал! — удовлетворенно воскликнул Раулар и ткнул пальцем в темный кружок. — Гнездовище. Деревенька. Да вот, смотри, до нее идти по прямой не больше получаса. А я уж решил, что запах

дыма мне почудился. Я когда-то бывал в Гнездовище с отцом. Верхом от дворца добрались за пару часов... А пешком полдня потратили.

— И что? — не поняла Эви. — На сегодня у нас продукты есть, и на завтра хватит. Сейчас перекусим и будем устраиваться на ночевку.

Райли наморщил нос: он так всегда делал, когда затевал какую-то шалость. И в пять лет, и в десять, и в двадцать два, выходит, ничего не изменилось.

— У въезда в село стояла таверна «Сытый кот», где готовили вкуснейшие потрошки в горшочках. Лучшие в Карнаэле, клянусь!

Райли заговорщически подмигнул, наклонился, подхватил мешок Эвелины, закинул его на другое плечо и рысцой — откуда только силы взялись — затрусил вперед, весело оглядываясь на ходу.

— Райли! — крикнула Эвелина. — Стой, балбесина!

Но делать ничего не оставалось, кроме как следовать за резвящимся королем.

«Ладно, поужинаем и вернемся на маршрут, — успокоила себя мейджи. — Что плохого может случиться?»

Скоро и она ощутила аромат наваристой похлебки и свежего хлеба. Райли спустился с пригорка и ждал ее у обочины наезженной дороги — земля спеклась в твердую корку, идти стало так же удобно, как по мостовым Граппы.

В этот поздний час путников почти не было, лишь у самого въезда в деревню их обогнала пустая телега. Весьма кстати. Мужичок, заросший бородой по самые уши, подтвердил, что «Сытый кот» стоит на прежнем месте: «Что ему сделается!» И махнул рукой в сторону двухэтажного строения, единственного во всей округе.

Уже через несколько минут Эви плюхнулась на лавку, с наслаждением вытянула уставшие ноги, откинулась на стену и прикрыла глаза. Сквозь веки видела алые всполохи жарко натопленного камина и так разомлела от жары, что с трудом боролась со сном.

Услышала, как Раулар заказывает два «Толстых Мурлыки», и хихикнула:

— Они точно здесь не котов готовят?

— Обижаешь, девка, — оскорбился разносчик. — Хозяин лучшую свинью зарезал, еще утром хрюкала.

Эви в свою очередь хотела обидеться на «девку», но вспомнила, что в деревнях так называют всех незамужних девушек.

Кажется, она все-таки задремала. Очнулась от стука выставленной на стол посуды. Два глиняных горшка, исходящих паром. Две кружки с темным пенным напитком. Блюдо с ржаным хлебом. Проглотила слюнки.

Райли, довольный, будто лично сам все это готовил, протянул ей деревянную ложку. Потер руки.

— Ну, приступим! Жуй, морковка. Это невероятная штука!

Они оба так устали и проголодались, что на разговор сил уже не осталось. Ели молча, улыбались друг другу с набитым ртом. Зал таверны не был заполнен и на четверть. Местные жители цедили пиво, двое в городской одежде — приезжие — ужинали. У камина жались баба с двумя ребятишками, у ног лежали узлы — видать, не от хорошей жизни пустилась в путь.

Дверь открылась, разбавляя застоявшийся дух таверны свежим воздухом, и впустила в зал пятерку мужчин. Один из них — старый знакомец. Тот самый бородач, что указал дорогу.

Они сели неподалеку, заказали выпивку. И вроде не о чем волноваться: пришли люди отдохнуть после трудового дня, но Эви не понравилось, как то один, то другой стрелял глазами в их сторону, как они переговаривались вполголоса, оценивая разглядывая Райли.

Раулар же после вкусного ужина сиял благодушной улыбкой. С сожалением отодвинул на край стола опустевший горшочек.

Тотчас же возник разносчик.

— Не желаете еще чего-нибудь? Есть засахаренные фрукты для вашей дамы.

Вот как! Слово-то какое вспомнил — «дамы»!

— Эви, ты ведь любишь цукаты! — обрадовался Раулар. — Да, несите. Персиков, абрикос и, если есть, дыню.

— Ничего не нужно, — прошипела Эвелина. — Райли, нам пора!

— Я подумал, может быть, заночевать...

— Идем!

Она встала, схватила мешок. Мужики за соседним столом переглянулись. А тут еще Раулар, вместо того чтобы выудить из кошелька монету, высыпал на ладонь сразу горсть, надеясь отыскать среди золота серебрушку — расплатиться за трапезу.

Эвелина схватила золотой, сунула в руки работника и потянула упирающегося короля к двери.

— Какой демон в тебя вселился? — брякнул Райли уже за порогом.

Понял, что сморозил, и посерьезнел.

— Ладно, идем.

Эвелина хотела рассказать другу о том, что ей не понравились люди за соседним столом, но потом решила, что накручивает себя.

Они вышли из деревни и углубились в лес. Эвелине мерещились шорохи и приглушенный гул голосов, однако она заставила себя не оборачиваться. Ерунда. Просто надо выспаться.

Однако и Райли, идущий чуть впереди, почувствовал неладное. Дождался, пока Эви догонит, наклонился и тихо сказал:

— Мне кажется, нас преследуют.

Кивком указал на тени, укрывшиеся между деревьев: то ли кусты шевелятся, то ли звери, то ли люди — не разберешь. У мейджи по спине пополз холодок. Мысленно, как учил магистр Лавер, она измерила магический резерв — семь единиц. «Я не боевой маг, — простонала она про себя. — Я артефактор, всего лишь артефактор!» Никто не учил Эвелину противостоять нескольким вооруженным людям, сил хватит на три-четыре сильных заклятия. Но, может, еще обойдется?

Дрожащими руками она развязала горловину мешка и постаралась на ощупь найти настойку ночного ока в пузатых флаконах, но натыкалась, как назло, то на бесполезную сейчас полынь, то на песочные часы с зачарованными крупинками. Разозлившись, сунула их в карман. А вот и нужное зелье!

Эви сделала глоток и протянула Раулару остатки. Сумрак тут же рассеялся. Деревья, трава, напряженное лицо короля, его судорожно сжимающие пузырек пальцы — выступили из темноты. И окружившие их люди тоже стали видны как на ладони...

Райли не взял с собой даже ножа. Магистр Соль решил, что так безопасней: Райли теперь не совсем Райли. Кто знает, когда пробудится демон? И что он сделает? Клинком короля теперь стала мейджи.

Эх, если бы только можно было захватить из хранилища сильные артефакты! Эви с грустью вспомнила о Разящем Пламени, о Стальной Мести, о Зубе Змеи — обо всех магических кинжалах, которые

остались лежать в ячейках, в футлярах и шкатулках. Древнейшие и единственные в своем роде. И каждый из них — смертельное оружие в руках демона... Поэтому с собой только настойки и безделушки вроде Безлжи и одноразовых песочных часов.

Эвелина сжала руку короля: «Без глупостей!» Как бы сгоряча не натворил бед. И твердо произнесла вслух:

— Чего вам, добрые люди? Золота? Мы вам его отдадим и разойдемся миром. Ни вам, ни нам не нужны неприятности.

Денег было жаль до зубовного скрежета. Вот и Райли угрюмо сжал челюсти. Его взгляд упал на толстую ветку рядом с ногой. Эви дернула друга за рукав, заставив посмотреть на себя, покачала головой: «Оно того не стоит!»

Деньги — дело наживное. Руки есть, голова на плечах тоже — не пропадут.

Разбойники посоветались и вышли из-за деревьев. Первым осторожно ступал тот самый бородач, а справа и слева от него по двое крепких верзил. Интересно, деревенский староста не знает, что в окрестностях Гнездовиц творится? Или просто закрывает глаза?

— Отдай ему кошель, — сказала Эви.

Раулар не пошевелился, будто не услышал.

— Ну же, Райли. Это всего лишь деньги!

Король запустил руку в вырез рубашки, вытянул кожаный кошель. Помедлив, снял его, зажал в кулаке. Мужичок, плюгавенький, щуплый — и не поверишь, что он сколотил шайку, — ухмыльнулся.

— Не хнычь-ка! Считай, что в обучении побывал. Заплатил за науку! Впредь умнее будешь, сопляк.

Райли спустил бы и этот мерзкий тон, и усмешку... Но не «сопляка»!

— Нет! — успела крикнуть Эви.

А больше ничего не успела и беспомощно наблюдала, как кулак Раулара, утяжеленный увесистым кошелем, врезался в скулу разбойника. Тот смешно шлепнулся на землю, задрал ноги. А потом веселиться расхотелось...

— Что ж вы, ребята, — сказал он жалостливо и добавил: — Парня убить, девку оставьте. Косточки мне погреет сегодня ночью.

Эвелину задохнулась от гадливости. Но их уже брали в кольцо, раскисать было некогда!

Аркан Улмер отправил мужика, раскорячившего руки, чтобы схватить мейджи, в глубокий обморок. И сразу же срубил магический резерв на три единицы.

Райли нагнулся и подобрал ветку — настоящую дубину. Молодой король был очень силен и, в чем ему не откажешь, смел. Но еще он никогда в жизни не сражался по-настоящему. Не с гвардейцами, которые боялись лишней раз ткнуть Величество в грудь тупым деревянным мечом, а с озлобленными людьми, которые собирались его убить.

— Справа! — крикнула Эвелина, отскакивая от лезвия топорика.

Райли, кажется, весьма удивился, поняв, что разбойник с поварским тесаком не будет терпеливо ждать, пока комель прилетит ему в лоб: он ловко уклонился и ослабился.

Эви кружилась волчком, уходя от цепких пальцев, которые хватили лишь воздух, и судорожно пыталась вспомнить действенный, но не слишком энергозатратный аркан. Пока выведен из строя один негодяй, да бородач по-прежнему сидел на земле, потирая скулу, — его тоже можно не считать. Остались трое.

Эви присела, складывая онемевшие пальцы в аркан Вир, направила в сторону «тесака», ослепив и оглушив того на время.

Резерв опустел еще на две единицы. Две в запасе. Всего две. Тут хоть ужом извернись, а задачка решения не имела: две на троих не делились.

Райли приложил-таки одного из нападавших — неповоротливого рябого простака. Тот без звука свалился на землю.

— Ага! — обрадовался король. — Ну, давайте! Кто следующий? Кто смелый?

Он рассчитывал на честный бой — один на один. Он не знал, что бывает по-другому.

Но лысый с бычьей шеей и длинный, худой точно жердь переглянулись и зашли с двух сторон. Схватили Раулара за руки. А бородач, которого Эви списала со счетов, неожиданно бодро вскочил на ноги, на ходу доставая из голенища узкий нож.

Тогда это и произошло...

Всего секунда. А будто вечность.

Острые лезвие глубоко вошло под ребра Раулара. Он охнул, оседая на землю. Широко раскрыл глаза. Шарил взглядом по темным стволам,

пока не зацепился за Эвелину.

— Эви...

Даже не сказал — выдохнул.

«Это конец. Не спасла. Так глупо, так глупо... Ничего толком не успели, даже от города не отошли...» — метались мысли.

О своей судьбе и не думала. Не сомневалась, что не позволит никому к себе прикоснуться. Не зря всех первогодок в Академии первым делом предупреждают о том, что любое заклятие может обернуться против самого мага. «Поэтому внимательность и осторожность! Всегда!» — твердили на каждом практическом занятии.

Но Эви сейчас не будет ни внимательна, ни осторожна. Аркан Саас — ледяная игла в сердце. Последние две единицы резерва. И король Карнаэля, и его незадачливая помощница навсегда останутся в этом безымянном лесу.

А рука между тем нащупала в кармане тонкую колбочку песочных часов.

Часы — одноразовый артефакт. Единственная попытка что-то изменить. Проклятие, Эви даже не знала, сколько минут у них в запасе. Но размышлять некогда!

Раздавила пальцами хрупкое стекло, ощутила, как песчинки стекают по порезам, перемешиваясь с кровью. Вспышка. Артефакт активировался...

— Не хнычь-ка! Считай, что в обучении побывал. Заплатил за науку! Впредь умнее будешь, сопляк, — с глумливой улыбкой проговорил бородач.

Райли стоял рядом. Живой. Невредимый.

— Остановись! Райли! Нет! — крикнула Эвелина.

Кулак Раулара дрогнул, поэтому прилетел не в скулу разбойника, а в глаз. Но это ничего не изменило...

Пары ударов сердца хватило, чтобы Эви поняла: все закончится их гибелью. Теперь шансов и то меньше, ведь резерв мейджи почти пуст. Две жалкие единицы. На что их потратить? На аркан Саас для Райли, чтобы он умер, ничего не успев понять? Или оставить для себя? Ведь если эти грязные руки только попытаются до нее дотронуться... Нет, лучше смерть!

Эвелина застыла на месте. Райли отбивался от всех сразу, закрыв собой помощницу. Ножи и топоры кромсали дубину, которую король

использовал как щит, сам же он не успел нанести еще ни одного удара.

— Морковка! — крикнул он, не оглядываясь. — Давай же! Сделай что-нибудь!

Что-нибудь... Что? «Если бы ты не был таким вспыльчивым, Райли, ничего не пришлось бы делать!»

Решение появилось неожиданно. Совершенно отчаянное решение, впрочем, выбирать не приходилось.

Им нужен кто-то сильный. Настоящий безжалостный воин, который побывал не в одной схватке. Лишь бы Раулар остался жив. А что потом — она подумает позже.

Эви сложила ладони лодочкой и направила в спину короля.

— Просыпайся, исс Дегар ха-Тэшш! Очнись!

Резерва должно хватить на то, чтобы разбудить душу демона. Ведь не из потустороннего мира она его призывает!

Все, последние крохи магии покинули мейджи. Раулар замер с прямой спиной. Сработало? Или нет?

Лысый здоровяк занес топор над головой Райли... Захрипел и покатился по земле, зажимая распоротое горло. Эви и не заметила, как оружие переключалось в руку короля.

Вернее, демона. Дегар Тэшш вернулся! Иначе как объяснить то, что происходило сейчас на опушке ночного леса?

Удар. И рябой детина завопил, держась за брюхо. Вопил недолго. Демон добил его ударом по голове.

Движение отточенные и экономные. Ни звука, ни тени страха. Он был хуже палача. Машина для убийств, да и только!

— Сынок, сынок, ты не горячись... — заныл бородач, поднимая трясущиеся руки. — Все, все, мы уходим! Мы... А-а-а-а!..

Скулеж оборвался вместе с жизнью.

«Хватит! — хотела крикнуть Эви. — Хватит, они сдаются!»

Но язык прилип к нёбу. По земле на четвереньках полз тощий разбойник, но вот он резво вскочил на ноги и скрылся среди деревьев. Пусть уходит. Еще минуту назад Эвелина желала их смерти, но то, что происходило сейчас, это не самозащита. Это бойня...

В воздухе отзвенел последний крик. Четыре тела лежали на земле у ног демона. Он медленно повернулся к Эвелине, не выпуская из рук топора. Забрызганный кровью, спокойный, а оттого еще более жуткий.

Эви судорожно втянула воздух и попятилась, выставив перед собой ладонь с рубином и надеясь изо всех сил, что папа ничего не напутал и Арканар действительно защищает от рогатых тварей.

— Ты... Ты не посмеешь!

Дегар подошел совсем близко. Эви почудилась усмешка на его неподвижных губах. Но, конечно, это лишь тени скользили по лицу. Демоны не умеют улыбаться. Не умеют любить. Не чувствуют привязанности. Не сожалеют. Все это знают.

— Чего не посмею? — глухо спросил он.

— Убить меня! У меня Арканар! Вот, посмотри!

— Убить тебя? Смерть станет слишком легким наказанием для тебя, колдунья. Ты решила, что можешь распоряжаться мной, как своим зверьком? Заставлять сражаться за тебя, как верный пес? Исс Дегар ха-Тэшш не простит унижения.

Эви посмотрела на ситуацию глазами демона: он вынырнул из тьмы и оказался в самой гуще сражения. Неудивительно, что он зол. Впрочем, очнись он в теплой ванне с бокалом вина в руке — вряд ли бы подобрел.

Видение рогатого демона в ароматной ванне, где плавают лепестки роз и крошечные свечи, выпустило из Эвелины страх, как из лопнувшего воздушного шара. А может, она просто устала бояться? Хуже быть все равно не может. Один на один с демоном в ночном безлюдном лесу — трупы не считаются — под ненадежной защитой испорченного артефакта и без капли магии.

— Значит, сейчас ты меня убивать не собираешься? — холодно уточнила она.

Не дождалась ни кивка, ни слова, но так как топор не вонзился ей в темечко, можно считать это положительным ответом.

Эви прошла мимо, глядя в землю. Действие ночного ока скоро закончится, надо успеть, пока она видит в темноте. На убитых мейджи старалась не смотреть, но они ее не пугали. Любая другая девушка упала бы без чувств, но Эвелина за пять лет учебы в Академии успела навидаться всякого. Однажды помогала на кладбище, оказавшемся под заклятием некроманта-рenegата. Десятки разоренных могил и чудовища, когда-то бывшие людьми...

Вот здесь во время битвы стоял Райли. Кошелек был в его руке. Наверное, выронил, когда схватился за дубину. Но теперь кожного

мешочка, набитого золотыми, нигде не видно.

— Мерзавец! — прошипела Эви сквозь зубы, догадавшись, куда подевался весь их дорожный капитал.

Тощий разбойник прихватил, улепетывая. Вот уж кому повезло сегодня — и делиться не придется.

Она в сердцах пнула кустик травы. Что же теперь? И пожаловаться некому: Райли сейчас не здесь, а вернуть его раньше завтрашнего дня, когда у Эви восполнится резерв, не получится.

Подозрительная тишина заставила Эвелину обернуться.

— А ну стой! — завопила она в спину удаляющемуся демону.

Дегар Тэшш почти затерялся среди деревьев. А когда Эвелина, запыхавшись, догнала его, обратил на нее внимания не больше, чем на назойливого комара.

«О Пресветлая, закончится когда-нибудь этот день или нет? — взмолилась Эви. — Что мне теперь делать?»

У демона были свои планы, в которые он не собирался посвящать мейджи. А она не могла его остановить, могла лишь идти рядом. Хоть в Ашхатар, хоть к черту на рога! Она не собиралась бросать Райли на произвол судьбы.

— Ты вспотела и часто дышишь. Твое сердце бьется со скоростью сто сорок ударов в минуту. И твоя магия сгорела. Скоро ты выбьешься из сил, колдунья, и упадешь на землю.

— Не дожدهшься! — рыкнула она, отдуваясь.

Получилось жалко, поэтому Эви решила не реагировать на провокации. Но непохоже, что демон хотел взбесить ее, он говорил безразлично, просто перечислял факты.

Так они и шли. Исс Дегар ха-Тэшш впереди, Эвелина — позади. А мешки с едой, одеялами и зельями остались лежать на залитой кровью поляне.

Демон шагал будто заведенный. Казалось, он так и будет идти без воды, пищи и отдыха час за часом.

— Потерпи, Эви, — шепотом уговаривала себя мейджи. — Ты сильная! Вспомни ночной практикум! Раз-два, левой-правой!

Она не представляла, где потом станет разыскивать тело Райли, если потеряет его из виду.

— Я тебе задам, когда сила вернется! Так шарахну — мало не покажется! — шипела она в спину Дегара Тэшша.

На этих словах демон внезапно пошатнулся, ничком рухнул на землю и остался лежать, полускрытый травой.

— Что?..

Эви могла ручаться, что не применяла магию. Она кинулась к врагу, присела на корточки. Демон дышал ровно, даже похрапывал.

— Да что с тобой? — растерялась мейджи.

Она обшарила тело Райли в поисках ран, но обнаружила лишь несколько царапин. Чужая кровь запеклась коркой на одежде, сам же демон вышел из боя невредимым. А потом ее озарило.

— Глупый демон! — усмехнулась она.

Дегар ха-Тэшш не рассчитал сил. Человеческое тело не выдержало нагрузки: долгий утомительный день, бой на пределе возможностей, а потом ночной марш-бросок. Он просто переутомился, вот и свалился без чувств. Эви плюхнулась на землю и вытерла рукавом пот со лба: теперь можно и передохнуть.

Эвелина с тоской вспомнила о теплых одеялах, о сыре и ветчине, завернутых в вощеную бумагу. Да что там — хотя бы напиться! Мелькнула мысль поискать ручей. Эви ощущала запах воды где-то неподалеку. Но как отойдешь? Вроде смиренно лежит, а стоит отвлечься, как и след простынет.

Вздыхнув, она сгребла в кучку прошлогодние сухие листья, соорудив подобие подушки. Легла, закутавшись в пальто. Было зябко и жестко. Это и хорошо: нельзя спать, ни в коем случае нельзя. Утром вернется магия, и Эви потратит пару единиц, чтобы взбодриться.

Главное, чтобы тело не поднялось и не утопало... Куда, кстати, оно там топало?

Эви зевнула. Моргнула раз, другой... А когда открыла глаза, в синем небе сияло солнце, оглушительно пели птицы, одуревшие от тепла и света. На кочке сидел Райли и с интересом разглядывал свои руки.

Райли? Или демон? Из-за того, что тот опустил голову, Эвелина не видела зрачков. Она затаилась и подсматривала из-под опущенных ресниц.

Парень ткнул себя в бицепс, помял пресс. Уголки его губ скорбно изогнулись. Ущипнул себя за предплечье и издал горловой звук. Эви могла поклясться, что в этом рыке слышалась досада.

— Шаари! — выплюнул он. — Улитка!

Ясно, Дегар ха-Тэшш все еще здесь. Эви перестала притворяться и села. С головы посыпалась труха, в которую за ночь превратились листья. Хорошенькое зрелище они сейчас представляли: демон в одежде, перепачканной запекшейся кровью и землей, она с сором в волосах и в измятом пальто. Сами хуже разбойников.

Дегар уставился на мейджи своими черными глазищами. Некоторое время они буравили друг друга взглядами, словно надеялись испепелить врага огнем ненависти.

Эви проверила резерв и с облегчением ощутила, что магия восполнилась. Пора отправлять демона на покой! Она незаметно прижала средний и безымянный пальцы к ладони... Думала, что незаметно!

— Стой! — рявкнул ха-Тэшш, поднимая руку. — Вы с улиткой не протянете и дня!

— Не твое дело!

— Это тело — мое дело!

— Ах ты!.. — Эвелина задохнулась от возмущения. — Ты украл тело Райли! Вселился без спроса! Тебе отрубили голову! Вот и будь добр, сдохни, как всякий порядочный покойник!

Демон зарычал и вдруг налетел на мейджи, в мгновение ока опрокинул на землю, навис сверху, прижав руки. Она пискнула от неожиданности и какой-то детской обиды: почему? Ведь папа сказал, что Арканар ее защитит!

— Ты не можешь!..

— Убить? — На лице Райли, таком знакомом и в то же время чужом, не отражалось никаких чувств. — Убить — не смогу. Жаль. Ты мне мешаешь. Должен был убить сразу.

Эви попыталась изогнуться и сбросить с себя мерзавца, но тот распластал ее по земле так, что и пальцем не шевельнешь. Аркан сложить тем более не получится. Патовая ситуация...

— Чего тебе нужно? — крикнула Эвелина, растеряв от злости весь страх. — Вы!.. Проклятые захватчики! Ненавижу! Что бы ты ни делал, мы тебя победим. Выставим из тела! Соберем артефакты и...

Она прикусила язык: не нужно демону знать об их планах. Взгляд Дегара сделался цепким, впился в лицо Эви.

— Артефакты? — повторил он. — Грестринс. Олгун. Харамон. Ленар.

Один за другим демон без запинки перечислил магические камни, внимательно наблюдая за Эвелиной. Та сделала безмятежное лицо: «Каки-таки Олгун, Харамон? Знать не знаю, ведать не ведаю!» Так старательно пялилась в небо, что переусердствовала.

Ха-Тэшш ее раскусил. Выражение его глаз изменилось.

— Не бесполезна, — подытожил он. — Заключим сделку.

— Пусть с тобой темные стражи преисподней сделки заключают! — выплюнула Эви. — Никаких сделок с демонами!

— Я помогу отыскать артефакты и освобожу короля. Сам. В обмен на камни.

— Размечтался! Отдать камни ашхатарским отродьям! Ни за что!

— Камни не принесут вреда людям.

— Ври больше!

У Эвелины затекли запястья и ныли неловко вывернутые локти. Как бы ей хотелось засадить арканом демону промеж глаз! «Прости, Райли, головную боль я потом вылечу в два счета!» Однако беседа грозила затянуться.

— Исс Дегар ха-Тэшш никогда не врет.

Прозвучало так, будто Эви задела чувства этого дикаря. Смешно! Какие могут быть чувства у горы мускулов и костей? Может, подыграть ему? Пусть думает, что она поверила. А то он ее скоро в блин расплющит.

— Что ты предлагаешь? — проворчала мейджи, притворившись, что уступает.

— Помощь, — глухо произнес демон. — Я предлагаю помощь.

И уставился в лицо Эвелины немигающим темным взглядом, под которым мейджи ощутила себя крошечной былинкой. Если бы не Арканар на пальце, демон давно бы стер ее в порошок.

Но как это, однако, странно! Эви мысленно перебрала все, что знала о Дегаре Тэшше. Происходит из знатного рода, один из командиров вражеской армии, попал в плен и был казнен. Вроде бы все просто.

Просто, да не совсем. Он понимал, что умрет, и заранее позаботился о том, чтобы Райли получил перстень с проклятием в тот же день, когда свершится казнь. Вряд ли он провернул все в одиночку, значит, у демона есть помощники на стороне людей.

«Крысы! — выругалась Эвелина. — Когда-нибудь я узнаю! Все узнают!..»

Но зачем Дегару вселяться в тело слабого человека? Пусть даже короля. Он не мог не знать, что одержимость скоро станет заметна и Райли останется одна дорога — в Каззар. Что мог сделать демон в облики повелителя Карнаэля? Он не мог повлиять на ход войны, даже никакого приказа не мог подписать без согласования с Советом Четырех.

Тогда что? Что? «Думай, Эви. Думай!»

Дегар ха-Тэшш пялился на Эвелину, отчего мысли путались.

«Ладно, представим, он заполучил тело Райли и убил его помощницу. Что дальше?»

И тут мейджи озарило.

— Камни! — вскрикнула она. — Все ради них, верно?

И затараторила, проговаривая скорее для себя, чем для этой жабьей — прости, Раулар, — морды.

— Тебе не нужен был неопытный артефактор. Если бы ты меня убил — на помощь Райли пришел бы мой отец. Он бы не бросил правителя в беде. Только камни изгонят душу демона из тела короля. Единственный способ его спасти! И тебе тоже нужны эти камни! Неужели они настолько важны, что ты собственной жизни не пожалел?

— Сыны Джалгарра должны помнить, что смерть может настичь их в любой момент. И когда такой момент наступит — умереть с достоинством.

Дегар говорил весомо и тяжело. Фраза звучала как постулат, но ха-Тэшш верил тому, что говорит.

— Вот и дурак! — в сердцах выкрикнула Эви. — Что у тебя в голове? Капуста? Неужели ты думал, что после того, как ты сдашься, тебя оставят в живых?

В пережатых запястьях бегали мурашки, голова кружилась. Да и на сердце было погано, так что в выражениях Эвелина не стеснялась.

— Я не сдался.

— Значит, тебя захватили! Лягушка краснорожая!

— Исс Дегар ха-Тэшш пришел сам.

На Эвелину точно вылили ведро ледяной воды. Из жара бросило в холод. Что он несет? Да чего ожидать от дикаря! Он и говорить-то не умеет нормально.

— Исс Дегар ха-Тэшш есть гора мускулов. У Исс Дегара ха-Тэшша есть голова. Исс Дегар ха-Тэшш в нее ест! — она зло передразнила манеру демона изъясняться.

— Исс Дегар ха-Тэшш знает язык людей, — проронил демон, и Эви могла ручаться, что он сейчас нарочно пародирует саму мейджи. — А маленькая улитка с головой, хрупкой, как яичная скорлупа, знает язык сынов Джалгарра?

Эви открыла рот, но на ум не приходило ничего, кроме ругательств. Поэтому она решила игнорировать, уставилась в небо — безмятежное, сияющее, чуждое войн и недопониманий... Ей явственно послышался смешок, но когда она, сузив глаза, с презрением воззрилась на врага, его лицо было непроницаемым. Показалось...

Молчание затягивалось, а руки болели немилосердно.

— Пальцы мне еще пригодятся, — проворчала Эви. — Без них моя магия бесполезна.

— Увижу козу — прихлопну! — пригрозил демон.

— Козу? Какую козу? — опешила мейджи.

А потом представила, как выглядит аркан Улмер со стороны — в точности «коза» из детской считалки: рогатая, бодатая. Не выдержала — фыркнула. Потом кивнула. Пусть сначала расскажет, что задумал, «козу» она всегда успеет сложить.

Дегар выпустил ее запястья, Эвелина, застонав, села. Начала растирать затекшие, онемевшие руки.

— Выходит, ты пришел сам? — тихо произнесла она. — Что, прямо во дворец?

Говорила и сама не верила в сказанное.

— Нет. На аванпост. Попросил о встрече с правителем Карнаэля.

— И что?..

Ой, глупый вопрос!

— Встретился, — с мрачной иронией ответил демон.

Да нет, почудилось. У лягушек нет чувства юмора. Вся их жизнь — бессмысленная и бесконечная битва. С тех пор, как демоны объявились в мире людей, они только и делали, что сражались, отгрызая по кусочку от чужих земель, и расплачивались за это сотнями жизней.

Эви ощутила, что страшно устала. Поход только начался, а весь план летит в тартарары.

— Нам не нужна твоя помощь, — угрюмо бросила она. — Никаких сделок не будет. Я могла бы вырубить тебя исподтишка, но — оцени честность — говорю прямо. Как только ты отвернешься, расслабишься, опустишь взгляд, а это непременно случится рано или поздно, я тебя отключу и верну Райли. Мы найдем камни, но ты их не получишь.

— Ценю честность, — ответил Дегар. — Ищите камни. Я не стану мешать.

Эвелина сжала кулаки: какая-то ловушка! Мол, ищите, улиточки. Сделайте за меня всю работу, а как только соберете артефакты — тут я появлюсь, точно чертик из табакерки. Точно демон из преисподней!

А какие варианты? Никаких... Эви вздохнула.

— Ну что, показать «козу» или ты сам выпустишь Райли?..

Эвелина не договорила — в выражении лица Раулара что-то неуловимо изменилось. И осанка сделалась другой. Он и дышать стал иначе — шмыгнул носом. Заморгал, протер глаза и неуклюже вскочил на ноги.

— Где мы, морковка? Уже день?

Он озираясь, с ужасом рассматривал свою окровавленную одежду и испачканные в грязи руки. Эвелина подумала о том, что Райли выглядит испуганным десятилетним мальчишкой. Его хотелось обнять, утешить и заверить в том, что все наладится. А кто ободрит ее?

— Иди сюда, садись. — Мейджи похлопала ладонью по кочке, где совсем недавно сидел Дегар Тэшш. — Я тебе все расскажу.

Они отыскивали ручей, тонкой ленточкой вьющийся в траве, напились и умылись. Попытались отчистить куртку Райли, да только еще больше размазали кровь. Эви переплела косы, смочив их водой на удачу, ведь всем известно, что реки и ручьи — это волосы Пресветлой. Поклонилась богине и неслышно попросила благословения на долгую дорогу.

— Что теперь? — хмуро спросил король, который после рассказа мейджи сделался непривычно задумчив. — Без вещей, без денег...

— Возвращаться нельзя! — отрезала Эвелина, но увидела, как сгорбился Райли, и погладила его по плечу. — В одном повезло: диплом Академии остался в кармане пальто. И магия при мне — заработаем!

А вот карта с маршрутом потерялась вместе с рюкзаком, но заблудиться в Карнаэле сложно: королевство-то крошечное, самое маленькое из Пяти Лепестков — пяти государств, окруживших темную сердцевину, Ашхатар. Четыре крупных города и россыпь селений — вот и вся страна. Если идти на юг, рано или поздно выйдут к Верикии.

Райли отыскал прутик, расчистил участок глинистого берега и набросал путь, разметив его камешками.

— Мы примерно здесь, а нужно добраться сюда. — Он нарисовал точку и провел от нее линию. — Селение Колтуны. Даже не селение, хутор: пять домов. К вечеру доберемся.

— Название мне уже нравится, — вздохнула Эви.

Но выбирать не приходилось. Чем меньше поселение — тем лучше. И люди там проще, отзывчивее. Может, удастся договориться о ночевке на сеновале и об ужине. Эвелина сейчас и вареной картошке была бы рада. А магические услуги всегда нужны — поле на урожай заговорить, мышей из подпола прогнать или на дрова наложить заклятие долгого пламени.

Только в сумерках подошли к околице. Мейджи шатало от голода и усталости: всю их пищу на сегодня составила горсть засохших прошлогодних ягод да несколько горьких ростков черемши. Райли тащил Эви за руку. Молчал, хотя тоже выбился из сил.

К незванным гостям из ближайшего дома-развалюхи с усталой крышей и покосившимся крыльцом вышел угрюмый мужик с топором.

— Кто такие, чего нужно? — бросил он, подозрительно разглядывая путников.

Алые разводы на одежде Райли ему явно пришлись не по душе. Эвелину передернуло при виде топора: еще свежи были воспоминания о том, как Дегар Тэшш расправился с шайкой, но она вышла вперед, на ходу вынимая из кармана свиток.

— Я мейджи, — приветливо сказала Эви. — А это мой... помощник. Ищем подработку. Обычно я беру золотой за услугу, но сегодня вам повезло. Ужин, ночлег, возможность привести себя в порядок — и три магических услуги ваши!

Мужик придирчиво осмотрел диплом и печать Академии. Ведь и грамоты, поди, не знает, а туда же — значимость свою показывает.

«Вот так оно — магом-практиком работать...» На деле романтика больших дорог оказалась с гнильцой: разбойники, грязь, усталость и недоверчивые лица селян. Просто так раскошелиться никто не собирался.

Хозяин поскреб в затылке, потом все же отворил калитку.

— Денег не дам! — сразу сообщил он. — Ни медяшки. Вижу я, какая ты мейджи — зеленая совсем. Небось и опыта никакого.

Из дома точно горошины высыпали дети — один младше другого. Все босые, в длиннополых рубашонках. С любопытством разглядывали незнакомцев, но подойти не решались. Вышла на порог и хозяйка — женщина с усталым лицом. Вытирала руки о фартук и глядела без интереса: так утомилась за день, что ей хоть путники, хоть маги, хоть заплутавшие демоны — все сделалось безразлично.

— Мышей из подвала прогнать, горшки заговорить, чтобы тепло сохраняли, — монотонным голосом перечислял мужик. — У Чернявки нашей, у кошки, хворь какая-то приключилась — излечить. Она у нас мышеловка знатная. А котят я аж в Граппу езжу продавать — такие всем нужны. Ах да, у мальчика моего чирей на лбу...

— Это уже четыре, — механически отметила Эви, лишь потом опомнилась: — Ребенка вылечу, он важнее кошки.

— Мальцов я еще с десятков настругаю, а такую кошку больше нигде не найду! — сказал хозяин.

Эви хмыкнула: думала, пошутил. Тот посмотрел строго: нет, не шутил.

— Ладно, — махнула она рукой. — Значит, четыре услуги.

— А помощничек твой пусть дров нарубит. Вон силища-то какая.

Райли, ни разу в жизни не державший в руках топора, моргнул. Неловко пожал плечами, что могло означать и «да», и «нет» одновременно.

В доме стоял аромат свежееиспеченного хлеба, на шестке виднелся чугунок с кашей. Эви проглотила слюнки, дернула за руку Раулара, который направился было к столу. Пока дело не сделано, и оплаты нечего ждать. Но как же есть-то хочется!

— Покорми детей, — подала голос женщина. — Смотри, бледные какие. Видать, со вчера не евши.

— А работать надо лучше! Дети! Тоже мне! Если дети — пусть дома сидят, — огрызнулся хозяин, но сжалился, указал подбородком на лавку: садитесь, мол.

Эви и Райли не заставили себя просить дважды. Только сели, как тут же оказались в кольце малышни. Справа примостилась девчужка, затараторила, чуть ли не заглядывая Эвелине в рот:

— А ты точно-точно мейджи? А разве мейджи едят? А я думала, они листиками питаются! И нектаром!

Раулара атаковал мальчишка, с придыханием попросил разрешения потрогать мускулы на руке. Райли расплылся в улыбке, напряг бицепс. Хозяйка поставила перед гостем тарелку рассыпчатой пшенной каши. Король отродясь кашу не ел, но тут лишь кивнул и схватился за ложку.

— Кого-то ты мне напоминаешь, — задумчиво протянула женщина, разглядывая короля. — Мы не могли раньше встречаться? Такое лицо знакомое...

Эви чуть не подавилась.

— У Дага просто лицо такое! — бодро сказала она. — Обычное. Как у всех. Вот и путают.

Райли с негодованием уставился на подругу: «Обычное? Как у всех? Ну спасибо!»

К счастью, хозяйка не стала развивать тему, а хозяина интересовало другое.

— А скажи-ка мне, Даг, почему у тебя вся куртка в крови?

Райли никак не прореагировал на «Дага», уплетая кашу за обе щеки, пришлось Эвелине пнуть его под столом.

— На нас в лесу напали разбойники, — сказала она правду. — Главарь у них такой мелкий, тощий, а бородой зарос до самых бровей. Все деньги забрали.

— Опять Заморыш вышел на дело, когда его уже к ногтю прижмут! — проворчал мужик.

— Как вы живы-то остались! — всплеснула руками женщина. — Он ведь никого не щадит!

Райли приосанился и распрямил плечи.

— Нет больше Заморыша! — сказал он. — И банды нет. Только один успел сбежать.

— Это ты, что ль, с ними расправился?

Вся семейка с уважением уставилась на статную фигура гостя.

— А кто же!

Эви покачала головой: ну Райли, ну хвастун! Хорошо, что ты не помнишь, как тебе под ребра вонзился нож! А вот Эвелина отлично помнила окруживших их разбойников, ужас, отчаяние и свою беспомощность. Если бы не демон — не было бы у них шансов выбраться из этой передряги. Эви вдруг ощутила странное: ненависть к краснорожей лягушке никуда не делась, но к ней примешалось что-то вроде уважения. Дегар Тэшш — враг. Но сильный враг, достойный.

«Достойный? Что за бред? От усталости, не иначе!»

Мейджи вскочила из-за стола.

— Стемнеет скоро, пора делом заняться, — ответила она на изумленные взгляды.

Волновалась, что резерва не хватит на все оговоренные услуги, но, к счастью, чирей у мальчонки лопнул сам, горшков у хозяйки набралось всего три, а у Чернявки обнаружился гнилой зуб, он и не давал кошке покоя, однако поддался на простенькое заклятие исцеления.

Дольше всего пришлось возиться с мышами. Упорные тварюшки оказались! Эви с ними и так, и этак. Из избы гнала — не идут. Снаружи выманивала — не выходят. Сто раз вокруг домика обежала, всю голову сломала, какое заклинание применить.

Райли в это время сражался с дровами. Тюк — бревно отскочило, чудом не захав королю в лоб. Тюк — топор намертво застрял в

колоде. Бедняга вспотел, но старался изо всех сил.

— Да-а, — протянул хозяин. — Вон как дрова-то тебя одолели. Это тебе не с татями сражаться!

Эви, пробегая мимо, щелкнула пальцами — наложила чары на топор. Теперь Раулар не промахнется! А у самой пара единиц всего осталась. Эх, мыши-мыши, что же вы так подводите!

К счастью, вспомнила о мышегонке — зелье, чей запах серые вредители не переносили. Еще полночи его варила под восхищенными взглядами ребятни. Они вызвались добровольными помощниками, бегали по поручению Эвелины то за коровьим навозом, то за глиной, то за шерстью рыжего кота. Зелье получилось забористое! Не то что мыши, хозяева едва не сбежали!

Мейджи внесла финальный штрих — небольшое заклятие — и протянула опешившей хозяйке горшок, полный коричневой массы.

— По три капли в углы — и забудете про мышей. На несколько месяцев хватит!

Только под утро Эви и Райли определили на ночлег в сараюшку, продуваемую всеми ветрами. Они закопались в прелое сено, прижались друг к другу, стремясь согреться. Вторая ночь вне замковых стен... А сколько их еще впереди?

Несмотря на усталость, Эвелина долго не могла уснуть. Примостила голову на грудь Раулара, слушала его сонное дыхание: короля почти сразу сморил сон, а сама все думала о камнях и разглядывала Арканар с искрой непонятной магии внутри.

К Фоссу — городку на границе с Верикией — добрались только через три дня. Эви и не подозревала, что путь пешком занимает столько времени.

К тому моменту, когда король и его артефактор зашли в городские ворота, выглядели они настоящими оборванцами. Райли был без куртки, в одной рубашке, благо весна вошла в полную силу: деревья покрылись листвой, солнце просушило землю.

Куртку пришлось продать, чтобы купить еды. В селении Рок, где Эви надеялась подработать, служил свой постоянный магистр. Пришел сюда двадцать лет назад, так и остался. И людей лечил, и скотину, бытовую магию знал неплохо, а что еще нужно простым селянам. Да и привыкли к нему.

Мейджи, как и положено по уставу, заняла место в ярмарочном ряду на площади, развернула диплом, выложила на прилавок. Вот, мол, практикующий маг, жду заказов. Райли стоял рядом, поигрывал мускулами. Изображал помощника. Магистры иногда нанимали подручных — вещи носить, от зевак ограждать, договариваться о ночлеге.

Селяне косились с любопытством, но ни один не подошел, пока сердобольная старушка не сжалилась над поникшей Эвелиной:

— Туточки свой магистр есть, давно уж. И берет недорого. Яичками, курочками. Только зря теряешь время, детка.

Эви собиралась сказать, что и она вовсе не против взять оплату яйцами, но Райли схватил диплом — едва не порвал, свернул и сунул в руки мейджи.

— Знали бы они, с кем разговаривают! — процедил он сквозь зубы. — Они тебя недостойны!

— Но... деньги...

— Я все решу!

Тогда и сдали куртку в лавку старьевщика. Добротную, из дубленой кожи, с металлическими заклепками куртку когда-то сшили на заказ. Она не боялась ночной сырости и пронизывающего ветра. Хозяин лавки сразу смекнул, что сделка выгодная.

— Три серебряшки!

— Ты знаешь, сколько она стоила?

— Стоила! Раньше! А сейчас — три монеты или идите в следующее село.

Райли рванул пуговицы так, что они едва не отлетели, бросил куртку на прилавок. Брезгливо принял от мужчины три захватанных серебряшки.

Зато с каким удовольствием Эвелина уплетала горячую картошку из бумажного кулька! Они купили ее тут же, на углу улицы, у разносчика. Тот выловил черпаком из жестяного бидона, над которым курился пар, пять желтых, точно слитки золота, картофелин. Щедро посыпал зеленым луком и сбрызнул маслом. Эви подумалось, что она в жизни не ела ничего вкуснее. А Райли один клубень целиком запихал в рот, обливаясь отваром.

Последнюю ночь провели в лесу у костерка. Долго не могли уснуть, смотрели на языки пламени и почти не разговаривали. Райли время от времени подбрасывал в огонь хвороста, шевелил угли веткой, чтобы сильнее разгорелись.

Эви показалось, что алый камень рядом с костром тоже налился яркостью. Будто ожил. Просто воображение, конечно...

— Что ты там увидела? — не выдержал Раулар. — Зачем ты на него уставилась?

Он-то всегда поглядывал на перстень, ставший причиной всех его несчастий, с неприязнью.

— Думаю, надо бы завязать тряпкой, — пожала плечами Эвелина. — Как бы не позарился никто...

— Да, да... Конечно...

Райли сделалось совестно. Он подсел ближе к подруге, обнял за талию и примостил голову ей на плечо. Защекотал теплым дыханием шею. Всегда так делал, когда набедокурит. Подождал, не начнет ли Эви вырываться, как обычно, когда бывала не в духе. Она и огреть могла, в шутку, конечно. Тогда Райли пыхтел и отсаживался. Но сейчас Эви расслабленно откинулась, оперлась на его грудь. Ее разморило от тепла и усталости.

Райли отогнул сзади воротник пальто Эвелины и осторожно поцеловал полоску кожи ниже роста волос.

— Ты с ума сошел? — лениво спросила она.

Двигаться не хотелось. Охота ему прижиматься губами к вспотевшей шее — пусть прижимается. Райли засопел и коснулся кончиком языка мочки уха. Руки на талии сделались тяжелыми, горячими.

— Эви... — сказал он хрипло. — А если не выживем... Хотя бы будет, что вспомнить!

— Если не выживем, — сонно отозвалась Эвелина, — мы уже ничего не сможем вспомнить.

Она повозилась, уклоняясь от поцелуя, но из объятий не выскользнула. Это ведь Райли. Она привыкла к заигрываниям. С пятнадцати лет научилась держать друга на расстоянии. То подзатыльником охладит пыл, то прикрикнет. Раулар, однако, тоже не сдавался. Надеялся, что однажды бастион падет. Так и жили.

Мама как-то раз попеняла дочери, что Эвелина ведет себя как собака на сене.

— Неправда! — оскорбилась Эви. — Я никогда ему надежд не давала. Всегда говорила, что он только друг. Был и останется. А если он что-то там себе надумал — его беда!

...Райли вздохнул, рук не убрал, но и с нежностями больше не лез. Дышал в волосы, как теленок. Эви благосклонно чмокнула его в щеку.

— Завтра перейдем границу с Верикией, — тихо сказала она.

— Если сапфир по-прежнему у Сигизмунда, даже волноваться не стоит. Он дружил с отцом, меня с детства знает. Помнишь, как мы с ним дрались на деревянных мечях и я ткнул Гиза прямо в брюхо? Как он глаза выпучил!

Эви и Райли захихикали, вспоминая глаза навывкате и раззявленный в безмолвном крике огромный рот. Не зря ведь короля прозвали Большеротым.

— По-моему, ты его все-таки не в живот ткнул! — заявила Эви.

Они принялись хохотать. На душе вдруг стало легко и спокойно. Конечно, в Верикии их не ждет ничего плохого! Встретят как дорогих гостей. Эвелина размечталась о горячей ванне, чистом белье, мягкой перине. О жаренных в чесночном масле перепелках, о маринованных кукурузных початках, о запеченных в тесте петушиных гребешках...

Наверное, Райли тоже подумал о еде, потому что достал из кармана горбушку хлеба, разломил и протянул половину Эви.

— Скоро наедемся!

— Угу...

Только бы Дегар Тэшш сдержал слово и не вздумал высунуться, когда они будут во дворце! Он обещал не мешать.

Эви совсем не нравилась мысль, что демону нужны камни, но сейчас артефактов все равно нет, так что и думать нечего. Поразмышляет об этом позже!

Храм Пресветлой стоял на пересечении дорог Карнаэля и Верикии, ровно на границе двух королевств. До него от Фосса — час ходьбы быстрым шагом.

Эвелина никогда прежде не возлагала цветов на алтарь богини, не бегала весной по утренней росе, чтобы запастись здоровьем на весь год, а когда умывалась или пила воду, забывала поблагодарить Пресветлую за милость. Да и сейчас у Эви к Пресветлой накопилось больше вопросов, чем признательности.

— Я не понимаю, как она допустила, что демоны появились в нашем мире! — жаловалась Эвелина Райли.

Они примостились за столиком в таверне «Благочестивый путник». Небольшой зал был набит под завязку людьми самых разных сословий: крестьяне в пыльных робах, горожане в шерстяных кафтанах, у камина на лучшем месте расположился мужчина в алой накидке. Та истрепалась от долгой дороги, покрылась пятнами грязи, но ясно, что путник скорее расстался бы с курткой и штанами, чем с этим символом высокогородности.

Раулар некоторое время пристально разглядывал незнакомца, но так и не признал.

— Он не был мне представлен, — сообщил он Эвелине, которая порывалась утешить Райли в другой трактир. — Значит, не из высшей знати. Ешь спокойно.

Они отдали последние серебряные монеты за ужин и ночлег в общей комнате. К границе отправятся утром, на рассвете. Эвелина решила заодно зайти в храм и обратиться к Пресветлой с просьбой. Вот и продумывала речь. Но чем больше думала, тем сильнее негодовала.

— Может быть, Пресветлая ничего не могла сделать, потому что на Диких Пустошах почти нет воды? — примирительно заметил Райли. — На то они и Пустоши. А там, где нет воды, ее сила слабеет.

Эвелина представила выжженные солнцем степи, поросшие жесткими бурями колючками, рыжие камни, раскаленные от жара. Гиблое место, которое даже кочевники Коргестана обходили стороной. Там никто не жил, пока однажды не появились демоны...

— По мне, пусть бы жили себе, если бы нас не трогали, — сказал Раулар. — Но что им жрать там? Колючки? Вот и поползли во все стороны... Надо было истребить их сразу, пока мы были сильнее. А теперь...

Король развел руками: теперь, мол, поздно. Демонов все еще было меньше, чем людей, но каждый в бою стоил десятерых. К тому же их женщины бились наравне с мужчинами, не уступая им ни в смелости, ни в умении.

Эви уставилась на свои руки, лежащие на столе, и решила спросить о том, что мучило ее несколько дней:

— Правда, что Дегар Тэшш сам пришел на аванпост? Его не пленили в бою...

Райли молчал, и Эвелина подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Король хмурился и глядел мимо Эви.

— Да какая разница, — наконец ответил он. — Мэтр Ками бормотал, что демон сдался, но мэтр Вокр уверял, что его захватили в сражении. Однако оба сошлись на том, что разберутся сами.

— Так ты с ним не говорил?

— Нет. А зачем? О чем с ним разговаривать? Все важное мне передали.

Эви покачала головой. Впрочем, чему удивляться: Раулар всегда избегал неприятных вещей. А демонов приятными никак не назовешь.

— Ладно, — вздохнула она. — Что дальше?

— Завтра перейдем границу, к вечеру окажемся в Гроне. — Райли дотянулся до руки Эвелины и погладил тыльную сторону ладони. — Выспимся, отдохнем, возьмем сапфир и двинемся дальше.

— Куда?

На Эви вдруг навалилась усталость последних дней. Они ничего не знают. Ничегошеньки. Точно ли Харамон у Сигизмунда? Даже если так, где искать остальные камни? И... Она не говорила об этом вслух, но помнила слова отца: «У Магистериума свои способы отыскивать одержимых». Что если прямо сейчас, когда они с Райли догрызают

свинные ребрышки, запивая их слабым элем, по следу короля вышли егермейстеры?

Трудно было поверить, что егермейстеры поднимут руку на правителя Карнаэля. Но они подчинялись только Магистерииуму — ордену, единому для всех Пяти Королевств. Безжалостные и опасные, они были куда сильнее обычных боевых магов.

— Не грусти, морковка.

Райли дотронулся до кончика ее носа, до конопушки, которая поселилась там с детства.

Поздним вечером столы сдвинули к стенам, освобождая пространство в центре зала. Хозяин подбросил в камин дров. Принес соломенные тюфяки. Путникам, у которых не было денег на отдельную комнату, предстояло провести на них ночь.

Райли и Эви свои постелили рядом, укрылись пальто Эвелины. Сквозь прорехи в мешковине высывались сухие травинки, щекотали и кололи, но это лучше, чем голая земля. В своей спальне, в доме артефактора, мейджи иногда ворочалась полночи, сейчас же на тонком матрасе ей было уютнее, чем на самой мягкой перине. Раулар проворчал, что ни один его предок не переживал таких мучений, что он ни за что не уснет в этом кошмарном месте, но уже через мгновение засопел.

Кто-то еще переговаривался вполголоса, кто-то бродил, натываясь на вещи и ноги спящих, но постепенно люди укладывались и затихали.

Эви приподнялась на локте, посмотреть на друга, и ей вдруг почудилось, что лицо Райли стало красного цвета. Она вскинулась, но сразу расслабилась. Это языки пламени, от горящих в очаге дров, бросали алые отсветы на стены и лица спящих.

В дверном проеме стоял давешний высокородный и разглядывал постояльцев.

«И чего тебе не спится?» — удивилась Эви.

Лицо у мужчины было обычное, ничем не примечательное, такого встретишь в толпе и не запомнишь. Но серые глаза, похожие на осколки льда, смотрели пронзительно и цепко. Но паломник просто мог подыскивать себе помощника, а Эви его в злодеи записала. Ей сделалось совестно, и она отвернулась.

«Надо отдохнуть! — приказала она себе. — Нас поднимут, едва рассветет. Впереди долгий путь. Вот, бери пример с Райли!»

Райли, точно в ответ на ее мысли, всхрипнул, пошлепал губами и повернулся на другой бок, утаскивая за собой пальто. Эвелина попыталась отобрать, но не преуспела. Прижалась спиной к спине друга, укрылась краешком полы и задремала.

Очнулась от того, что кто-то ударил носком сапога ей по пятке. Эви поджала ногу, разозлившись на неаккуратного постояльца: ходят по чужим ногам, как по тротуару. Но наглец не отвязался, наоборот, настойчиво и грубо затормошил ее за плечо. Она отмахнулась, не открывая глаз, и пробормотала:

— Сейчас как запусцу молнией в лоб, будешь знать, как доставать мейджи!

— Встать! — рывкнул голос над самым ухом. — Имя. Специальность. Максимальный резерв. Доложить по форме!

Эвелина вскочила, заморгала, ошалело оглядываясь.

«Это сон. Просто кошмарный сон!»

На тюфяке с вывернутыми назад руками сидел Раулар и тарачил на нее испуганные глаза. Губы склеились, запечатанные заклинанием. Постояльцы, разбуженные ни свет ни заря — в окна только-только просочился серый рассвет, — жались по стенам.

Напротив Эви стоял тот самый мужчина в алом плаще. В алом плаще и с обсидиановым перстнем... А рядом с ним еще двое егермейстеров, одетых согласных устава. У Эвелины перехватило дыхание, когда она увидела черные рубашки, черные блестящие перчатки, черные, натертые до блеска, сапоги.

«Как? Как они нашли... Стоп! Он спрашивает имя! Значит, не знает, кто мы, просто почуял неладное! Надо выкручиваться».

— Магдалена Тори, — отчеканила Эви, вспомнив имя девушки, которая училась одновременно с ней на параллельном курсе. — Бытовая магия. Пять единиц.

Мейджи приуменьшила силу, чтобы иметь маленькое преимущество. Хотя... Какое может быть преимущество против егермейстеров?

Мужчина с льдистыми глазами оглядел ее с ног до головы.

— Кого ты сопровождаешь, Магдалена? — Он указал подбородком на съежившегося Раулара.

Короля удерживал за плечи один из егермейстеров, и вид у него был такой, что вздумай Райли дернуться, тут же свалился бы со

сломанной шеей.

— Это... мой друг... Мы идем в храм, поклониться Пресветлой и попросить исцеления. Мой друг недавно заболел. Головой ударился и... вот...

Эвелина преданно пялилась в лицо мужчины и сама почти верила в то, что говорит.

— Это похоже на правду, магистр Куин, — задумчиво сказал второй егермейстер.

Значит, разумник — маг с ментальной магией. Дар, видно, небольшой, иначе бы он сразу раскусил Эви. А магистр Куин, тот самый, с холодным взглядом, их начальник.

«Я говорю правду, я говорю правду, я говорю правду!» — скороговоркой зачастила Эвелина про себя.

— Похоже? — приподнял бровь магистр.

— Думаю, девушка не знает, что ее друг не просто болен, а одержим.

Магистр Куин кивнул, а у Эви после этих слов едва не оборвалось сердце. Они догадались, что Райли одержим. Они не знают, кто он, но безошибочно распознали демона внутри него. А значит...

— Магдалена, ты пойдешь с нами, твою судьбу решит суд Магистериума.

Магистр Куин кивнул помощникам, и они рывком подняли Райли на ноги, тот от ужаса обмяк, но его поддерживали с двух сторон, не давая упасть.

— Снаружи! — коротко скомандовал начальник, обвел мрачным взглядом комнату — испуганных женщин, прижавших к себе детей, насупленных мужчин.

«Снаружи?» — не поняла Эви, а потом догадалась и задохнулась от страха.

Сейчас они разделяются с правителем Карнаэля. Просто убьют. Ведь они думают, что он обычный парень, цацкаться с ним никто не станет. Надо сказать! Лучше Каззар, чем смерть! Что-нибудь придумают, папа поможет!

— Нет! Стойте! — только и успела крикнуть она.

Магистр Куин шевельнул пальцами и накрепко запечатал Эвелине рот. Казалось, что заклятие не стоило ему и малейшего труда, но у Эви не хватило бы всей магии, чтобы его снять.

Она замычала и вцепилась в Раулара. Тот взвыл в ответ, потянулся к ней, но не смог даже обнять с вывернутыми за спину руками. Только прикоснулся щекой к щеке.

«Палачи! — мысленно кричала Эвелина. — Убийцы!»

Случайные свидетели с оторопью смотрели на происходящее. Никто не заступится. Когда маги учиняют между собой разборки, лучше не лезть.

Райли упирался, сдвинуть его с места оказалось непросто даже двоим мужчинам, но магистр Куин легко коснулся лба Раулара, и тот пошатнулся, будто лишился всех сил.

— Безболезненно, — снова дал он распоряжение. — Бедолага не виноват.

Эвелина повисла на руке разумника и беззвучно завопила: «Это король! Король! Остановитесь!»

— Что? — нахмурился тот.

— Исполнять! — рявкнул магистр.

А сам ухватил Эвелину за локоть, не отпуская от себя.

— Это больше не твой друг, девочка, — сухо объяснил он.

Эви застыла, уставившись на дверь, которая захлопнулась за Рауларом. Это неправда! Так не должно быть!

Тугой спиралью закручивалась в солнечном сплетении магия. Магия... Полный резерв! Да вот только если она использует ее против егермейстера, ни один суд ее не оправдает... А, плевать!

Магистр Куин не ожидал нападения. Он и не смотрел на Эви, когда она шарахнула его в затылок «козой». Аркан Улмер действовал безотказно и просто, как молоток. Мужчина ничком повалился на тюфяк.

Заклятие безмолвия тут же слетело с Эвелины.

— Стойте! — завопила она. — Остановитесь!

Рванула к выходу, выскочила на крыльцо... И успела ровно в тот момент, когда Раулар, вздрогнув всем телом, рухнул на землю, в жирную деревенскую пыль.

— Ему уже не больно, — сказал разумник, опуская руки.

В воздухе медленно развеивалось смертельное заклятие.

Эви сидела на ступенях, обхватив себя руками, и безучастно смотрела, как молодой егермейстер подгоняет к крыльцу телегу, как хозяин таверны с помощниками грузит в нее тело Райли. Сил отвернуться не было. Встать тоже.

Подошел магистр Куин, положил руку ей на плечо.

— Ты поедешь с нами.

— Убейте сразу! — огрызнулась Эви. — Я ведь знаю, что меня ждет в Магистериуме! Казнь за непокорность. А вам удобнее управляться с двумя трупами, они не спорят и не доставляют хлопот...

— Зайди в таверну, тебе нужно поесть перед дорогой, — ответил мужчина.

Будто и не слышал последних слов. Ясно: хочет отомстить, покуражиться, растянуть мучения Эви. Еще не раз за дорогу припомнит аркан Улмер!

«Может, пора признаться, кто такой Райли? Они только что убили своего короля...»

Эви невольно подняла глаза на Раулара: он ничком лежал в телеге, уткнувшись лицом в доски. Хоть бы соломы постелили...

Мейджи всхлипнула. Нет, ничего она говорить не станет. Проклятые егермейстеры!

— Убейте сразу! — повторила она.

Магистр Куин покачал головой, убрал руку. Поднялся на крыльцо, но в таверну не зашел, Эви ощущала его взгляд, его присутствие.

— О какой непокорности вы говорите, мейджи Тори? Разве вы препятствовали правосудию? Не припомню.

И, не дожидаясь ответа, ушел.

Да, давай, играй в благородство! Теперь, когда Райли мертв... Райли... мертв... Эви сжала кулаки и зубы, чтобы не завывать в голос. Бросилась в телегу и упала рядом с другом, взяла за руку. Рука все еще была теплой...

— Райли, прости, — прошептала Эвелина.

Губы у нее так дрожали, что она едва проговорила эти два слова.

«Прости, — добавила она мысленно. — Я отвратительный помощник. Недоучка, а не королевский артефактор! Я так тебя подвела!»

Какими самонадеянными они были, когда уходили из дворца. Верили, что все получится. А сами даже до Верикии не добрались. Эвелина только надеялась увидеть, как вытянется лицо магистра Куина, когда он поймет, что угробил правителя Карнаэля.

Хозяин таверны подвел лошадь, принялся запрягать.

— Вот так всегда. Придут, устроят светопреставление, постояльцев распугают, лошадь за гроши отберут. Демоны бы побрали этих чернорубашечников! — ворчал он вполголоса.

— А зачем они демонам? — глухо произнес знакомый и одновременно незнакомый голос.

Пальцы сжались на запястье Эвелины.

— Рай!.. — вскрикнула было она, но осеклась.

Лицо Райли было повернуто к ней влоборота, и с этой половины на Эви уставился черный демонский глаз.

— Дегар... — выдохнула она. — Ты жив...

— Я жив, — спокойно подтвердил он.

Так спокойно, будто это обычное дело — выжить после смертельного заклятия!

— Но как? Как это?..

— Нельзя убить того, кто мертв. Я остановил сердце. Потом завел. Все просто. Человеческое сердце такое слабое.

— А Райли? Верни его! Немедленно!

— Не могу.

— Ах ты!..

Эви вонзила острый кулачок под ребра Дегара.

— Подлый! Верни мне моего друга! — шепотом закричала она.

— Король спит. Его задело заклятием. Он будет долго спать, — все так же спокойно проговорил демон. — Дальше ты пойдешь со мной.

— Нет! — прошипела Эвелина. — Я не стану тебе помогать!

— Эй, он жив, что ли? — изумился хозяин, до которого долетели обрывки разговора.

Покосился на открытую дверь таверны.

— Вы бы шли, ребятки, пока целы. Не знаю, где вы перешли дорогу чернорубашечникам, но я бы на вашем месте поторопился!

Эви едва не застонала от осознания собственного бессилия. Похоже, выбора у нее нет — надо бежать. Прямо сейчас.

Дегар Тэшш не мучился сомнениями и не тратил время на размышления. Перемахнул через бортик телеги, схватил Эви, едва не вырвав ей руки из плечевых суставов, перекинул через плечо и размеренно побежал в сторону ворот.

Эвелина ожидала, что в спину ей вот-вот прилетит заклятие. И пусть! Зато больше никаких переживаний! Ей даже послышались крики: не иначе егермейстеры опомнились и бросились в погоню. Но Дегар уже вломился в чащу леса, подступившего к самой городской черте.

Он бежал напролом, не обращая внимания на то, что ветки хлещут его по груди и лицу. А вот Эви пронзительно вскрикивала каждый раз, когда ветки ударяли ее по чувствительным бедрам. Было ощущение, будто гадский демон таким замысловатым способом отшлепал ее.

— Отпусти меня!

— Нет!

— Поставь на ноги, я пойду сама!

— Ты слабая и медленная.

— Ты теперь тоже человек, Дегар Тэшш! Не забывай об этом! У тебя сейчас куда меньше сил!

Он промолчал, но и темпа не сбавил. Эви почудилось в этом молчании угрюмое упрямство. Будто демон отказывался признавать, что и сам теперь превратился в «улитку».

Тело Райли было молодым и выносливым, но все-таки человеческим телом. Через несколько минут быстрого бега с Эвелиной на плече Дегар Тэшш начал уставать. Его грудь вздымалась, воздух со свистом наполнял легкие, рубашка на спине промокла насквозь. Вот только разгоряченный демон, к изумлению Эви, пах не человеческим потом... Мейджи закрыла глаза, вспоминая. Пушки у дворцовых ворот. Раскаленный под солнцем металл. Медь и бронза. Это был запах Дегара Тэшша.

— Отпусти меня, — снова попросила она.

На этот раз демон послушался. То ли выдохся, то ли посчитал, что погоня осталась далеко позади. Он не церемонился — сгрузил

Эвелину на землю, как мешок с картошкой, спасибо, со всего размаха не припечатал.

Она машинально протянула руку, ожидая, что демон поможет ей подняться. Тот мгновение разглядывал ее ладонь, потом отвернулся и зашагал прочь с прямой спиной.

— Эй!

Эви кое-как встала на корточки, потом, кряхтя, точно старушка, поднялась на ноги и заковыляла следом за Дегаром.

— Стой же ты!

Он застыл, обернулся с непроницаемым выражением лица. Было непривычно видеть, как знакомые с детства черты складываются в отстраненную и суровую маску.

— Надо идти.

— Знаю, что надо! — огрызнулась Эви. — Но куда? Мы ведь не можем прятаться в лесу всю жизнь!

— В Грон. Во дворец. За сапфиром.

— В Грон? Ну да, ну да, конечно! Ты видел себя со стороны? Свои жуткие глазищи! А лицо у тебя такое, будто тебя ужалила сон-муха, отчего у тебя мышцы омертвели. Ты ведь как кукла. Призрак, натянувший на себя чужое тело!

Дегар наклонил голову, точно прислушивался к ощущениям внутри себя. Потрогал щеки, оттянул пальцами уголки губ, оскаливая их в жуткой улыбке. У Эви от этого зрелища пробежал мороз по коже.

— Плохо, — признал демон. — Станешь меня учить, пока идем. А глаза спрячешь под мороком. Сможешь?

— Я-то все смогу. А вот в тебе не уверена.

— Я быстро учусь.

Дегар Тэшш кивнул, ставя точку в разговоре, и пошел вперед, раздвигая ветви широкими плечами. Эви старалась не отставать, хотя ныла поясница: растянула, пока тряслась на спине демона.

Она шла и чувствовала себя одинокой и несчастной. Райли сейчас где-то очень далеко, и неизвестно, вернется ли, а рядом опасное, незнакомое существо из другого мира.

Эви плохо знала психологию демонов и как устроено их общество. В Академии был спецкурс, основанный на тех скудных знаниях, которые удалось добыть: мало кому из магов удавалось проникнуть в Ашхатар, а вернуться посчастливилось и вовсе

немногим. Эвелина терпеть не могла краснорожих лягух, поэтому на спецкурсе не записалась и теперь об этом жалела.

О многом жалела. О том, как глупо они попались разбойникам и остались без вещей и без денег. О том, что, несмотря на совет отца, ночевали в трактире и угодили прямо в руки егермейстеров. О том, что золотая печать на дипломе мага на самом деле не готовила к настоящей жизни за пределами дворцовых стен. Райли едва не умер второй раз за дорогу... И все из-за нее.

Эвелина расплакалась. Слезы лились и лились. Их накопилось за эти дни целое море. Она старалась не шмыгать носом, чтобы не привлекать внимание Дегара, но он все равно слышал. Резко развернулся всем туловищем, как не стал бы делать человек, и решительно направился к мейджи. Подошел вплотную и дотронулся кончиками пальцев до щеки. Но так, будто собирался сразу отдернуть руку.

— Ты теряешь влагу, — глухо сказал он. — Ты ранена. Покажи, где рана, я постараюсь помочь.

— Что? — изумилась Эви, затрясла головой. — Нет! Это... Это не такая рана. Я плачу оттого, что мне грустно.

— Люди истекают влагой, когда им грустно? — медленно произнес Дегар, а между строк ясно читалось: «Слабаки!»

— Да, представь себе! Это называется слезы! А вот если влага будет красной, тогда да, стоит бить тревогу — значит, я истекаю кровью. — Звучало безрадостно, поэтому Эви добавила: — Но, уверена, до этого не дойдет.

Дегар смотрел на мейджи, наклонив голову, словно пытался разобраться, что в словах Эвелины правда, а что ложь.

— Несколько видов влаги. Понятно.

«Вот ты удивишься, лягух, когда обнаружишь несколько видов влаги в себе!» — мстительно подумала Эви.

— Но ведь у вас тоже есть кровь!

Мейджи вспомнила, что из порезов на теле демона сочилась черная субстанция, да и потом, когда голову отрубили... Нет, об этом думать не стоит.

— Кровь сынов Джалгарра не влага, а огонь, — непонятно возразил он.

Жаль, нет времени разбираться, иначе бы Эви добыла полезные сведения для спецкурса. Ничего, еще узнает.

Дегар отвернулся и продолжил путь. А Эвелина поняла, что выдохлась — самое время устроить привал. Как раз нашлось удобное местечко у излучины реки. Вода, разливаясь, намыла ровную площадку, устланную мягким песком. И тут же стояла поломанная ветром высохшая ольха — пойдет на растопку.

— Стой, — крикнула она вдогонку демону. — Надо передохнуть.

— Нет времени, — бросил тот.

«А куда тебе торопиться, на тот свет?» — проворчала про себя Эви.

— Твоему телу, нравится тебе это или нет, нужен отдых. Иначе ты просто упадешь, как тогда, помнишь? Ты скоро провалишь миссию, лягушка!

Дегар застыл, обдумывая сказанное. Вернулся, сел на корточки и молча следил глазами за Эвелиной, пока она отрывала сучья у деревца, таскала их на берег, разжигала огонь.

— Мог бы и помочь! — бросила она, когда костерок наконец разгорелся.

Демон обратил на нее взгляд, и в этом взгляде впервые мелькнуло нечто вроде удивления.

— Унизить тебя помощью? Дать понять, что признаю тебя слабой?

— Вообще-то так и есть, я слабее, — оторопела Эви и вдруг поняла: — О! Ваши женщины считают помощь оскорблением?

— Да. А ваши...

Брови на лице Райли медленно поползли навстречу друг к другу — Дегар нахмурился. Ну, почти...

— А ваши считают оскорблением, когда им не помогли, — закончил он.

— Верно. Дошло наконец-то!

— Слава Джалгарру, — совсем по-человечески выдохнул демон. — Ты так беспомощна, что я бы долго не выдержал бездействия.

— Я бы попросила!..

Но Дегар Тэшш больше не обращал на нее внимания. Он протянул ладони к огню. И не успела Эви подумать, что демоны и люди не так уж отличаются в этом — и те, и другие любят погреться у

костра, — как лягух сунул руки в огонь. Сильно обжечься не успел, потому что издал гортанный звук и откинулся назад. И мейджи, и сам демон с немым изумлением воззрились на дымящиеся рукава рубашки.

— Ты... Ты совсем ополоумел? — взвилась Эви. — Мы не договаривались портить тело Райли! Быстро опусти ладони в воду. Залечу чуть позже, у меня резерв еще не восстановился.

— В воду? — подозрительно спросил Дегар.

— В воду! — категорично подтвердила Эвелина. — Она тебя не убьет, в отличие от огня. И еще советую выпить... Так, нет. Напьешься из моих рук. От воды можно подхватить болезнь.

— Да, — согласно склонил голову демон. — Болезнь от воды.

Он не стал спорить, однако к речке шел с таким видом, будто всходил на лобное место на площади. Одним рывком опустил руки в прохладные струи. И брови, предательские человеческие брови, которые чутко реагировали на любую эмоцию, даже если у демона этих эмоций кот наплакал, озадаченно поползли вверх.

Эви, подоткнув подол юбки за пояс, так что та теперь едва прикрывала колени, вошла следом, набрала воду в горсть, простеньким заклятием очистила ее и протянула Дегару. Первым порывом было размазать эту воду по физиономии демона, но она сдержалась.

«Я должна напоить Райли, — сказала она себе. — Он наверняка мучается от жажды».

Дегар Тэшш склонился, понюхал пальцы Эвелины, понюхал воду. Сделал глоток. Когда ладони Эви коснулись губы Райли, она снова чуть не разрыдалась. Пусть они никогда не целовались, но губы Райли улыбались ей, касались кожи — то шутливо, то нежно... Это были его губы.

«Он просто спит. Он спит. Он еще вернется ко мне...»

— Я не понимаю... — сказала Эви.

Она умылась, напилась, заглушив голод водой, отдохнула, и теперь пришла пора подумать обо всем, что случилось.

— Я не понимаю! — твердо повторила она. — Егермейстеры мастера своего дела. Очень сильные маги. И Райли не первый одержимый, кого они хотели отправить на тот свет. Они должны знать все ваши демонские штучки! Так почему же не сработало? Почему ты до сих пор жив?

Дегар Тэшш смотрел на костер, его взгляд был непроницаем, ни один мускул не дрогнул на лице.

— Твои колдуны никогда прежде не имели дела с такими, как я, — помолчав, произнес он.

— Ты... особенный?

— Раулар — король. Для короля только особенные демоны.

Эви заморгала, чувствуя какой-то подвох. Вгляделась в лицо лягуха, который скосил на нее глаза, а потом приподнял пальцем уголок рта, изображая усмешку.

— Ты что? — ахнула Эвелина. — Ты шутишь?

Демон обернулся к ней. Эви почудились лукавые искорки в его темных глазах.

— Люди вовсе не венец творения, маленькая улитка. Мы умеем шутить.

— Даже собаки умеют шутить. И смеяться — для этого они виляют хвостом! — надулась Эви. — Я не улитка! Но... Ты в самом деле не такой, как остальные? Поэтому тебя не смогли убить?

— Поэтому, — проронил Дегар, но объяснить ничего не стал.

Спать устроились тут же, рядом с костерком, его тепло перебивало сырую прохладу, которой тянуло от реки. Эви заговорила последние полешки на долгий огонь, легла, завернувшись в пальто: хорошо, что магистр Куин набросил его ей на плечи, когда она, съездившись, сидела на ступеньках трактира.

Странный человек этот егермейстер. Безжалостный, суровый, и нюх, как у ищейки: мгновенно отыскал одержимого в толпе

постояльцев. Эви не сомневалась, что даже если бы она ползала на коленях, умоляя пощадить Райли, он бы и ухом не повел. Однако пожалел глупую мейджи, которая проявила непокорность. Она ведь его вырубил! За сопротивление полагается смертная казнь. А он сделал вид, что ничего не случилось. Непонятно...

Демон лег так близко к огню, что Эви снова начала волноваться за тело Раулара. Как бы этот бестолковый лягух не обжегся искрами, которые сыпали во все стороны. Сдула с ладони легонькое защитное заклятие, укрыла им Дегара... Нет, укрыла им Райли! Снятся ли королю сны? Слышит ли он их разговор? Что он чувствует?

«Сладких снов, Райли...» — мысленно прошептала Эвелина.

Под утро стало свежо, огонь прогорел, только угли тлели. Эви тряслась, поджав ноги к груди. Она подоткнула пальто со всех сторон, стараясь удержать тепло, но все равно продрогла. Ойкнула, когда сильные руки вдруг властно сгребли ее в охапку, прижали к груди. Она попыталась обернуться, но капюшон сполз на глаза.

— Райли?

— Исс Дегар ха-Тэшш, — произнес демон прямо в ухо.

— Пусти! Ах ты!..

Эви забилась, отпихиваясь локтями и коленями, мутузила демона почем зря. А он и не держал, она поняла это, когда вскочила на ноги, сердито отдуваясь. И ни разу не ответил ударом на удар. Понимал ли лягух, что одного увесистого тычка кулаком по лбу достаточно, чтобы вывести мейджи из строя, или посчитал трепыхания Эвелины настолько незначительными, что и внимания на них не обратил?

— Зачем ты это сделал? — крикнула она.

— Ты слабая. Ты замерзала. Я хотел согреть. Тело улитки плохо согревает, не то что тела сынов Джалгарра, но другого у меня теперь нет. Ты нужна.

Эви не нашлась, что ответить. У демона своя, демонская логика. Слабую улитку надо отогреть, чтобы раньше времени не отправилась к праотцам. Похоже, пока она нужна, Дегар станет ее защищать. А вот потом...

— У людей так не принято, — бросила Эвелина, отряхивая пальто от сора и песка: все равно уснуть больше не удастся. — Всему тебя учить!

— Научи меня, — согласился Дегар.

— Придется, — вздохнула Эви. — Иначе в Гроне нас быстро раскусят... А ведь во дворце Сигизмунда наверняка полно егермейстеров... И наши старые знакомые идут по следу. Не представляю, как мы сумеем раздобыть сапфир.

— Сначала надо дойти.

В словах демона был резон. Сначала нужно добраться до столицы Верикии, а пока идут, Эви научит Дегара эмоциям и основным правилам человеческого общества. Да можно ли научить такого дикаря? Мейджи с сомнением глянула на попугайчика. Тот топтался на остатках костра, но почувствовал взгляд и поднял голову.

— Я его победил, — сказал он и добавил: — Шутка.

«О Пресветлая! За что мне это!»

По расчетам Эвелины, они должны были выйти к Грону на закате. Зайдут в город и напрямик отправятся во дворец: ни к чему оттягивать неизбежное. Легенда для правителя Верикии осталась та же: Раулар проходит Испытание. Почему перешел границу Карнаэля? Так соскучился! По дядюшке Гизу, по принцессе Гизелле. Наверное, выросла совсем большая! Про сапфир поговорят позже, когда увидят, что время подходящее.

Дегар Тэшш на этот раз не убегал вперед, шел рядом и внимательно смотрел на лицо Эвелины, и при этом как-то успевал отводить ветки, которые преграждали путь. Он пристально следил за коварными кустами после того, как колючка оцарапала мейджи запястье.

— Кровь! — рявкнул демон так, что Эви подпрыгнула. — Ты истекаешь кровью!

— Да я с тобой скорее от сердечного приступа помру, — выдохнула она, прижав руку к груди: сердце неистово колотилось под ребрами. — Это царапина. Ерунда. Смотри.

Она провела пальцами над ранкой, и та моментально затянулась от целебного заклятия.

— Чтобы я умерла, крови должно быть много.

Демон сузил глаза, но за ветками с тех пор приглядывал.

— Смотри и повторяй.

Эви для начала решила ограничиться самыми простыми эмоциями. Она широко улыбнулась, распахнула глаза, расправила плечи.

— Это радость.

Дегар осклабился, выставив зубы.

— Хорошо?

— Ужасно! Ты выглядишь как волк, который вот-вот нападет!

— Выгляжу как волк. Хм. Хорошо.

Однако то ли ученик Эвелине достался старательный, то ли мышечная память тела сработала, но к вечеру Дегар Тэшш вполне успешно справлялся с основными человеческими эмоциями. Радость, гнев, удивление, печаль, отвращение, страх...

— Страх не понадобится.

— Молчи и делай!

Уже в сумерках решили, что пора выходить на тракт. Эви надеялась, что егермейстеры отстали, а то и вовсе плюнули на сбежавший труп. В любом случае, другого выхода нет: иначе в Грон не попасть.

Родовой замок правителей Верикии был виден издалека. Когда-то давно предок короля Сигизмунда построил его на холме, который петлей огибала река. Осталось только прорыть ров, соединив рукава речушки, и отличное оборонительное сооружение готово. Замок напоминал обломок скалы — серый, с крошечными окнами-бойницами, с неприступными стенами.

— Зато надежный! — говаривал, бывало, старик Гиз, развалившись в кресле у камина с бокалом вина в руках. — Холодный, темный, сырой... Но надежный!

По мнению Эвелины, старикан был помешан на безопасности. На стенах несли дежурство отряды лучников. Мост на ночь поднимался. За стенами замка находились мастерские, конюшни, амбары и склады и даже небольшой двор, засеянный травой для скота. Словом, король подготовился к долгой осаде.

— Да ладно, дядя Гиз, не перегибайте палку! — высказался как-то Райли. — Когда в последний раз замку приходилось держать оборону? Сто лет назад? Двести?

На тот момент Райли было четырнадцать, и война и смерть представлялись ему чем-то ненастоящим, далеким. Отец строго посмотрел на отпрыска, покачал головой. Эвелина сидела на ковре и играла в куклы с Гизеллой. Она старательно делала вид, что нет ничего приятнее, чем возня с десятилетней сопливой принцессой, а на самом

деле прислушивалась к разговору. И радовалась, что ей не приходится жить в холодной крепости, будь она трижды надежна.

А сейчас они с демоном стояли у ворот Грона и смотрели на темную громаду замка, которая нависла над городом, точно грозовая туча. Тусклые огни светились в нескольких окнах. Эви поняла, что совершенно не хочет туда идти.

Она растерянно подняла взгляд на Дегара Тэшша, забыв на секунду, что смотрит на врага.

— Морок, — напомнил тот. — Нужно исправить мои глаза.

— Да знаю! Знаю! Наклонись...

Демон позволил ей накрыть ладонями лицо, а когда Эви отвела руки, то едва не расплакалась: на миг показалось, что Райли вернулся.

— Получилось? Не пойму, что за эмоции.

— Это... сложно.

«Грусть, чувство вины, боль, страх за будущее... Вот что это такое, демон. Но куда тебе понять. У настоящей лягушки и то больше чувств, чем у тебя...»

Они отправились вверх по городским улицам, подбираясь все ближе к холму.

— Я постараюсь все время держаться поблизости, буду отвлекать на себя внимание Сигизмунда. А ты поменьше болтай и побольше улыбайся. Райли всегда улыбается...

— Раулар смелее, чем я думал.

— Почему?

— Улыбаться все равно что подставлять горло под зубы хищника. Когда ты улыбаешься, ты открыт. Опасно. Поэтому он смел.

Эвелина никогда не смотрела на добродушного и чуточку бестолкового друга с такой точки зрения. Райли был смелым, да. Но безрассудно смелым. А демон, похоже, имел в виду другое...

— Конечно! — сказала Эви вслух, хотела добавить что-нибудь веское, но врать она совершенно не умела, потому повторила: — Конечно...

Мост над каналом уже подняли, но решетка ворот была открыта. Из караулки вышел стражник, положил ладонь на гарду меча, подал знак лучникам на башне, поднял руку: «Наблюдайте!»

— Кто такие? — грубо спросил он.

Внешний вид путников его не впечатлил: грязные, уставшие, лица в пыли, одежда измята.

Эви облизнула губы. Ей не хотелось лишний раз произносить вслух имя Раулара, особенно после встречи с егермейстерами, но иначе во дворец не попасть.

— Его Величество Раулар Карнаэльский Третий, — сообщила она с достоинством. — И королевский артефактор — Эвелина Соль.

Эви была готова к тому, что им не поверят. И тогда она, дипломированный маг, просто обрушит мост и ринется напролом. Ей осточертели неизвестность и бесконечная дорога в темноте. Она устала, ее мучит голод. Так что ни один напыщенный страж в золотом нагруднике не посмеет встать у нее на пути!

Заскрипела цепь, и тяжелый, окованный металлом мост начал медленно опускаться.

— Я доставлю вас к начальнику караула, пусть сам разбирается! — буркнул мужчина. — Кто вы и откуда.

— Только молчи, — прошипела Эви, наклонившись к плечу Дегара. — Молчи и улыбайся.

В сопровождении охраны они миновали узкий каменный двор и шагнули под своды замка. И точно нырнули в темный омут. Лица обдало холодом, чадающий на стене факел едва разгонял ночной сумрак. Было так тихо, что замок казался вымершим.

Однако почти сразу коридор наполнился людьми. Слуги с любопытством разглядывали гостей, а когда Эви и Дегар проходили мимо, тащились позади, вполголоса переговариваясь.

Все лица слились в одно светлое пятно, голоса — в неразборчивый гул. Незваных гостей вели, передавая из рук в руки: на каждом этаже дежурил свой отряд стражей. Эви отвечала на вопросы, но потом, хоть убей, не могла бы вспомнить, о чем ее спрашивали.

Еще один этаж. Еще. Темные переходы. Узкие окна-бойницы. Голые стены. Дымные факелы. Неужели совсем недавно они с Райли мечтали о горячей ванне, чистых простынях и вкусном ужине? Да это место скорее напоминает тюрьму, чем гостеприимный дом.

— Райли, разве ты не приезжал в Верикию прежде?.. — начала она и осеклась.

Райли здесь нет. Она идет бок о бок с врагом. И это место дружелюбным никак не назовешь. Она порылась в памяти и сама

ответила на свой вопрос: Сигизмунд был частым гостем в Карнаэле, отец Раулара тоже посещал соседнее королевство, а вот Райли здесь не бывал.

Дегар улыбался. Бежали минуты, и улыбка все больше становилась похожа на оскал. Эви дернула его за рукав:

— Отбой. Ты выглядишь жутко.

— Волк? — односложно спросил демон.

— Да!

Дегар хмыкнул и усмехнулся. И эта кривая ухмылка была его собственной, настоящей. Эви вытаращила глаза, споткнулась и едва не упала. Демон подхватил ее за талию, приподнял и твердо поставил на ноги. «Слабая улитка», — говорил его взгляд.

Мейджи раздумывала над достойным ответом и пропустила момент, когда сопровождающие привели их в круглый каменный зал, окруженный галереей. Горел камин. На железных поддонах, расставленных вдоль стен, тлели угли, обогревая комнату. Навстречу гостям поднялся человек с всклокоченными редкими волосами, похожими на одуванчик: дунешь — и пух разлетится во все стороны. Мужчина кутался в толстый халат. На изможденном лице топорщилась седая щетина.

«Что это за обрюзгший тип?» — опешила Эви.

И ахнула, узнав старину Гиза. Они не виделись несколько лет, но как же он изменился! От прежнего Сигизмунда — весельчака и балагура — осталась лишь тень. Что с ним случилось? Или это время сыграло жестокую шутку с правителем Верикии?

— Райли, мой мальчик! — воскликнул он, раскрывая объятия. — Какими судьбами?

Дегар улыбнулся и позволил себя обнять, но из-за плеча Гиза буравил Эвелину остановившимся взглядом. «Что этот человек делает со мной?» — читалось на застывшем лице.

Эви не выдержала, фыркнула.

— Дядюшка Гиз, Райли так по вам скучал! Обнимите его крепче! — прощепетала она.

И быстро, пока демон не сморозил какую-нибудь глупость, выложила про Испытание. Она не давала дядюшке Гизу вставить и слова, рассказывая об их с Райли злоключениях. О разбойниках, о пропавших золотых монетах, о том, что на жизнь пришлось

зарабатывать самим, спать в лесу у костра, питаться картошкой и хлебом. И ни слова об одержимости. Про сапфир поговорят позже, когда наступит подходящее время.

Когда это время наступит, Эви и сама не знала. Пока надо осмотреться. А для начала неплохо бы выспаться.

— Мы так устали, — призналась она, впервые не кривя душой. — Мы так рады, что теперь в безопасности!

— Да, натерпелись, дети мои, — покачал головой король.

Он все это время держал Дегара за плечи и рассматривал его. Эви понятен был интерес Сигизмунда: он не видел Райли несколько лет, правитель Карнаэля за это время вырос и возмужал. А вот демон не знал, что происходит. Он напряг мускулы, сжал скулы и представлял собой живое воплощение молчаливого сопротивления.

— Какой ты взрослый, — восхитился Гиз. — Такой суровый взгляд. Где тот улыбчивый мальчик...

Дегар быстро взглянул на Эви и растянул губы в улыбке.

— Хм... Да... Вижу, устали. Комнаты для гостей готовы. Завтра расскажите, зачем проделали этот долгий путь.

— Испытание...

— Только предлог. Не надо думать, что старик Гиз вместе со здоровьем потерял остатки разума. Надеюсь, я сумею помочь. А вечером устроим небольшой прием. Только самые близкие. Гизелла будет рада видеть тебя, Раулар. Ты ведь помнишь мою дочь?

Эви, стоя за спиной короля, энергично закивала. Дегар Тэшш медленно опустил голову.

В апартаментах, куда проводили гостей, уже горел камин. Из общей гостиной двери вели в спальни. Молчаливые служанки принесли подносы с закусками, в чайнике горячий горьковатый напиток — травницу. Пока Эви, постанывая от удовольствия, уплетала хлебцы с маслом и сыром, девушки таскали в комнаты ведра с водой — готовили ванны.

А ведь неплохо все складывается! Зря она испугалась неприветливого вида замка. Да, он не такой уютный и светлый, но старина Гиз встретил их радушно. Их ждет вкусный ужин, теплая постель. Чего еще желать?

— Сядь и поешь, — сказала она демону, который замер посреди комнаты, пристально наблюдая за перемещениями девушек.

Те сначала робко улыбались, но натолкнулись на немигающий взгляд гостя и теперь пробегали мимо него стремглав, расплескивая воду. Дегар неторопливо отодвигался от брызг, но продолжал стоять на одном месте.

— Райли нужно поесть! — Эви выделила голосом имя «Райли».

Иначе этот твердолобый лягух снова забудет, что человеческому телу необходима еда, вода и отдых. Дегар сел на пол, скрестив ноги. Эвелина чуть не подавилась и указала подбородком на кресло. Демон послушался и с непроницаемым выражением лица устроился напротив. В левую руку взял пирожное, в правую куриную голень и принялся есть, по очереди откусывая то от одного, то от другого.

Служанки смотрели на это, вытаращив глаза. Вот завтра разговоров будет!

— Правитель слаб, — сказал демон, когда остались наедине. — Его разъедает болезнь.

— Да, — печально согласилась Эви, вспомнив потухший взгляд старины Гиза.

— Сними Арканар и отдай его мне.

— Что? — изумилась мейджи, поглядев на палец, обмотанный грязной тряпицей.

Она все-таки спрятала перстень, который мог привлечь внимание воров. Не хватало еще одной бойни!

— Ты думаешь, я настолько наивна? Добровольно отдать тебе свою единственную защиту? Ха-ха три раза! Рубин останется у меня.

— Арканар очень сильный целебный артефакт, не только защита.

— Ты врешь! — возмутилась Эви такой откровенной лжи. — Папа рассказал бы мне!

— Не посчитал важным. Забыл. Не знал. Я же хорошо изучил артефакт за те годы, что он был со мной.

— С тобой? — Эви отложила булку, наклонилась вперед, вглядываясь в лицо демона, на котором, однако, не отражалось эмоций.

— Ну да, конечно, с тобой... Арканар все это время был в Ашхатаре. Никакого приглашения на смотрины и никаких вестников из Верикии не существовало. Но тебе кто-то помогал. Кто-то из людей!

— Верно.

— Кто?

— Неважно.

— Крыса! — с ненавистью выплюнула Эви. — Предать своих же! Когда-нибудь тайное станет явным!

Дегар Тэшш дождался, пока Эвелина перестанет злопыхать, и с невозмутимым видом повторил:

— Сними Арканар и отдай его мне.

— Да зачем же, позвошь спросить?

— Люди не умеют принимать смерть с достоинством. Они не сыны Джалгарра. Не искушай короля.

— Старину Гиза? Он и мухи не обидит. Да он и не поймет, что это за перстень. А вот кого действительно стоит опасаться, так это тебя! Может быть, я жива до сих пор только благодаря Арканару.

— Ты нужна.

— Ну спасибо, утешил!

Аппетит испортился окончательно. Как бы не началось несварение желудка после разговора с твердоголовым демоном! Эви сделала несколько глотков травницы — в горле пересохло от возмущения — и гордо удалилась в спальню.

Дегар Тэшш, демон с лицом Раулара, проводил ее мрачным взглядом.

«Ничего, Райли, скоро это закончится, — мысленно пообещала Эви другу. — Ты там только держись. Я ведь держусь! Видишь, на что мне приходится идти ради тебя. Общаюсь с этой тварью, с этой лягушкой краснорожей. Учю его, как быть человеком! Не волнуйся, я не отдам ему рубин. И сапфир завтра добуду! Пока не знаю как, но справлюсь!»

Эви разделась и с наслаждением окунулась в воду. Почувствовала, как ее покидает усталость и напряжение. От сытости, тепла и безопасности ее так разморило, что мейджи едва не задремала прямо в ванне. Заставила себя выбраться, завернулась в халат, плюхнулась на постель и провалилась в сон.

Ей снилась погоня. Всполохи огня. Крики. Скрип колеса, опускающего подвесной мост. Стук копыт. Треск веток на ветру. Кроны деревьев, смыкающиеся над головой. Немигающий черный взгляд.

— Эвичка! — раздался жизнерадостный визг. — Эвелиночка моя!

Эви не успела открыть глаза, как сверху на нее прыгнуло что-то тощее, визгливое, лохматое. Никак упырь?

Из подсознания тут же выплыл магистр Лавер, сплетающий пальцы в аркан Кош: «А с упырями мы поступаем так...»

Как хорошо, что мейджи не успела шарахнуть создание магией. Вовремя сообразила, что, во-первых, упыри не разговаривают, а во-вторых, только одно писклявое существо называло ее Эвичкой.

— Доброе утро, Гизелла, — хмуро пробормотала Эви, выбираясь из-под острых коленок и худеньких локтей. Теперь, можно не сомневаться, останутся синяки!

Гизелла, а это была именно она, прибежала простоволосая, в домашнем платье. Принеслась в спальню Эви, как только узнала, что та в замке.

— Какая ты ста-ала! — протянула она восхищенно. — Красоточка!

— Ты тоже, — Эвелина хотела вернуть комплимент, но глупая привычка всегда говорить правду помешала и теперь, — выросла...

Худая девчушка с остреньким носиком и мышастого цвета волосами превратилась в нескладную длинную девицу с руками-палочками. Лицо оставалось еще совсем детским. Бледно-голубые маленькие глазки с реденькими ресницами смотрели все так же доверчиво, как тогда, когда дочь артефактора и дочь правителя Верикии играли на полу в куклы.

— Как я рада, что вы приехали! — воскликнула Гизелла. — Так скучно здесь. Целыми днями то вышиваю, то играю на арфе. А где Райли? Как я хочу его увидеть! Пойдем скорее! Ой... Я не одета...

Принцесса почти не изменилась за прошедшие годы и, кажется, увы, совсем не поумнела. Зато по-прежнему любила наряды, игры, веселье и болтовню. Сейчас она решила отвести душу за все то время, что прозябала в одиночестве, и вылила на голову Эвелины ушат бесполезных сведений. О том, как она страдает без приемов, что пора бы отцу разослать приглашения на смотрины, а то она, бедняжка, так и

умрет старой девой, но разве королю есть дело до своей дочери? Он только жалуется на жизнь, ворчит, хандрит и почти не покидает комнаты.

Она подхватила на руки дорожное платье Эви, сморщилась, бросила на пол. Не договорив, упорхнула из спальни и вернулась, вооруженная корзиной с нитками, иглками, и в сопровождении отряда поддержки в виде горничных. Девушки тащили ворох платьев.

— Не волнуйся, Эвичка, сейчас мы на тебя что-нибудь подберем. Перешьем! Будешь как новенькая!

Мейджи и не волновалась: для похода вполне бы сгодилось и старое платье, но не поддаться натиску Гизеллы, которая мечтала причинить добро дорогой Эвелиночке, было невозможно. Эви сдалась на милость победительницы. И пока служанки наметывали подолы платьев, оказавшихся слишком длинными, слушала бесконечную болтовню бесхитростной принцессы.

— А сегодня вечером будет бал!

— Бал? — испугалась Эви.

Им сейчас не до пышных торжеств: время поджигает, егермейстеры сидят на хвосте, а Эви пока не представляет, как завести разговор про сапфир. Да и Дегар Тэшш сомнительный партнер для танцев. Еще забудется и задушит неугомонную принцессу. Признаться, Эвелине уже и самой хотелось малость ее придушить.

— Ну не бал, не бал... Прием. Отец, я, вы, несколько придворных. Но обещай уговорить Раулара со мной потанцевать!

— Э-э...

Хорошо, что Гизелла не стала дожидаться ответа, отвлекшись на очередное платье.

— Посмотри, вот это — лазурное — отлично подходит к цвету твоих волос и глаз. Но декольте слишком открытое... Надо бы украшение на шею. Я подберу из своих!

Глаза Гизеллы горели: она снова играла в куклы, вот только теперь в ее распоряжении оказалась вся Эвичка целиком. Она обшарила Эвелину взглядом и увидела перстень.

— Рубин? Придется снять. Не подходит к лазурному. Не волнуйся, запрем в моей шкатулке. Никто не посмеет тронуть! Или, если хочешь, отнесем в хранилище артефактов. Его только моя кровь откроет. Моя и папина.

Эви сглотнула. Волоски на руках встали дыбом. Неужели Пресветлая услышала ее мольбы? Нехорошо пользоваться наивностью Гизеллы, но как упустить шанс, который сам просится в руки?

Теперь надо осторожно-осторожно все разведать и при этом не сболтнуть лишнего.

— Гизи, а где ваш артефактор?

Принцесса ползала по полу на карачках — помогала горничным подгибать ткань юбки. На самом деле скорее мешала, но была полна энтузиазма.

— Отец выгнал его! Знаешь, папа вот уже несколько лет болеет. А магистр вместо того, чтобы лечить, все твердил, что королю нужен свежий воздух и солнце. Мол, в таком гиблом месте только плесень себя хорошо чувствует, а люди не очень. Представляешь? Поил, конечно, настойками, приносил камешки и висюльки, но все это помогало ненадолго. А потом признался, что бессилен. Отец страшно кричал тогда! И в тот же день выгнал нашего артефактора. А нового мы пока не нашли...

— Дела настолько плохи? — огорчилась Эвелина.

И решила, что перед уходом обязательно сделает все, что в ее силах, чтобы продлить жизнь короля Сигизмунда. Пороется в описях хранилища, подберет артефакты... Артефакты!

— Гизи, а ты случайно не видела в вашем хранилище перстня или подвески с сапфиром такой же огранки, как этот рубин?

Мысль об огранке была только предположением, но Эви надеялась, что угадала верно. Артефакты должны быть похожи.

Гизелла распрямилась и, прищурившись, воззрилась на Арканар. Неугомонная веселость слетела с нее, улыбка погасла. Видимо, притягательное очарование рубина все еще действовало — лишало воли. Она медленно перевела взгляд на Эви.

— Папа так болен... — тихо сказала принцесса.

— Да-да, глупышка, я поняла. Я помогу твоему папе. Так ты видела сапфир?

Гизелла наклонила голову. У Эвелины заколотилось сердце. Она бухнулась на колени, испугав служанок, обняла принцессу, притянула к себе и жарко зашептала в ухо:

— Гизи, милая, подружка моя дорогая. Этот сапфир очень-очень нужен Райли. Принеси нам его, пожалуйста, из хранилища. Мы вернем

его очень скоро, обещаю! Ты ведь мне веришь? А папе ничего не говори. Зачем его волновать? Правда?

Принцесса безмолвно кивала на каждое слово. Куда только подевалась ее говорливость?

— Принесешь?

— Вечером...

Эви расцеловала Гизеллу в бледные щеки.

Хотелось поскорее спровадить принцессу, чтобы сообщить невероятную новость Райли.

«Дегару Тэшшу! — напомнила себе Эвелина. — Смертельному врагу!»

Может, и не стоит ничего ему говорить. Да, не стоит. Эви должна оказаться на шаг впереди. Они с демоном заключили хрупкое и шаткое перемирие, но когда они соберут все артефакты, союзу настанет конец.

Гизелла и сама заторопилась уходить.

— Надо и мне готовиться, Эвичка. Оставляю тебя в надежных руках. Завтракай, приводи себя в порядок, скоро увидимся.

Показалось или принцессу что-то расстроило? Должно быть, ее смутили бурные эмоции гости. Но у Эвелины не было времени, чтобы поразмыслить над задумчивым видом Гизеллы. Есть масса других вещей, над которыми следует подумать.

Подготовить демона к балу, научить нескольким танцевальным па. Эви надеялась, что Дегару Тэшшу не придется танцевать, но Гизи слишком напориста и привыкла добиваться своего. Пусть. Главное, чтобы принесла сапфир. Как только артефакт окажется на пальце или на шее мейджи — пока непонятно, в какой оправе камень, — они тут же покинут замок, а следом и Верикию.

Горничных Эви отослала. Те робко возражали: мол, еще не все мерки успели снять, но Эвелина отмахнулась: шейте на глазок, ей в этом платье не замуж идти, на один вечер сойдет любое. Мейджи не любила наряжаться, предпочитая практичную одежду. В лаборатории поверх платья надевала кожаный фартук, волосы убирала под уродливый чепец. Райли, как-то раз увидев ее в этой амуниции, изумленно хохотнул и потом несколько дней вместо привычной «Морковки» величал «Мейджи Зло», пока не схлопотал по пузу.

— Райли!.. — Эви ворвалась в общую гостиную и до боли закусила губу.

Да когда же она запомнит: Райли ее не слышит...

Демон сидя спал в кресле, положив на колени маленький нож для масла. Вот только тупое лезвие теперь было заточено. Не успела Эви переступить порог, как заметила устремленный на нее взгляд черных глаз, и невольно вздрогнула.

— Морок слетел, — сухо сказала она, стараясь не выдавать своих чувств. — Я поправлю.

Дегар Тэшш кивнул.

— Убери нож. Мы в доме друзей, а ты!.. Никто не собирается причинять тебе вреда!

Эви едва не перешла на крик. Вот как быть с этим дикарем? Неужели он провел всю ночь в кресле? А теперь еще раздобыл оружие! Еще немного — и пустит его в ход.

— Ты выспалась?

— Да!

— Хорошо.

— И тебе бы не помешало! И выспаться, и умыться. И хоть ненадолго притвориться нормальным человеком.

— Ты справишься, если в эту дверь войдет несколько вооруженных стражников? — спросил Дегар Тэшш.

Шутит, что ли? Но, судя по пристальному взгляду демонюки, он вовсе не шутил.

— Справлюсь, — соврала Эвелина. — Иди уже.

Охохонюшки. Повезло же ей заполучить в попутчики не просто демона, а демона с манией преследования. Он ведь, лягушка бестолковая, всю ночь ее сон охранял. Потому что «она нужна». А вот как не нужна станет, сам же шею и свернет.

Дегар Тэшш ушел, но вскоре вернулся. Он успел снять рубашку. Удивительное дело, Эвелина сотню раз видела торс Раулара с крепкими кубиками пресса, и ни разу это зрелище ее не трогало, будто сквозь красивую, статную фигуру короля просвечивало пухлое мальчишеское тело. Но сейчас к ней словно приближался другой человек — незнакомый, опасный и, гадство-гадство-гадство, очень красивый. Наверное, дело в походке, во взгляде и запахе раскаленного металла.

— Чего тебе нужно? — огрызнулась Эви. — Ты чего полуголый расхаживаешь?

Демон встал так близко, что Эвелине пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Дегар Тэшш тер ладонью щеку.

— Раулар — мужчина?

— Конечно! — растерялась мейджи.

— Я слышал, что у ваших мужчин на лице растут волосы. Или король еще слишком молод?

— Райли не любит бриться и попросил меня наложить небольшое заклятие — щетина не растет несколько недель, — пожала плечами Эви.

— Отмени магию.

— Зачем?

Впрочем, она и так знала ответ. Демону невыносимо находиться в теле слабой улитки, а гладкие щеки превращали его в юнца. Должно быть, ему от такой метаморфозы совсем тошно.

— Да пожалуйста, — проворчала Эви, пошевелив в воздухе пальцами и разорвав тонкую паутину заклинания. — Мучайся. Брейся каждое утро. И не жалуйся, если с непривычки останутся шрамы...

— Шрамы! — удовлетворенно повторил Дегар Тэшш. — Хорошо.

«Прекрасно! Райли будет счастлив...» — мрачно подумала Эвелина.

Завтрак принесли в комнату вместе с запиской от короля Сигизмунда, где он просил прощения за то, что не сможет принять гостей за обедом: неважно себя чувствует.

«Будьте как дома, отдохайте после долгой дороги, распорядитесь слугами, — писал в послании король. — Мы увидимся вечером и все обсудим».

Эви обрадовалась: не придется прятать глаза. Как-никак она собиралась ограбить доброго друга семьи Раулара и использовать глупенькую Гизеллу в своих целях. Не слишком-то благородно, что и говорить.

«Клянусь, когда все закончится, я вернусь и вылечу старину Гиза!» — мысленно пообещала она.

День пролетел незаметно. Эвелина выспалась на неделю вперед и объелась сладкими пирожками. Обнаружила в гостиной потрепанную книжицу, где рассказывалось о любви знатной девушки и бедного бродячего артиста. Зачиталась. На демона старалась не обращать

внимания, а сам он первым с ней не заговаривал. Охота ему караулить запертую дверь, спрятав нож в голенище сапога, — пусть!

Гизелла не объявлялась. Тоже, видно, готовилась к балу.

После обеда пришли горничные с готовым платьем и квадратным бархатным футляром.

— Ее Высочество просили передать, — с поклоном произнесла одна из девушек.

В футляре обнаружили кольцо и сережки с нежной бирюзой — капельками росы на тонких серебряных листьях филигранной работы. Про рубин ни одна из служанок не обмолвилась.

Все складывалось как нельзя лучше!

Дегар Тэшш наотрез отказался учиться вальсировать. Впрочем, вслух он не произнес ни слова, но посмотрел так мрачно, что Эви предпочла не связываться. К счастью, и Райли не слишком любил танцевать.

Пришел камердинер и принес для гостя сюртук, свежую рубашку и брюки. Каким-то немыслимым образом вещи пусть и со скрипом, но налезли на крепкую фигуру короля. Эвелина мстительно похихикала про себя, когда демон прошелся по комнате, с трудом переставляя ноги. Так, точно на него напялили железные латы.

Сама мейджи в легком платье чувствовала себя прекрасно. Жаль, не выйдет задержаться в гостеприимном доме до утра, придется покинуть замок сегодня же, пока правитель не хватился сапфира. Поэтому Эви загодя подготовила пальто, вычищенное служанками от грязи, проверила, чтобы диплом был на месте — во внутреннем кармане. Останется лишь переодеться и бежать.

Дверь приотворилась, и в гостиной появился стражник.

— Я провожу вас.

В коридоре ждали еще трое крепких парней. Эви вздохнула: король Сигизмунд слишком усердствует с охраной — замок и так мрачноват, незачем превращать его в острог. Но она решила проявить снисходительность к старому человеку. Это его дом и его правила.

— Следуйте за мной, Ваше Величество. И вы, мейджи Соль.

Какие серьезные мины, и не улыбнутся. Но что поделать, служба.

— Держись за мной, — произнес Дегар Тэшш, едва разжимая губы.

Нож по-прежнему был спрятан в голенище его сапога. Какой подозрительный демон попался! Если бы их вели в ловушку, обошлись бы без лишних церемоний — записок с извинениями, платьев, коле...

— Твоя задача не привлекать внимания, — тихо напутствовала Эви своего спутника. — Если старина Гиз станет спрашивать, зачем мы здесь, говори только про Испытание. Я сама все решу!

«Все давно решила и без твоей помощи!» — подумала она про себя.

Двое стражников шли впереди, двое позади, заставляя Эвелину озираться. Ладно, приедет когда-нибудь старина Гиз в Карнаэль, тоже станет ходить под конвоем! Эви не злая, просто память у нее хорошая.

— Почти пришли, мейджи Соль, — успокоил один из сопровождающих, а глядел при этом почему-то в пол.

Стеснялся, наверное. Эвелина заметила устремленный на нее взгляд демона.

— Все хорошо, — недовольно прошипела она.

И без того нервничала из-за странностей Гиза, так еще и Дегар неоднозначно покосился на свой левый сапог.

— Не вздумай! Мы у друзей!

К счастью, коридоры были пусты: слуги натешили свое любопытство и больше не ходили следом, будто привязанные.

— Прошу вас, Ваше Величество!

Стражники, идущие впереди, распахнули двустворчатые двери. Эвелина надеялась услышать музыку, но внутри было тихо. С другой стороны, ожидается небольшой семейный прием, королю нездоровится, возможно, дело обойдется ужином. Главное, чтобы Гизелла не подвела — выполнила обещание. А если передумает, Эвичка станет так умильно смотреть на свою подруженьку, что сердце принцессы дрогнет.

Мейджи приподняла подол, намереваясь впорхнуть в зал, но Дегар, вот же неугомонный демон, ухватил ее за локоть и поставил позади себя.

— После короля! — сурово бросил он.

— Ты не... Хм... Как скажешь!

Дегар Тэшш вошел первым, встал, скрестив руки на груди. Со спины он казался совсем другим человеком — более сильным и взрослым.

— Беги, колдунья, — сказал он, не повышая голоса, но очень четко.

— Ч-что?..

И Эви побежала. Но вовсе не назад по коридору, хотя могла бы с легкостью разметать стражников. Она рванула вперед. Ведь твердолобый демон, несомненно, что-то перепутал. Он не знает людей, не понимает их обычаев, вот и теперь мог принять за враждебность вилки и ножи, разложенные на столе.

Однако в зале не оказалось стола, накрытого к ужину. Не было ни слуг, ни музыкантов. В круге под потолком горело несколько свечей, в их тусклом свете было непросто разглядеть лица гостей.

Сначала Эви увидела Гизи. Та стояла поодаль, у стены, и прижимала к груди ладонь, будто ей трудно дышать. Она мельком посмотрела на Эвелину и прикусила губу. На громоздком стуле восседал правитель Верикии. При появлении мейджи и короля он поднялся, тяжело опираясь на деревянный посох.

Людей, которые появились из-за спины Сигизмунда, Эви сначала приняла за тени, но потом поняла, что они просто одеты в черное... Егермейстеры! Здесь! А первым шел — о Пресветлая, за что! — магистр Куин. Он сменил свою потрепанную алую накидку на темный плащ егермейстера. Глаза, цвета хмурого осеннего неба, смотрели холодно.

— О нет...

Эви отшатнулась и прижалась спиной к груди Дегара Тэшша. Тот успел выхватить нож, который в широкой мужской ладони казался игрушечным. Эвелина положила руку на запястье демона, опуская оружие, покачала головой: «Не нужно».

— Что происходит, дядя Гиз? — произнесла она, собрав остатки самообладания. — Мы с Райли пришли к вам как друзья. Разве мы чем-то вас обидели?

Король Сигизмунд наклонил голову набок, напомнив Эви печальную ворону, и посмотрел на магистра. Егермейстер провел пальцами по воздуху, точно срывал невидимый покров, и старина Гиз шумно выдохнул, а Гизелла, на секунду подняв голову, залилась слезами.

— Видите, я был прав, — сказал магистр Куин.

Одним движением он уничтожил морок Эвелины, который все это время скрывал черные глаза демона.

— Кого ты привела в мой дом? — осипшим голосом проскрипел правитель Верикии.

Он пошатнулся и опустился на стул, заботливо придвинутый одним из егермейстеров.

— Я не хотел верить... — пробормотал он. — Бедный мальчик мертв...

— Это неправда! — воскликнула Эвелина. — Еще не все потеряно! Райли жив!

Она бросилась на колени рядом с королем Сигизмундом, схватила его руки, обтянутые тонкой пергаментной кожей.

— Прошу вас! Умоляю! Не отдавайте им Райли! Его еще можно спасти!

Старик Гиз молчал и, как бы настойчиво Эвелина ни пыталась поймать его взгляд, избегал смотреть ей в лицо.

— Дядя Гиз!..

— Не зови меня так, — проскрипел он. — Райли мертв. Ты привела в мой дом демона. Ты хотела ограбить меня!

Эви отпрянула и уставилась на Гизеллу, не веря, что такое возможно: эта дурочка-принцесса обманула ее. Та не выдержала, всхлипнула и отвернулась.

— Забирайте их... — махнул рукой король Сигизмунд.

Егермейстеры ждали только этих слов. Темные тени безмолвно и очень быстро обступили Дегара Тэшша с его несерьезным оружием.

— Нет!

Мейджи рванула наперерез, раскинула руки, не успев сплести ни одного аркана, разя противников чистой магией. Штормовая сила отшвырнула их на несколько шагов назад. Но куда артефактору с семеркой резерва тягаться с боевыми магами!

— Успокойся! — приказал магистр Куин, которого ударная волна не сдвинула с места. — Мы не убьем короля, мы заберем вас с собой. Не сопротивляйся, иначе будет хуже.

«Знаю я, куда вы его заберете! В Каззар! А это хуже смерти!»

— Нет!

Егермейстер скользнул вперед. Эви могла поклясться, что на мгновение его фигура потеряла плотность и превратилась в черное марево. Прохладные пальцы коснулись лба мейджи — она и сделать ничего не успела. И не успеет... Магистр Куин выпил ее резерв. Эвелина слышала, что егермейстеры так умеют, но сама прежде с таким не сталкивалась. Он опустошил ее до дна, и даже больше. Ноги ослабли, голова закружилась.

— Все кончено, девочка.

— Ничего не закончилось, — глухо прорычал Дегар Тэшш.

Он поймал Эви за шиворот и отшвырнул с дороги, как котенка.

— Не высовывайся! — рявкнул он.

Быстро-быстро засверкало заточенное лезвие ножа. Магистр Куин зашипел сквозь зубы, зажимая порез на плече. Будь егермейстеры обычными людьми, демон легко бы справился с пятью противниками.

— Оглушить, — коротко приказал магистр.

Маги ударили одновременно и слаженно. Дегар Тэшш пошатнулся, сделал неверный шаг в сторону магистра Куина, протянул руку к его горлу и с рыком повалился на пол.

Эвелина поняла, что стоит одна посреди круга егермейстеров, направивших на нее сложенные в боевом аркане пальцы. Бой проигран...

— Магистериум благодарит Вас за содействие, Ваше Величество.

Магистр Куин поклонился королю Сигизмунду, тот насуплено кивнул. Он все так же отводил взгляд от Эвелины, рассматривал навершие жезла. Пожевал губами и хрипло прокаркал:

— Мы договаривались...

— Да, конечно!

Командир отряда егермейстеров подошел к Эвелине, взял ее за предплечье. Мейджи дернулась, не понимая, что происходит.

— Тихо, тихо. Этот перстень тебе не принадлежит. Ты украла его.

Эви затрясла головой.

— Нет, нет! Вы не понимаете!..

Магистр ее не слушал. Он настойчиво и жестко, правда, стараясь не причинить боли, разжал ее кулаки и снял Арканар.

— Гады, гады, гады... — повторяла, будто заклинание, Эви. — Какие гады!

Она без устали шагала по крошечной камерке. Пять шагов вперед, пять назад. Открытые плечи зябли, но холод подземелья еще не взялся за разгоряченную девушку всерьез.

Эвелина сорвала с шеи украшение, которое ей подарила Гизелла, — предательница Гизелла! — бросила кольцо на каменный пол и растоптала.

— Зачем этот маскарад! Это платье! — Мейджи со злости рванула ленту с пояса, та с треском отлетела. — Почему сразу не утащить в темницу! Я верила им! Это же Гиз! Старина Гиз... Ну как же так...

Помещение, где заперли Эви и демона, разделяли толстые прутья решетки. Демон стоял по другую сторону перегородки и наблюдал за мечущейся по клетушке Эвелиной.

В камерке Эви не было ничего, кроме голой лежанки да круглого отверстия под потолком, откуда в подвал проникал свежий воздух и слабый свет.

Половина, где заперли Дегара Тэшша, оказалась в два раза больше. Эвелина с трудом могла рассмотреть, что находится у противоположной стены: камин, он сейчас не топился, странный деревянный стул с ремнями на подлокотниках, лавка. С потолка свисал крюк, сквозь который была продета цепь. Один ее конец тянулся к кандалам на ногах демона. Тот мог передвигаться, но очень медленно.

— Планы изменились в последний момент, — сказал Дегар.

Вот уж кто не терял самообладания. Эви позавидовала демону. Ей бы сейчас не помешало спокойствие сынов Джалгарра. А ведь он прав! Картинка, щелкнув, сложилась у Эвелины в голове.

Гизелла рассказала отцу про Арканар: принцесса узнала камень, когда увидела. Отсюда ее заторможенность и странная фраза о том, что отец очень болен. Может быть, король хотел обменять рубин на сапфир или предложить что-то иное. Он на самом деле готовил прием, где надеялся договориться с Рауларом. Все шло как задумано, пока не появились егермейстеры с шокирующей новостью, что место

правителя Карнаэля занял демон. А зачем договариваться с демоном, когда можно просто забрать то, что нужно? Эви сама настроила Сигизмунда против себя, когда хотела обманом заполучить Харамон.

— Гады! — упрямо повторила она.

— Слабые люди, — отозвался демон. — Которые боятся смерти. Я говорил, что нужно снять перстень. Ты не послушала.

— Да, не послушала! — вспыхнула Эви. — Почему я должна слушать врага? Я почти все решила!..

— Почти, — припечатал Дегар.

Одно слово, а Эвелину будто окатило ледяной водой — вся спесь слетела.

Мейджи поплелась к лавке и села, подтянув колени к подбородку. Все потеряно? И что теперь? В оковах — в Каззар? Неужели она больше никогда не увидит Райли? Эви ударила кулаком по деревянным доскам. Изо всех сил, так что содрала кожу на костяшках. Но легче не стало...

— Как ты можешь оставаться таким невозмутимым?! — крикнула она. — Ты! Хладнокровная лягушка! Все из-за тебя! Ненавижу!

Демон не двинулся с места, не отвернулся, ничего не ответил, но зачем-то принялся расстегивать сюртук, а следом рубашку. Эвелина с оторопью наблюдала за Дегаром. Никак рехнулся?

— Не хочешь объяснить, что ты делаешь? — подозрительно спросила она, когда демон остался в одних брюках.

— Твоему слабому телу необходимо тепло. Если ты не будешь двигаться, то быстро замерзнешь. А ты не сможешь все время двигаться. Подойди и возьми одежду.

Эви моргнула. Демоны все же невероятно странные создания. Вроде бы предлагает помощь, но так, что охота дать в глаз. А может, дело не в том, как предлагает, а в том, что Эвелина для него полезная вещь, необходимая в походе. Нельзя, чтобы она сломалась. Так же заботливо и сама мейджи оберегала хрупкие артефакты, полировала ветошкой, разговаривала с особенно капризными в уходе предметами.

— Обойдусь! — буркнула она. — К тому же телу Райли тоже холодно. Хотя тебе на это наплевать...

Дегар некоторое время молчал, буравя Эвелину взглядом.

— Ты не понимаешь, верно? Одежда мне скоро не понадобится.

— Поче...

Эви проследила за его взглядом, который скользнул вверх по толстой цепи к крюку, вбитому в потолок, к жаровне, к креслу с ремнями...

— Нет! — испуганно воскликнула она. — Они не станут пытаться короля!

— Сына Джалгарра! — вздернул подбородок демон. — Станут. Я бы стал. И ничего другого не жду. Будет жарко.

Он усмехнулся.

— Не замерзну.

Эвелина сорвалась с места и подскочила к решетке, вцепилась в прутья, приподнялась на цыпочки, с ужасом глядя на знакомое и одновременно такое незнакомое лицо: на щеках появилась темная щетина, вокруг черных глаз залегли тени. Это не Райли. Не Райли! Почему же так колотится сердце, почему так щемит в груди от мысли, что демона будут мучить?

— Они не станут тебя пытаться, если ты им все расскажешь!

— Но я не расскажу.

— Ты совсем дурак, да? — спросила она, чуть не плача. — Ты чего такой непробиваемый-то? Какая уже теперь разница? Чем нам помогут твои страдания?

Эви всхлипнула. Дегар Тэшш протянул руку между прутьями решетки и кончиками пальцев стер слезинку.

— Влага? Тебе снова грустно?

Эвелина сердито отвернулась, пряча глаза. Ее плечи окутала мягкая ткань рубашки, поверх демон накинул сюртук, а потом положил ладонь на макушку мейджи.

— Ашарр саар, — тихо сказал он. — Будь сильной.

— Это простой вопрос, — повторил магистр Куин. — Для протокола. Назови свое имя.

Он стоял рядом с разожженным очагом, и Эви не видела лица, лишь силуэт, который отбрасывал на каменные стены длинные колеблющиеся тени. Голос звучал спокойно и даже с ноткой скуки, будто магистр Куин сидел за столом конторы и перебирал бумаги. Поколебавшись, он снял плащ, огляделся и брезгливо пристроил его на край лавки.

Эви была бы и рада не смотреть на егермейстера, но на что-то иное смотреть было еще страшнее. Руки Дегара Тэшша связали за

спиной и протянули цепь через кольцо в потолке. Демон застыл в неудобном положении, мышцы бугрились под кожей. Одно неверное движение — и порвутся сухожилия. На решетке в огне раскалялись щипцы и прутья, но пока магистр Куин не торопился пустить их в ход: пленник обездвижен и никуда не денется. Его руки затекли, мышцы ноют с каждой секундой все сильнее. Глядишь, и станет поговорчивее, когда придет время сложных вопросов.

За небольшим деревянным столиком, на котором лежала стопка бумаги, стояла чернильница и теплилась лампада, сидел один из чернорубашечников и крутил в пальцах перо. Он пока не записал ни строчки: Дегар Тэшш упорно молчал.

— Прошу вас, не надо! — крикнула Эвелина.

Происходящее напоминало какой-то безумный сон. Впрочем, все последние дни превратились в бесконечный кошмар.

Она твердила «прошу вас», и «остановитесь», и даже «вы совершаете ужасную ошибку», но словно разговаривала со стеной: магистр Куин не обращал на нее внимания.

— Ненавижу! — воскликнула она в сердцах. — Зачем мучить? В прошлый раз вы сразу хотели его убить, а теперь что изменилось? Решили отомстить за то, что остался жив?

Егермейстер покинул свой пост у очага и неторопливо приблизился к мейджи. Так зыркнул на Эвелину, что та отпустила железные прутья и попятилась.

— Не надо пользоваться моей добротой, девочка, потому что я вовсе не добр! Взгляни на него!

Магистр Куин стремительно схватил Эвелину за руку, подтащил к решетке и заставил посмотреть на изломанную фигуру Дегара Тэшша.

— Кого ты жалеешь? Это враг! Убийца! Я допрашиваю его не ради своего удовольствия, а чтобы в конце концов выиграть эту проклятую войну! Это не обычный демон! Он дерзок и опасен. Мало того, что вселился в тело правителя Карнаэля, так еще каким-то образом выжил после смертельного заклятия! Что ему нужно? Кто он? Чего добивается? Я не оставлю его в покое, пока не получу ответы на эти вопросы!

— Он ничего вам не скажет... — прошептала Эви.

— Что-то да скажет! И не таких заставляли говорить. Тела демонов почти не чувствительны к боли, но тела людей — да! Он еще

не знает, что его ждет. А ты... Просто отвернись. Закрой глаза. Это больше не твой друг, помни об этом.

— Вы не понимаете — Райли все еще там! Вы изувечите короля!

Вместо ответа егермейстер закатил глаза, точно как ее преподаватель некромантии, которому Эвелина сдавала экзамен и едва не провалила его — несла откровенную чушь. Магистр Куин подошел к Дегару Тэшшу и поднял лицо демона, взяв за подбородок.

По лбу Дегара катились капли пота, но взгляд оставался твердым и ясным.

— Если душа короля все еще жива, пусть покажется мне. И тогда, обещаю, в Каззар его доставят в целостности и сохранности.

— Дегар, разбуди Райли хотя бы на минуточку! — взмолилась Эви.

Демон медленно покачал головой и промолчал. Снова! До чего твердолобый демонюка!

— Как я и предполагал, — бесстрастно подытожил магистр. — Может быть, ты знаешь, что понадобилось демону? Чего он добивался?

«Знаю! Ему нужны артефакты, так же, как и мне! Так же, как и Райли...»

Дегар поймал взгляд Эви и шевельнул губами, складывая их в короткое, но неколебимое «нет!»

Артефакты — единственная надежда на то, что Райли снова вернется к ней. Если егермейстеры узнают о том, что демоны охотятся за камнями, то соберут их первыми, запрут в неприступном Каззаре и Эвелина никогда-никогда не сможет спасти Раулара.

— Не... Не знаю... — прошептала мейджи.

Она чувствовала себя предательницей — жертвовала Дегаром ради Райли. Хотя какое ей дело до демона! Пусть мучают, пусть! Так ему и надо. Не лез бы в чужое тело, не огреб бы неприятностей. Магистр Куин прав: он враг. Как там говорилось в указе? «Создание, что оскорбляет самим своим присутствием гармонию мира». Краснорожая лягушка!

— Продолжим? Назови свое имя!

Егермейстера утомило упорное молчание узника. Может быть, его раздражал жар, исходящий от очага, или разозлил разговор со

стропливой девчонкой. Так или иначе, магистр Куин натянул на руку толстую кожаную рукавицу и снял с жаровни раскаленный прут.

Эви испуганно зажала уши. Но Дегар Тэшш не крикнул, лишь изогнулся в цепях, задрал вверх искаженное болью лицо, и закусил губу так, что по подбородку потекла струйка крови.

«Это не Райли, не Райли!»

Сердце разрывалось.

— Его зовут Исс Дегар ха-Тэшш! — крикнула мейджи. — Больше я ничего не знаю!

Егермейстер, исполняющий обязанности писаря, быстро записал имя демона на листе. Исс-Дегар зарычал от ярости и отчаяния.

— Хорошо, — сказал магистр Куин, опуская прут.

Но не успела Эвелина обрадоваться, как он снял с решетки новый.

— Следующий вопрос: как ты выжил после смертельного заклятия?

Эви разрыдалась. Это было выше ее сил. Можно закрыть глаза, отвернуться, твердя себе, что демон заслуживает то, что получил. Глупый демон! Она зачем-то вспомнила, как этот дикий лягух лопал пирожное, закусывая его куриной голенью. Как провел ночь в кресле, защищая ее сон. Отшвырнул за спину, закрывая от боевых магов. Положил ладонь на ее макушку: «Будь сильной»...

— Не будь сильным, Дегар! Кричи! Кричи! Станет легче!

Дегар Тэшш поднял на нее измученные глаза и криво усмехнулся уголком рта. Он не проронит ни звука. Упрямец!

— Тогда я буду кричать! Я буду кричать за тебя!

И когда раскаленное железо коснулось обнаженной кожи, Эвелина закричала так громко, как могла, будто сейчас мучили ее.

Магистра Куина надолго не хватило. Он раздраженно запустил прутом в дверь — писарь едва успел пригнуться.

— Дура-девка! Пороть тебя некому!

Он походя дернул рычаг в стене, спуская цепь, которая удерживала Дегара. Демон со всего размаха упал на пол с вывернутыми руками, тяжело перекатился на бок. Магистр Куин сорвал верхний лист, на котором было записано имя, скомкал в кулаке и стремительно вышел в коридор. Помощник, подхватив чернильницу, выскочил следом. Грохнул засов. Сделалось тихо.

— Дегар... — шепотом позвала его Эвелина.

Он не ответил, но хотя бы дышал, уже хорошо. На груди и плечах остались почерневшие рубцы — следы ожогов. Ничего, вот мейджи восстановит резерв и подлатает упрямца, будет как новенький...

«Да только надолго ли?»

Эви посмотрела на толстые прутья, каменные стены, окованную железом дверь. Похоже, они здесь застряли не на один день. А что ждет потом? Райли — Каззар, а ее — суд Магистериума. Она добилась короткой передышки, но егермейстеры скоро вернуться. Через час или утром, но пытки неизбежно продолжатся. А Эвелине заткнут рот заклятием или швырнут в другую камеру, чтобы не мешала.

Демон пошевелил запястьями: цепь ослабла и постепенно поддавалась усилиям. Ноги по-прежнему в кандалах, но во всяком случае Дегар сможет размять руки.

— Ты как? — спросила Эви, когда демон сумел распутать узел и опрокинулся на спину. — Ты лежи, лежи.

Но Дегар не послушался. Да когда он ее слушался? Отдохнул минуту и сел. Сжал голову: видать, закружилась с непривычки. Со свистом ухватился за искалеченный бок: раны беспокоили его, но упорство оказалось сильнее. Пусть не с первой попытки, но демон поднялся и шатаясь побрел в сторону решетки.

— Никак не пойму улиток, — мрачно пробормотал он, остановившись напротив Эвелины и уцепившись за железные прутья для равновесия. — Гораздо эффективнее было бы отрезать мне пальцы по одному. Или уши.

Эвелина вытаращила глаза.

— Ну давай, подскажи им!

Дегар усмехнулся. Эта ухмылочка была только его — едкая и сумрачная. Райли всегда улыбался широко, во все тридцать два зуба. Повезло же ей повстречать демона с черным чувством юмора!

— Шутишь, да? Ну-ну! У тебя дыра в боку, если ты не заметил. Арканар забрали! Мы в остроге, откуда не выбраться! И Райли!..

«...никогда ко мне не вернется», — хотела добавить она, но не смогла выговорить эти страшные слова.

— Слушай меня, маленькая улитка, — сказал Дегар Тэшш, и на этот раз он был серьезен. — Слушай внимательно. Дальше ты пойдешь одна.

— Нет!

— Да. Найдешь оставшиеся артефакты. Мы знаем, где Харамон и Арканар — вернешься за ними позже.

— Если ты не заметил, Дегар, мы оба в темнице!

— Я заметил. Цепи, пытки, вопли. Точно темница.

— У тебя ужасный юмор, ты знал?

Он хмыкнул, но не ответил. Пошел вдоль решетки в дальний конец, поманил за собой Эвелину и указал место, где за много лет камень на полу стерся и просел. Прутья здесь прилегали неплотно.

— Я расшатаю решетку, и ты сможешь пролезть на эту сторону.

— На ЭТУ сторону? Знаешь, мне больше нравится моя сторона! Здесь никого не жгут каленым железом!

— Ты невыносима, маленькая улитка, ты знала?

Пришла очередь Эвелины фыркать.

— Ладно, хорошо, допустим, я пролезу. И что дальше?

— Твой резерв восстановится к утру?

— М-м, почти.

— Утром вернутся егермейстеры. Я задержу их, а ты сбежишь. Используй магию. Хитрость. Ум. Что угодно. Не останавливайся. Убивай, если придется.

— Но я ни за что не справлюсь одна! А как же Райли!

— Ты знаешь, где его искать. Где искать нас.

Следовало признать: это хоть какой-то план. Но у Эвелины сердце застывало от ужаса и волоски на теле вставали дыбом от мысли, что придется продолжить путешествие в одиночестве. Где спрятаны остальные три артефакта — загадка. Она может разыскивать их год, два и все равно вернуться с пустыми руками.

И потом, о планах демона ей до сих пор ничего не известно. Что если, заполучив камни, он развеет людей прахом? Папа говорил, что в артефактах сосредоточена могучая сила.

— Зачем тебе артефакты, Дегар? — тихо спросила она.

— Слишком сложно. Долго объяснять. Времени нет, улиточка. Слово сына Джалгарра нерушимо. Вот тебе мое: я не причиню зла людям.

Эвелина, сузив глаза, вперила взгляд в демона, но на невозмутимо-спокойном, хоть и бледном, осунувшемся лице, невозможно было прочесть ни единой эмоции.

— Что же, — устало выдохнула она. — Если другого выхода нет... Но если все получится и я сумею уйти, я даже не попрощаюсь с Райли...

— Я могу его разбудить, — помолчав, произнес Дегар. — Ненадолго. Он очень слаб.

— Можешь? — ахнула Эвелина. — И раньше мог? Когда тебя там... Когда ты... в цепях... Если бы магистр Куин увидел, что Раулар жив, тебя не стали бы мучить!

Демон долго не отвечал, наконец произнес:

— Очнуться в цепях. С вывернутыми руками. Открыть глаза и увидеть раскаленный металл.

Неужели пожалел заклятого врага? Но если Эви вслух предположит такое, то снова услышит хмыканье и увидит кривую ухмылку.

— Он бы рассказал о камнях, и не пришлось бы просить дважды.

«Ах вот оно что...»

Впрочем, Дегар был прав: Райли от ужаса немедленно бы разболтал все, что знал об артефактах. Всю жизнь короля оберегали и защищали, он совсем не привык к трудностям... Эви выдохнула и подумала, что как бы она сейчас ни скучала по Раулару, находиться рядом с невозмутимым демоном было как-то спокойнее.

И все же она скучала. Как же сильно она скучала по этому балбесу!

— Разбуди, — попросила она.

И зажмурилась: не хотела видеть растерянность и страх на лице Райли, когда тот очнется.

Король шумно выдохнул, охнул: почувствовал боль от ожогов.

— Эви? Эви, где мы? Что происходит?

Голос Раулара был голосом перепуганного мальчишки. Если бы Эвелина могла дотянуться сквозь прутья решетки, она бы схватила друга в охапку и погладила по голове. Как тяжело сказать первые

слова. С тех пор, как егермейстеры вырубili Райли на постоялом дворе, случилось столько событий! И все это время рядом с ней был Дегар.

Эвелина набрала в легкие побольше воздуха. «Ашарр саар!» — мысленно приказала она себе. Фраза на языке демонов бодрила сильнее, чем на человеческом.

Райли стоял, согнувшись в три погибели, прижимал ладонь к ожогу на груди и уже был готов отправиться в спасительный обморок — подальше от неприятностей и боли.

— Райли... О Райли...

Эви протянула руки сквозь прутья решетки, и он, доковыляв, обнял ее в ответ. Раулар был весь мокрый от пота, плечи вздрагивали от подавляемых рыданий. Так и в детстве: обиженный или испуганный Райли сначала боролся со слезами — плакать не к лицу мужчине и будущему правителю, — а потом сдавался и ревел белугой. Эвелина не должна допустить, чтобы он разрыдался. После, вспоминая эти минуты, Раулар никогда не простит себе слабости.

Она могла бы рассказать о предательстве Гизеллы, о вероломном поступке Сигизмунда, который обвинил ее в краже рубина, о том, что они в подвалах замка и вместе с ними здесь находится отряд егермейстеров. Могла признаться, что надежды почти нет, но... не стала.

— Райли, посмотри на меня!

Она взяла его лицо в ладони: Райли так скорчился, что дотянуться оказалось несложно. Почувствовала влагу на щеках, и сердце защемило от нежности. Если и был ей кто-то дорог в этом мире кроме родителей, то только он — мальчишка, с которым она выросла вместе.

— Все хорошо, Райли, все хорошо, — пробормотала она, не зная, какую выдумать ложь, чтобы спрятать неприглядную правду. — Мы почти выбрались. Ты отдохнешь немного, а когда придешь в себя, все наладится, обещаю!

Раулар прижимал ее к своему горячему, пахнущему железом и кровью телу. Если бы не решетка, стиснул бы так, что и дыхание вон. Он хватался за Эви, будто самого Райли уносило штормовым ветром, а она могла его удержать.

— Все будет хорошо, — повторила Эвелина.

Притянула к прутьям и принялась целовать в мокрые щеки, опухшие веки, виски.

— Эви?

— Тихо, тихо, глупыш. Тихо. Ничего не бойся.

Она сама боялась до полусмерти: впереди неизвестность и долгая одинокая дорога. Кто бы ей сказал, что все наладится! Кто бы стал ее якорем посреди урагана...

Райли нашел ее губы.

Он так давно надеялся поцеловать Эви, не оставлял попыток с того памятного дня семь лет назад. То шуткой, то уговорами, то изобретал надуманные поводы:

— Смотри, Эви, мы вместе прошли под ветвями ивы, священного дерева Пресветлой, и теперь обязаны принести ей в жертву поцелуй!.. Эви, сегодня праздник летнего солнцестояния: если парень в этот день поцелует девушку, то ее весь год будет сопровождать удача!

А то и прямо заявлял:

— Морковка, когда ты уже смиришься с тем, что я твоя судьба?

— Короли не женятся на помощницах. К тому же я не благородных кровей. Это тебя не смущает? — так же честно отвечала ему Эви.

— Браки королей — условность. Это совсем не то же, что любовь. А тебя я буду любить всегда!

— М-м, то есть ты будешь любить меня, а женишься на другой? Какое заманчивое предложение!

— Эвелина!..

— Эвелина? — эхом отозвался Раулар из настоящего.

Поцелуя еще не случилось, король остановил его, чтобы получить разрешение. Эви чувствовала его дыхание, видела внимательный взгляд серых глаз. Нужно ответить «нет», иначе это будет нечестно. Но Эвелина знала, что эта маленькая уступка с ее стороны подарит Райли желание жить.

И кивнула. Едва заметно, будто случайно. Так, что это можно было истолковать и как согласие, и как отказ. Раулар увидел согласие...

Неловкий и странный вышел поцелуй. Губы Эви сделались солеными от слез короля, решетка мешала объятиям, руки соскальзывали с обнаженных плеч, задевали раны. Случайно, не

нарочно. И Эвелина сама вздрагивала, и вздрагивал Райли, но не отнимал губ, лишь глубоко вдыхал, будто хотел вобрать в себя всю Эви целиком — ее запах, ее вкус... Его пальцы искали опору и наконец сомкнулись за спиной Эвелины в кольцо: «Не отпущу, не отдам...»

А потом все изменилось. Райли дернулся и вместо того, чтобы отвечать на поцелуй, провел кончиком языка по губам Эвелины, будто пробовал на вкус. Потом взял мейджи за плечи и отодвинул от себя. Не Райли... Дегар! Он вернулся неожиданно и без предупреждения. На ошеломленном лице демона сменилась гамма чувств, но сильнее всего оказалось удивление.

Он медленно отступил, пристально разглядывая Эвелину, но решил, что бегство недостойно сына Джалгарра, так же медленно вернулся к решетке и кончиком указательного пальца обвел контур рта мейджи.

Та и сама стояла ни жива ни мертва. Угроздило же! Поцеловала она, выходит, не только Райли, но и Дегара. Демона! Тьфу, пропасть! Пакость! Да и ему, похоже, поцелуй в новинку. Никак в толк не возьмет, что с ним произошло.

— Почему так... — Он сделал длинную паузу: не мог подобрать подходящее слово. — Зачем? Облегчить боль?

— Да, — ответила Эви, и это было правдой.

Крепкая решетка не поддавалась усилиям. Дегар смотрел на нее глазами демона, а тело человека оказалось куда слабее. Он тянул, Эвелина толкала, да проку от этого было чуть. Эви проверила резерв — на дне плескалась капелька магии. Мейджи немедленно пустила ее в дело, применила к стене заклятие состаривания. Камни покрылись белым налетом, посерели, будто мигом состарились не на один десяток лет, но это были крепкие камни, и магии Эвелины было недостаточно, чтобы их одолеть.

— Дегар, бесполезно...

Демон вперил в нее упрямый взгляд, зарычал и рванул на себя прутья.

— Надо иначе... Так не выйдет.

Эви осознала, что держит его за руку, лишь когда Дегар вырвался и со всей злости толкнул решетку.

— Иначе, — процедил он. — Да.

Он злился не на решетку, он злился на себя — на бессильное человеческое тело, которое так его подводит: испытывает боль, устает, страдает, а теперь не может справиться с хлипкой решеткой! В своем прежнем обличье демон вырвал бы ее с корнем.

В двери с лязганьем и грохотом повернулся ключ — замок давно не использовался и заржавел. Видно, Эви и Дегар первые обитатели подземелья за многие годы.

Эвелина подавила вскрик. Сделалось жутко. А ведь ее не пытали — пытали Дегара, но страшно так, будто сейчас идут по ее душу. Неутомимые егермейстеры! Неужели король Сигизмунд наливает им мало вина или эля? Накрыл скудный ужин? Им давно пора расслабиться и хотя бы на время забыть про узников.

— Не бойся, колдунья, — сказал демон, его глаза налились тьмой.

Тьмой и болью. Дегар бы не признался и самому себе, но он устал от пыток.

— Им меня не сломать.

Дверь приоткрылась на ладонь. Потом чуть шире. Кто-то заглядывал в темницу, оставаясь в тени. Что за нерешительный

тюремщик им попался?

— Смотри-ка, Дегар, похоже, господин егермейстер боится тебя! — нервно рассмеялась Эви, трясаясь от страха. — Ну же, господин егермейстер, не пугайтесь нас, мы смирные. Особенно когда в цепях!

На дверь налегли и распахнули во всю ширь. На пороге появился человек, закутанный в серый балахон, голову прикрывал капюшон. Странно, у егермейстеров другая форма. К тому же магистр Куин был невысоким и плотным, а незнакомец — длинным и худощавым.

Впрочем, загадка скоро разрешилась. Человек повернул ключ в замке с внутренней стороны и, поколебавшись секунду, открыл лицо.

— Гизелла? — воскликнула Эви.

Появись в темнице сама Пресветлая, она и то удивилась бы меньше.

Белым цветом лица и красными глазами принцесса походила на мертвые. От ожившего покойника ее отличал только распухший нос, которым она шмыгала и сопела: предательница ревела не один час.

— Эвичка... — жалобно пробормотала изменщица. — Ты так кричала... Так кричала... Что они сделали с тобой?

У Эвелины было одно мгновение, чтобы принять решение. Она не умела врать, но ради Райли, ради его спасения, должна хотя бы попытаться.

Эви уткнулась в ладони и прерывисто вздохнула, как будто подлая Гизелла напомнила ей о перенесенных мучениях.

— А ты как думаешь? Жгли...

Мейджи натянула рукава рубашки до кончиков пальцев, словно прятала следы ожогов.

— Теперь шрамы останутся... Знаешь, как больно, когда каленым железом? До кости... И Райли прижигали.

— Так он... Он не Райли... — прошелестела Гизелла.

Она прислонилась было к стулу, но увидела ремни и крючья и отскочила как ошпаренная.

— Райли тоже здесь! — крикнула Эвелина и на этот раз разревелась по-настоящему. — Он в смертельной опасности! А ты!..

Что тут добавить? Гизеллу тоже можно понять: Эвелина привела демона в дом друзей, хотела обманом заполучить редкий артефакт. Не рассчитала только, что Гизи не так глупа: она узнала Арканар.

— Зачем ты пришла? — устало спросила мейджи. — Насладиться победой? Вот, ликуй. Посмотри, что они с ним сделали. И продолжат завтра...

Принцесса искоса поглядела на Дегара, на следы ожогов на коже, и тут же отвернулась.

— Отойди от решетки, демон, — произнесла она неожиданно решительным голосом.

Сунула руку под накидку и сняла с пояса связку ключей на толстом кольце, начала перебирать их, один за другим примеряя к скважине замка. Эвелина в немом изумлении наблюдала за происходящим.

— Гизелла, что ты делаешь? — шепотом спросила она.

— Отпускаю вас на свободу! — буркнула та. — Если Райли все еще можно спасти — спаси его! Ты ведь меня не обманываешь?

Эви моргнула. «Молчи, молчи, ради Райли!»

— Меня не мучили, — услышала она свой голос. — Я кричала, потому что мне было больно смотреть, как терзают Дегара. Но все остальное правда. Райли можно спасти, я клянусь своей жизнью!

Язычок замка, скрипнув, покинул пазы.

— Выходи. Быстро. Так, теперь он...

Гизелла сделала несколько попыток приблизиться к демону, который все это время молчал, только взирал на происходящее своими черными глазами. Это Эвелина знала, что Дегар не кинется душисть принцессу. Во всяком случае, не сразу. Сначала мрачно пошутит или жутенько улыбнется... Но Гизи видела перед собой опасного дикаря — угрюмого убийцу в цепях. Так лучше бы ему в оковах и оставаться.

— Давай сама! — выпалила она и сунула ключи Эвелине.

С оковами пришлось повозиться. Эви нервничала и никак не могла подобрать ключа. А нервничать было из-за чего! Мало того, что егермейстеры вернутся в любой момент, так еще она стоит на коленях перед демоном.

— Гадство!..

— Попробуй тот ключ, улиточка. Медный. На замке остались следы желтого металла, — раздался спокойный голос.

— О... Подошел!

Итак, они свободны. Почти... Ведь замок короля Сигизмунда — неприступная крепость, мост подняли на ночь, и на тот берег ни за что

не перебраться.

— Я проведу вас. — Гизелла точно услышала мысли Эвелины. — Тайный подземный ход под каналом. О нем знаем только я и мой отец. И вот...

Принцесса быстро, будто боялась передумать, вложила в руки мейджи нечто, полыхнувшее алым. Пальцы ощутили знакомую тяжесть и приятное тепло.

— Арканар? — ахнула Эви, разжимая кулак.

Не только Арканар. Рядом с рубином лежала сапфировая подвеска на витой серебряной цепи.

— Харамон? Но как? Твой отец... Ты сама говорила, что он болен, а помочь может только артефакт.

— Я не дарю тебе их, а даю на время! Наш бывший артефактор кое-что рассказывал мне о камнях силы. Они хранят клятвы и заставляют их выполнять. Ты не сможешь обмануть. Режь палец и обещай, что вернешь нам Арканар и Харамон, когда спасешь Райли!

— Хорошо, согласна! — Эвелина готова была на что угодно, лишь бы заполучить камни.

Огляделась по сторонам.

— Но чем резать?

Свою булавку она давно потеряла, не ключом же ковырять. Хотя один прут они с Дегаром почти выломали из стены, острый край блестел светлым металлом и был острым, точно лезвие бритвы. Эви нерешительно приблизилась и осторожно коснулась скола.

— Ай!

Она и не заметила, как сзади неслышно подобрался демон и чиркнул ее пальцем по краю.

— Ты не истекаешь кровью, — философски отметил Дегар. — Это не опасно. Ведь так?

— Так! Но больно! Зараза ты рогатая...

Однако на перепалку не оставалось времени. Эвелина поскорее прижала кровоточащий палец к гладкой поверхности рубина.

— Клянусь, что верну Арканар и Харамон принцессе Гизелле, как только жизнь Райли окажется вне опасности.

Ей показалось или камень стал ярче, будто осветился изнутри? А вот то, что к первой искорке непонятной магии добавилась вторая,

точно не померещилось. Выходит, рубин уже хранит какую-то клятву? Но какую?

— Дело сделано, Гизи! Выводи нас.

Эвелина, морщась, напялила перстень, нацепила подвеску и спрятала сапфир в вырезе платья. Представила, как они с Дегаром пробираются по лесу: она — цепляясь длинным шелковым подолом за все коряги, а он — едва переставляя ноги в узких брюках. Хмыкнула. Да, одеты явно не по-походному.

— Я приготовила для вас подходящую одежду. И твое пальто, Эвичка.

— В кармане мой диплом! — встрепенулась мейджи.

— И немного денег... погоди, я дам тебе свой платок, ранка до сих пор кровит.

— А это надо сказать спасибо лягуху! Спасибо, Дегар, что не отрезал палец, а так, покалечил немного!

— Так было нужно. Для дела.

Он сузил глаза, точно вспомнил о чем-то важном. Развернул Эвелину за плечи к себе. И поцеловал.

Ну как поцеловал... Прижал свои губы к губам Эви и застыл. Но так крепко удерживал ее на месте, что Эвелина и рада бы отодвинуться — а заодно двинуть хорошенько по наглой физиономии! — да никак. Губы Дегара были горячими, гораздо горячее, чем у Райли. Хоть демон и находился в теле короля, Эви ясно ощущала, что целует ее сейчас не Раулар. А главное — зачем? Что это взбрело в голову лягуху?

— Ого!.. — потрясенно выдохнула Гизелла.

Эвелину как подбросило. Что сейчас вообразит себе эта дурочка? Что она и демон...? Ой! Эви вывернувшись ужом и залепила Дегару пощечину, от всей души — и тут же с размаха вмазала по другой щеке. Хорошие пощечины получились, звучные.

Демон не двинулся с места, даже не поднял руки, чтобы защититься, но посмотрел с некоторым удивлением.

— Ты что творишь? — прошипела Эви.

— Снимаю боль. Легче?

— Намного! — рывкнула Эвелина, потирая ушибленную ладонь.

Значит он, дубина стоеросовая, вообразил, что поцелуи облегчают боль! Так он понял то, что происходило между ней и Рауларом. И как объяснить лягуху, что вовсе не физическую боль короля она хотела

унять. И не только его боль... И что поцелуй врага точно не улучшит ее состояние.

Она набрала в грудь побольше воздуха и... выдохнула. Сейчас нет времени на лекцию о человеческих чувствах.

— Надо идти, — произнесла она вместо объяснений.

С этим никто спорить не стал.

— На охране оставались двое егермейстеров, но я их обманула, сказала, что их срочно вызывает начальник, — объясняла Гизелла на ходу.

Она шла впереди, вела Эви и Дегара запутанными узкими коридорами в толще стены. Они попали в потайной ход через лаз, замаскированный под глухую нишу. Никто бы не догадался, что камни в ней уложены таким замысловатым образом, что скрывают проем. Гизи и Эвелина проскочили без труда, а вот демон застрял. Протиснулся кое-как, шипя сквозь зубы, когда камни касались свежих ран.

Эви будто случайно дотронулась до его локтя. Едва восполнившийся на единицу резерв снова опустел, когда мейджи уняла боль. «Обошлась без поцелуечиков, кстати!» — ядовито сообщила она, правда, мысленно.

— Обман быстро раскроют. Как только окажетесь за стенами — немедленно уходите. Чернорубашечники не станут ждать утра.

Принцесса привела их к пересечению коридоров, где путникам были приготовлены походные мешки и смена одежды.

— Переодевайтесь, быстро!

Эви в изумлении воззрилась на принцессу, словно впервые ее увидела. Вовсе она не дура! Как же Эвелина могла так обмануться! С другой стороны, Гизи так мастерски притворялась наивной простушкой, что провела бы кого угодно.

Гизелла правильно истолковала ее взгляд.

— С девочками всегда проще говорить о куклах и нарядах, а с девушками — о балах и женихах, правда ведь? Тогда можно подружиться... А мне всегда нужна была подруга.

Эвелина не нашлась, что ответить, только кивнула. Сделалось совестно. Бедная Гизи, одинокая Гизи, которая из кожи вон лезла, чтобы подружиться с Райли и Эви, а им вовсе не нужна была компания девчушки младше их на несколько лет.

Дегар между тем, не меняя сурового выражения лица, расстегнул брюки. Эви подхватила вещички и удрала переодеваться за угол. Гизелла пошла следом, отвернулась, чтобы не смущать, и продолжила говорить:

— Но когда появился магистр Ивер, я больше не чувствовала себя такой одинокой.

— Магистр Ивер?

— Наш артефактор... Бывший артефактор. Отец его прогнал, и это правда. Но вовсе не потому, что магистр плохо его лечил.

— Вот как? — Эвелина застыла с рубашкой в руках.

Конечно, она мгновенно догадалась, какие отношения связывали Гизи и магистра Ивера и почему король прогнал его, несмотря на то, что магические отвары и настои поддерживали в нем жизнь.

— Да... — просто ответила принцесса. — Он был старше меня, конечно. Но мне рядом с ним было так спокойно. Он рассказывал, я слушала. Я не очень умная, я знаю, но он не считал меня дурой, разговаривал так, будто я что-то для него значу.

— Ты не дура, — пристыженно сказала мейджи.

Гизи на это никак не отреагировала, заговорила о другом.

— Он рассказал мне о древних артефактах. Когда уходил, отдал Харамон и сказал, чтобы я берегла его как зеницу ока.

Принцесса оглянулась, не подслушивает ли Дегар, наклонилась к Эви и произнесла едва слышно:

— Мне очень страшно, что демон совершит что-то чудовищное, когда соберет их все...

— Мне тоже страшно, — призналась Эви. — Но выбора у меня нет. Это единственная возможность спасти моего лучшего друга.

Гизелла обняла Эвелину за плечи и прошептала на ухо:

— Я знаю, где изумруд. Он на острове, в цитадели Виир...

Цитадель Виир... что-то знакомое. Эви наморщила лоб, но никак не могла вспомнить. Эх, сюда бы Райли, он отлично разобрался во всех этих мудреных географических названиях: королю положено!

Но и Гизелла, видно, хорошо изучила карты Пяти Королевств, потому что, не дождавшись ответа Эви, объяснила:

— Цитадель Виир — это старинная крепость королевской династии Драглен.

«А-а-а, королевство Ферранд! — сообразила Эвелина. — Так бы сразу и сказала. Точно, папа говорил, что изумруд попал в Ферранд...»

Правители Ферранда никогда не жили в цитадели. Она была последним оплотом в случае опасности. Глубокое озеро, скалистый островок с неприступными берегами — не приметные тропы знали самые доверенные люди — все это делало крепость надежным убежищем. Но вот уже несколько десятилетий Виир использовали как хранилище тайных знаний. Попросту говоря, превратили в самую недоступную и загадочную библиотеку.

Эви стало неловко за то, что она не сразу вспомнила название, ведь отец не раз вздыхал о том, что мечтает посетить закрытое хранилище.

— Сколько открытий похоронено на этих пыльных полках! Сколько магистров древности изучали магический резерв, арканы, управление стихиями, и все эти знания пропадают зря! — сетовал магистр Соль. — Все потому, что король Бальтазар — жадная скотина. Как и вся королевская династия Драгленов. Прости, дочь, за прямоту. Поэтому у Карнаэля с Феррандом союз только на бумаге. От них лучше держаться подальше!

По спине Эвелины пробежал холодок, потому что она вспомнила еще кое-что о цитате ли Виир: кроме королевской семьи посещать ее могли только члены Магистериума. И егермейстеры в том числе.

Неужели придется сунуть голову прямоиком в пасть волку?

Когда у ворот цитадели Виир появились два промокших до нитки человека, лил дождь. Привратник в сером балахоне не удивился тому, что с путников ручьями стекала вода: немудрено, в такую немислимую грозу. Удивился он другому — самому факту появления гостей у ворот неприступной крепости.

— Э-э-э? — ошарашенно протянул он, обшаривая взглядом худенькую фигурку юной девушки и опасливо посматривая на верзилу за ее спиной.

— Мы стажеры! — пискнула девица. — С заданием от Магистериума!

Она развернула и сунула под нос привратника какую-то бумажку, щедро украшенную печатями.

— А, стажеры... — с облегчением протянул мужчина.

Конечно, кем еще могли оказаться люди, материализовавшиеся на острове. Они могли появиться здесь только через портал Магистериума. Не по озеру ведь они прошли, аки посуху! А лодку бы давно заприметили со сторожевой башни.

— Так, ты это не мне показывай, а Великому Наставнику, — кивнул он на измятый листок. — Следуйте за мной!

— Отлично, — прошептала Эвелина Дегару, когда привратник отдалился на несколько шагов. — У нас получилось!

Документ превратился в струйку дыма и впитался в ладонь. Эви потратила на иллюзию три драгоценных единицы, зато она получилась натуральной, можно даже в руки взять. Еще на разок хватит. Это магистр Соль научил дочь творить стойкие иллюзии, он и сам был мастером в этом деле.

Еще три единицы ушли на то, чтобы собрать над озером тучи. Хорошо, что воды здесь в достатке. Знатный дождь вышел, Эви могла собой гордиться! А ведь за стихийную магию у нее стояли не самые высокие баллы.

Гроза понадобилась для того, чтобы замаскировать мокрую одежду. Нет, новоявленные «стажеры» добрались до Виира не вплавь, не на лодке... Они дошли по дну озера.

До этого способа додумались не сразу, лишь спустя несколько дней пути...

Это были трудные несколько дней. Беглецы шли по ночам, ложились спать с наступлением утра. Хорошо, что в мешках обнаружился запас еды: Гизи позаботилась о провианте. Часто ели холодное, всухомятку. Как Эви мечтала хотя бы о миске похлебки, но приходилось довольствоваться взваром раз в день — по утрам, когда солнце светило особенно ярко и костерок не могли заметить издалека.

Эвелина набрала разных травок, спасибо курсу зельеварения, и готовила из них тонизирующий напиток — пряный, с легкой горчинкой. Дегару понравился. Пили по очереди, прямо из котелка: Гизелла умела собираться в поход получше Эвелины, но о кружках не вспомнила и она.

Только в эти недолгие минуты перед сном они и разговаривали с демоном. Говорила больше Эвелина, Дегар слушал, изредка вставляя слово. Пришлось рассказать о местонахождении Олгуна: пока у них с демоном общая цель, надо действовать сообща. Эви не хотелось представлять, что будет, когда они соберут все артефакты.

Вероятно, Дегар запросто придушит Эвелину, ставшую «ненужной», и отправится дальше по своим демонским делам. Но маленькой наивной девочке, которая до сих пор жила в душе мейджи, хотелось верить, что Дегар не обманывал ее, когда обещал освободить Райли, что артефакты ему нужны не для того, чтобы причинить людям зло.

«Ты сама-то в это веришь? — строго спрашивала себя Эви. — У нас вообще-то война! Мыслимо ли отдать такое преимущество врагу?»

Но выбора не было. Она обещала спасти Раулара.

«В крайнем случае, если пойму, что демон все это время обманывал меня, я убью его... И вместе с ним Райли... А потом умру сама. Я поклялась защищать короля ценой собственной жизни...»

— Не понимаю, как это егермейстеры так быстро нас вычислили?

Эви не ждала ответа, ей просто хотелось услышать человеческий голос, хотя бы свой. Всю ночь они с Дегаром упорно брели сквозь лес — не самая легкая задача даже днем. Демон шел впереди, раздвигая ветки. Силы на разговоры не тратили, не считать ведь беседой

короткие команды: «Пригнись. Осторожно, из земли торчит корень. Стой, впереди яма, обойдем».

Лишь когда забрезжил рассвет, Дегар собрал сухих веток и мха, Эвелина разожгла пламя — настало их время. Короткое время отдыха перед сном.

— Вычислили и прямиком отправились во дворец Сигизмунда. Они буквально наступали нам на пятки! Особое егермейстерское чутье? Магия? Нас кто-то выдал? — рассуждала Эви вслух.

— Выдал, — сказал Дегар; он был, как всегда, спокоен и невозмутим.

Эви вскинулась было: «Кто эта крыса?», когда демон закончил:

— Ты.

— Что?!

— Предположу. Когда король оказался в смертельной опасности, ты раскрыла его имя. Чтобы спасти.

— Нет!.. Да... В отряде был разумник, и я хотела докричаться до него, сказала, что они совершают страшную ошибку. Но он не услышал меня...

Эви осеклась. Услышал. Просто не успел осознать. Он доложил магистру Куину, а там до правды оставалась всего пара шагов... Долго ли отправить запрос в Магистериум! Где сейчас правитель Карнаэля? Проходит традиционное Испытание? С ним его артефактор — юная нервная особа, которая, чуть что, шарахает арканом Улмер? А если король и его помощник очутились в двух шагах от границы с Верикией, немудрено понять, куда они направляются.

— Ты прав, — сникла Эви. — Но как ты догадался, что я раскрыла его? Ведь ты спал и не слышал.

Дегар невесело усмехнулся.

— Ты назвала и мое имя. Чтобы спасти...

Имя демона. И мейджи сама отдала этот козырь в руки магистра Куина.

— Прости... — прошептала она.

Дегар кивнул, глядя на пламя.

— Но чем тебе навредит имя? Демона невозможно изгнать из тела человека, только усыпить на время. Иначе я бы и сама...

Дегар криво ухмыльнулся, будто говорил: «Спасибо за прямоту».

— Они могут узнать, кто я. Это плохо. Для моей миссии.

— Ну кто ты? Подумаешь! Даже я знаю. Ты командир вражеской армии. Принадлежишь к знатному роду, у демонов тоже, выходит, есть аристократы. Но твои родные отказались тебя выкупать...

— Им было запрещено.

— Кем?

— Мной. Я глава рода и запретил спасать мою жизнь. Миссия важнее.

— Ну... ты... даешь! — выдохнула Эви.

Такого она не ожидала. Вопросов стало еще больше, но Дегар не торопился давать на них ответы.

— Ты не просто командир и глава рода? — настороженно спросила она, надеясь, что получит больше информации, чем уже знала.

— Не просто.

Вот и как разговаривать с этим лягухом? Хотя эта беседа еще вышла длинной по сравнению с предыдущими! Эвелина несколько раз пыталась обсудить, как им добраться до острова. Не вплавь ведь, в самом деле. Сама Эви плавала как топор, и она могла ручаться, что демон, при его неприязни к воде, плавает немногим лучше. Дегар на все вопросы отвечал: «Я думаю над этим».

Думает он! Мыслитель!

— Так как же нам все-таки перебраться через... — сделала еще одну попытку мейджи.

— Я думаю над этим.

— Ага, ну да... Другого и не ждала!

Они замолчали. Эви сняла котелок, поставила остывать. Достала из мешка остатки хлеба и сыра: запасы таяли на глазах. Но к человеческому жилью выходить слишком опасно, придется идти на голодный желудок. Ничего, не привыкать

Дегар посмотрел на скудные припасы и, будто вспомнив о чем-то, протянул руку к огню. Его ладонь замерла в нескольких сантиметрах над языками пламени. На лице застыло напряжение.

— Больше никогда... — тихо сказал он, и Эвелине почудилась в его голосе тоска.

Невообразимая тоска, будто он скучал по самому дорогому, что у него есть.

— Ты боишься его теперь? — прошептала Эви. — После того, как тебя мучили. Жгли.

— Я не боюсь, — сдержанно ответил демон. — Я прощаюсь.

Озеро показалось на горизонте на пятый день пути — стальной полоской на стыке холмов и неба. Оно постепенно раздавалось вширь, и становилось понятно, что это не маленькое озерцо с тепловатой желтой водой, рогозом на берегах, илистым мелким дном. Озеро дышало прохладой, величественно несло свои свинцовые тяжелые воды, смущенные лишь легкой рябью. Берега, во всяком случае в том месте, где Эвелина и Дегар вышли к воде, круто обрывались, и куда ни глянь — не было ни тропки, ни ступеней, выдолбленных в песчанике, чтобы облегчить путникам спуск. Негостеприимное озеро, сразу понятно. Оно всем своим неприступным видом говорило: «Нечего вам здесь делать, проваливайтесь!»

Остров казался отсюда туманным миражом: то ли есть твердь посреди безграничной водной глади, то ли чудится.

Эви подошла к краю обрыва и осторожно выглянула. Берег козырьком нависал над озером, волны медленно подтачивали его, и когда-нибудь круча обрушится в воду. Эвелина поежилась и отошла, ей почудилось, что камни под ногами пошатнулись и это «когда-нибудь» наступит прямо сейчас.

Город Лор — столица Ферранда — располагался в нескольких часах пути дальше по берегу. Путешественники специально сделали крюк в сторону, чтобы выйти к озеру в пустынном месте.

Дело за малым — каким-то образом перебраться через озеро на остров...

— Безнадежно... — вздохнула Эвелина. — Если бы я была магистром Тули — ректором Академии, — а у него, по слухам, магический резерв в двадцать три единицы, я бы сделала нас невидимыми и перенесла по воздуху. Но всей моей магии не хватит на то...

— Нужен пологий берег, — невозмутимо оборвал Дегар тираду Эви.

Ну что за человек! Тьфу, демон! Лишь бы командовать. Будто сам он знает, что делать. Пологий берег, обрывистый берег — какая разница, ведь летать они еще не научились.

Эвелина хотела возмутиться, но, пока подбирала слова, Дегар ушел далеко вперед, осталось только догонять.

Через несколько минут пути обнаружился не то чтобы склон, однако в этом месте, если очень постараться и проявить чудеса балансировки, можно было спуститься к кромке воды, не переломав рук и ног. Из земли торчали чахлые корявые кустики — будет за что ухватиться. Правда, мейджи искренне не понимала, зачем тратить на это время.

— Я пойду первым, подстрахую.

— Обойдусь, — проворчала себе под нос Эви.

И, будто в насмешку над ее самоуверенностью, почти сразу из-под ее ноги вывернулся камень, с грохотом улетел вниз. Жилистый стебель, за который удалось ухватиться мейджи, больно врезался в ладонь. Эвелина сдавленно вскрикнула и забила ногами в воздухе, ища опору.

— Держу.

Дегар будто по волшебству оказался за ее спиной. И как успел? Одной рукой обхватил за талию, балансируя на узком выступе, на другую намотал несколько стеблей. Прижал Эви к стене, навалился всем своим немаленьким весом, так что мейджи и вздохнуть не могла — но это такие мелочи по сравнению с падением с десятиметровой высоты! Эвелина инстинктивно обхватила Дегара руками за шею, зажмурилась. Мир вокруг кружился и шатался, и сделалось непонятно, где небо, где земля, и, может быть, она до сих пор падает, падает... И вот-вот разобьется.

— Дыши, улиточка, — услышала она спокойный голос.

Как он всегда может быть таким спокойным? И сейчас, и тогда, под пытками... И когда стоял рядом с плахой. Совершенно некстати вспомнился темный взгляд демона за несколько секунд до смерти.

— Я держу. Не отпущу.

Эвелина судорожно кивнула. Очень трудно было открыть глаза — ей все казалось, что вот сейчас у Дегара закончатся силы: пусть она и хрупкая девушка, но все же не перышко.

— Не дам упасть, — сказал Дегар.

И она почему-то поверила. И как не поверить — демон оставался невозмутим, будто не висел над пропастью на волосок от гибели.

Эвелина вдохнула поглубже и отцепила одну руку, ухватилась за выступ. Дегар помог ей найти опору для ног и только тогда отпустил. Но продолжил спускаться рядом — Эви ощущала его размеренное дыхание и чувствовала, как ее покидает страх.

Не даст упасть. Эвелина слишком ценная штучка. Вот и хорошо...

Уже на земле, на неширокой полоске каменистого берега, Эви увидела, что стебли изрезали руку Дегара. Демон с любопытством рассматривал алые капли, которые срывались с ладони и сворачивались в пыли в темные шарики.

— Больно? — ахнула Эви. — Давай полечу!

Но Дегар покачал головой.

— Не трать магию, пригодится. — Уголок его губ дрогнул в знакомой едкой усмешке. — Не больше, чем отрубить голову.

— Фу, какой ты невозможный! Отвратительный чел... Демон!

Дегар вместо того, чтобы ожечь взглядом черных глаз, неожиданно рассмеялся. Жутковато звучал этот смех, надо сказать. То ли ворону душат, то ли по металлической бочке колотят. Эвелина вытаращилась на демона, но внезапно и сама расхохоталась. Демонский смех оказался заразительным.

Они стояли под кручей, на которую обратно при всем желании не вскарабкаются, и хохотали. И остров с цитаделью Виир вдруг перестал казаться таким уж недосягаемым, а миссия — невыполнимой.

— И что теперь? — спросила Эви.

Берег круто уходил вниз, и уже спустя несколько шагов прозрачная вода темнела: сразу понятно, что там глубина выше человеческого роста.

— Ты поторопился, Дегар... У нас еще нет плана, а теперь мы застряли здесь.

— Не застряли. Я подумал над этим.

Похоже, демон прекрасно знал, как нервировала Эви его любимая фразочка «Я думаю над этим», потому что его губы снова изогнулись в ухмылочке. Интересно, у демонов всегда такой ехидный юмор или этот демон особенный?

Но тут его взгляд затвердел. За те дни, что Эви провела рядом с Дегаром, она научилась считывать эмоции демона, хотя они очень скупо проступали на лице. Обычно это была невозмутимость. Часто —

любопытство или удивление, иногда сосредоточенность. Мелькали и усмешки. Но сейчас это было нечто иное...

— Ты что? — не поверила себе мейджи. — Ты боишься?

— Нет! — рявкнул Дегар, впервые потеряв самообладание и тем самым подтвердив догадку Эви.

А потом без предупреждения подхватил Эвелину на руки и кинул на глубину.

Эви забила руками, пытаясь удержаться на плаву. Вода заливала глаза и рот. Было очень страшно, но еще больше гадко от того, что стоило ей лишь немного расслабиться, как Дегар тут же и проявил свою ненавистную демонскую сущность. Тяжелое пальто мешало, тянуло вниз. И не так уж далеко от берега упала Эвелина, но ноги не чувствовали дна.

Эви тонула. А берег вон он — рукой подать. Четко видно каждый камешек. И мерзкую демонскую рожу. Как обычно — невозмутим. Только пусть не врет, что не боится воды! Боится. До жути. Больше, чем боялся занесенного над головой топора. Потому и ее швырнул — от досады, что отгадала. Как обидно — погибнуть вот так, в двух шагах от суши.

Дегар между тем зашел в озеро уже по колено. По пояс... Он направлялся к Эви. Неужели совесть заговорила?

Тут у мейджи закончились силы, и она пошла на дно. Забилась, сиюсь поднять голову и вдохнуть. Нельзя, нельзя сдаваться!

Но Эвелина устала бороться и набрала полные легкие воды...

...И поняла, что дышит так же свободно, как на земле. Чистейший, прохладный воздух! Но как, как?..

И тут же крепкие руки обхватили ее за талию, притянули. Совсем близко от себя Эви увидела лицо Дегара с расширенными зрачками. В первый миг Эвелина перепугалась, решив, что демон собрался ее окончательно притопить, но он нащупал руку Эви и вдохнул. Мейджи оторопев пялилась, как поднимается и опускается грудь Дегара под водой. Как же так? Что происходит?

Дегар вытаращил глаза, изображая испуг Эвелины. Что-что, а ее эмоции он всегда удачно копировал. Хмыкнул, отчего изо рта вырвалось и ускользнуло к поверхности несколько пузырьков воздуха. Где-то там, над головами, светило солнце, здесь же, внизу, холод покалывал кожу и было сумрачно.

Дегар протянул руку к шее Эви, та дернулась: непонятно, чего еще ждать от лягуха. Демон примирительно поднял ладонь и осторожно снова потянулся к вороту пальто. Приподнял цепочку, на которой сиял сапфир. Камень светился всеми гранями, излучая силу и разгоняя мглу.

«О-о...» — рот Эви беззвучно округлился.

Она все поняла.

«Двойка тебе, мейджи Соль! — мысленно отругала она себя. — Королевский артефактор с золотой печатью. Как можно было забыть о самом важном!»

Эвелину извиняло только то, что события ее жизни в последнее время развивались настолько стремительно, что голова кругом.

«*Сапфир Харамон. Позволяет дышать под водой*». Так сказал отец. Всего два коротких предложения, пока Эви приходила в себя от обрушившейся на нее ответственности. Конечно, она не запомнила.

А Дегар наверняка знал! Знал и молчал! Проклятый демонюка!

Эви изловчилась и ударила негодя по плечу. Под водой удар вышел смазанным, будто не ударила, а погладила. Вот и Дегар посмотрел с удивлением. Тьфу, пропасть!

«Идем!» — Эвелина указала подбородком вперед, в непроглядную толщу воды.

Хорошо, что Харамон светит, будто яркая звездочка. Интересно, как он отреагирует, если она вырвет руку и оставит Дегара одного в темноте? Будет знать, как хихикать!

Вместо этого Эви, вздохнув, крепче вцепилась в его пальцы. Лучше разделить на двоих эту долгую дорогу. Доругаются потом.

И пусть Дегар не думает, что он самый умный, Эви уже все придумала. И то, что нужно притвориться стажерами, и то, как дождь поможет скрыть их странное появление.

Великий Наставник пристально осмотрел бумагу, которую протянула ему Эвелина. Она не волновалась. Почти. Папа, когда учил ее создавать иллюзии, говорил так: «Не старайся сотворить идеальный морок, оставь простор для воображения, пусть каждый увидит в иллюзии что-то свое, тогда ему будет проще поверить». С документами проверить этот фокус было особенно сложно. Что увидит на листке, украшенном печатями, пожилой мужчина, нахмуривший брови?

Великий Наставник выглядел безобидно. Круглая лысая голова, мягкие щеки. Серый плащ, такой же, как у привратника, был оторочен белым кантом. Эвелина не обманывалась миролюбивым обликом. Знала она уже одного такого добряка! Магистр Куин тоже представлялся беззлобным и ничем не примечательным человеком, пока не оказался начальником отряда егермейстеров.

— Стажеры, значит... — Мужчина пожевал губами и, шурясь, прочитал с листа: — «Подателям сего оказать всяческое содействие в подготовке доклада об использовании силы стихий в боевой магии». Но не думайте, молодые люди, что я запущу вас дальше первого сектора! Знаем мы эти доклады, вам для галочки, а нам потом в хранилище порядок наводить! В прошлом году разрешил вашим, так они как саранча: свитки помяли, фолианты покидали.

Эвелина с готовностью кивнула. Лишь бы не прогнали, а уж они с Дегаром найдут способ разузнать, где хранится Олгун.

— Так-так, а вот этот пункт мне гораздо больше нравится: «Податели сего поступают в полное распоряжение Великого Наставника для выполнения мелких магических работ и прочих нужд цитадели...»

Эви с досадой выдохнула. Какой неожиданный и неприятный побочный эффект иллюзии! Великий Наставник действительно увидел то, что захотел, и теперь мейджи придется кроме поиска изумруда заняться еще поручениями хранителей. Причем в одиночку, потому что Дегар, хоть и числится стажером, магическими способностями не обладает.

— Конечно, — сказала она вслух.

А что ей оставалось?

Великий Наставник сложил бумагу, и Эвелина с облегчением убрала ее во внутренний карман. Как раз вовремя: еще немного — и документ развеялся бы прямо в руках хранителя.

— В цитадели существуют определенные правила.

Мужчина вытащил из ящика стола и протянул гостям две тонкие книжицы.

— Это устав Ордена Серых Хранителей. Все братья, а также все гости обязаны соблюдать правила неукоснительно. Караем строго.

Великий Наставник соединил кончики пальцев, будто собрался помолиться.

— Хотя наши сердца в этот момент переполняются скорбью! — пафосно закончил он.

У Эвелины едва не задергался глаз. Угораздило же попасть к фанатикам! Надо еще почитать, что там за правила. Адриан Соль как-то рассказывал дочери про один закрытый орден, так его членам было запрещено есть зеленые овощи, носить исподнее, а на заре следовало лежать головой на восток, взывая к солнцу. Тогда Эви хохотала, а теперь ей сделалось совсем не смешно. Она брезгливо взяла Устав.

— Сейчас вас проводят в ваши кельи. Работайте усердно!

Провожал их тот же привратник, что первым встретил у ворот. Тут же у дверей сгрудил на руки Дегара два свертка, при ближайшем рассмотрении оказавшихся потрепанными плащами. Тот, что поменьше, предназначался Эви — чистый, но с латками на локтях, явно с чужого плеча.

— Лицо прикрой, — проворчал хранитель и пояснил в ответ на недоумевающий взгляд гостыи: — Капюшончик, капюшончик на голову накинь! У нас здесь только братья, смущать их не следует. Уж сколько раз просили Магистерииум девушек-стажеров не присылать, все без толку. Ты загляни в устав!

Эви демонстративно скрестила руки на груди: прочтает потом, если захочет, и не надо ей указывать! Дегар, однако, развернул книжицу и скользнул по странице сосредоточенным взглядом. И этим неожиданно напомнил Райли. Но не взрослого Раулара, а малыша, который только-только учился читать. Они сидели с Эви за соседними столиками в просторном кабинете, и когда магистр Соль, который на

четыре часа в день превращался в строгого преподавателя, отворачивался, они придвигали парты ближе друг к другу, перебрасывались записочками и просто жеваными комочками бумаги, хихикали в кулаки. Адриан Соль откашливался, предупреждая, что сейчас кому-то влетит, но глаза оставались добрыми.

Эвелина с мстительным превосходством наблюдала за демоном. Пусть языку людей он обучился, да и грамоту знает, но человеческую книгу держит в руках впервые: на лице написано. Дегар заметил ехидство в глазах мейджи и решил дело просто — натянул капюшон ей на нос. Пока Эви отмахивалась, запутавшись в длинных рукавах, ушел вперед, вполголоса обсуждая с довольным провожатым устав ордена.

— А я и говорю, правила есть правила, — радостно поддакивал щедушный хранитель, подпрыгивающий воробьем рядом с высоким гостем: подсакивал, видно, чтобы до плеча достать и внушительнее выглядеть. — А вот и ваши комнатки. Не королевские апартаменты, конечно, но жить можно!

Эви не ждала роскошеств. За время путешествия она научилась с благодарностью принимать любые дары, посланные Пресветлой: клочок сухой земли у костра, горячую картошку с янтарным маслом, ясную погоду, утоптанную дорогу под ногами. Не ждала, а все-таки разочарованно вздохнула, заглянув за перекосившуюся скрипучую дверь.

У стены стоял сундук, накрытый грубой рогожей. У окна — столик с кувшином и миской. По комнатушке гулял сквозняк, из щелей дуло немилосердно.

— Вот, — развел руками провожатый. — Эта для девицы. Здесь потеплее будет.

Похлопал ладонью по сундуку.

— Здесь спать ложись, а вещи можно вовнутрь сложить. Кормимся в трапезной. Как ударит три раза колокол, так я за вами вечерять приду.

— Спасибо за заботу, — проямлила Эвелина

Она куталась в плащ и понимала, что никакие вещи в сундук не отправит. Наоборот, еще и в рогожку завернется поверх.

— А когда можно приниматься за работу? — робко спросила она.

Хотелось бы сегодня приступить к поиску артефакта, а для этого нужно, чтобы их проводили в хранилище и оставили наедине.

Провожатый понял ее по-своему.

— Так после ужина! Великий Наставник не сказал? Поручает вам отчистить кухню. С вашей магией это будет несложно, а у нас все руки не доходят.

— Но... У нас задание! От Магистериума!

— А ничего, — благодушно откликнулся хранитель. — Время есть! К нам ребята обычно на месяц, на два прибывают. Всё успевают. Наш Великий Наставник такой уж хозяин рачительный. И Магистериуму хорошо, и нам хорошо. А разве плохо? Место, посмотри, какое тихое. Тут и мозги очищаются! Как поспят ребята в келье недельку-другую, уж такие просветленные ходят!

Эвелина ясно представила несчастных стажеров, измученных недосыпом и поручениями, и вздрогнула. Оглянулась за поддержкой к Дегару — тот застыл безразличной каменной глыбой. Нет, от демона она сочувствия не дождется. Ему-то что, не он сейчас с помощью магии будет котлы отскребать. Да и от бессонницы страдать точно не станет.

— А удобства у нас в конце коридора. Как стемнеет, желательно бы свечку с собой брать, чтобы казуса какого не вышло. Грязновато там. Буду ходатайствовать Великому Наставнику, чтобы для помощи вас определил. Зато воды вчера натаскали как раз. Целая бочка — мойся не хочу!

— Теплая? — встрепенулась Эви, но тут же поникла, поняв, что сморозила глупость.

Прислужник увел за собой Дегара в соседнюю келью, мейджи, нахохлившись, взгромоздилась на покатый жесткий сундук. По келье гулял ветер, пах озерной сыростью. Тонкие стекла дребезжали в рамах. Впереди маячила перспектива очистки отхожего места. Эви хотелось плакать. Не раскисала она пока только потому, что одно дело они сделали — пробрались в неприступную цитадель, а это немало! Великий Наставник, хитрая лиса, своего не упустит — использует угодивших в его лапы юных магов по полной, но и в хранилище не имеет права не допустить. А там, глядишь, найдется упоминание артефакта или опись, или подвернется другой случай отыскать Олгун.

Эвелина достала из кармана устав — похоже, ее единственное чтение на сегодня, перевернула страницу, прочитала первые предложения, выведенные витиеватым почерком: «Премногие

добродетели исходят из послушания, почтения к старшим. Слушай и внимай, просьбы выполняй незамедлительно с улыбкой нежной на лице...»

Эви свело скулы от тоски, и она захлопнула книжицу.

«Зато скоро покормят! Горяченьким!» — напомнила она себе и с нетерпением стала ждать ударов колокола.

Когда хранитель привел Эви и Дегара в трапезную, за длинными столами уже расселись братья. Служителей цитадели оказалось меньше, чем рассчитывала увидеть Эвелина — не больше двух десятков человек. Сидели в тишине, некоторые надвинули на лбы капюшоны. Не ели, хотя перед каждым на столе стояла глиняная миска с похлебкой и лежал ломоть хлеба, — видно, ждали гостей. Мейджи приободрилась, вдохнув аппетитный мясной дух.

— Сюда, сюда, — засуетился провожатый, повел в дальний конец комнаты, где оставались места.

Складывалось впечатление, что раньше братьев было больше, иначе зачем столько пустующих столов? Или просто не вышли к ужину?

Эвелина присела на краешек скамьи рядом с каким-то длинноносым типом — только нос и торчал из складок серой материи. Этот нос повернулся к Эви и, как ей почудилось, недовольно поморщился.

— Поприветствуем наших новых стажеров, — раздался мягкий голос, такой доброжелательный и мирный, что разве что медом не сочился. — Пусть пребывание в стенах цитадели пойдет на пользу и нам, и этим молодым магам.

Закончив краткую напутственную речь, Великий Наставник кивнул, разрешая приступать к еде. На стажеров никто и не взглянул, братья таращились в тарелки. Либо стажеры в цитадели были делом привычным, либо хранителям по уставу не полагалось быть любопытными.

Эвелина тоже не отказалась бы приняться за похлебку, но никто не передал ей миску, только лежал сиротливо тоненький ломтик черного хлеба.

— Великий Наставник... — Она подняла руку.

Но Дегар не дал договорить. Сначала бесцеремонно натянул ей на голову капюшон, потом так стукнул ложкой по столу, что грохот

немедленно заглушил негромкий голос Эвелины. Тут даже самые стойкие и невозмутимые хранители не выдержали и уставились на наглеца.

— Это все, что нам предложат на ужин? — прямо спросил демон, поднимая кусок хлеба.

— А ведь я просил изучить устав, юноша, — ласково пожурил его начальник цитадели. — Времени было достаточно. Если бы вы меня послушали, то знали бы, что нарушили сейчас несколько важных правил. Во-первых, за столом имею право говорить только я. Во-вторых, в цитадели следует вести себя скромно, отвечать, когда я спрашиваю, внимания к себе не привлекать. И в-третьих — да, это весь ваш ужин. Каждый гость должен очиститься, прежде чем разделить трапезу с братьями: ничего кроме хлеба и воды до следующего вечера.

Эви с ужасом посмотрела на ломтик, который придется растянуть на сутки.

— И это еще не все, юноша. Стоит преподать вам урок смирения, — продолжил Великий Наставник. — Брат Менерв, окажите любезность, принесите кипятка.

Знакомый хранитель угодливо скользнул в кухоньку и вернулся с кружкой, обернутой тряпицей. Над ней курился пар. Эви с недоумением следила за происходящим: кипяток? зачем?

Брат Менерв опустил кружку на стол рядом с Дегаром.

— Это позволит тебе не забывать о том, что правила надо чтить, а рот лучше держать на замке, — мягко напутствовал Наставник, но глаза выдавали: этот человек привык к беспрекословному подчинению. — Выпьешь сам? Или попросить братьев тебе помочь?

Эви лишь сейчас поняла, к чему все идет. Дегар с легкостью раскидал бы этих хлюпиков, но тогда можно будет забыть об Олгуне — запихнут в ближайший телепорт до самого Магистериума. Вот магистр Куин обрадуется: не нужно никого искать, сбивать ноги, гоняясь по лесам и полям за демоном — сам пожаловал в темницу.

— Дегар...

А добавить нечего. И самое паскудное — Дегар прочитал проклятый устав. Потому и голову ей прикрыл, и внимание на себя перетянул. Потому что она хоть и мейджи с дипломом, но дура душой.

Демон передвинул к ней свой ломоть хлеба, хмыкнул: «Аппетит пропал» и большими глотками осушил кружку...

Замер, прислушиваясь к ощущениям. Уставился на Эвелину и все понял. Мейджи слабо улыбнулась — голова кружилась, как всегда, когда она вычерпывала резерв до дна. Слишком много магии сегодня израсходовала: то дождь, то документ, теперь вот выплеснула остаток, чтобы остудить кипяток.

Братья тоже с любопытством наблюдали за стажером. Еще бы, нечасто здесь выпадают развлечения! Особенно внимательно пялился Великий Наставник.

— Кипяток? — спросил Дегар. — Хм. Обычно я пью горячей.

Эви уронила голову на руки и затряслась от беззвучного смеха.

Что же, когда их в мгновение ока выдворили на кухню, сделалось не так смешно. Кухонька при трапезной заросла грязью: жир на дровяных плитах, кастрюлях и сковородах, на потолке следы копоти и паутина, между досками пола крошки и мусор.

Эвелина не считала себя белоручкой. По бытовой магии в дипломе стояло «Блестяще», а мейджи Поффи на словах добавила, что, если бы юную Эви Соль не ожидала должность королевского артефактора, она бы рекомендовала ее как отличного хозяйственника.

Эви могла бы сотворить крошечных подручных, которые заползли бы в каждую щель и отчистили каждый сантиметр кухни. Могла бы применить заклятие, которое соберет весь жир в один неприглядный и дурно пахнущий комок. Могла бы, в конце концов, просто наложить чары, которые продержатся до конца их пребывания в цитадели. Судя по катастрофическому состоянию кухни, и все предыдущие стажеры не утруждали себя уборкой, обходились мороком.

Могла бы... Если бы не растратила всю магию.

— Я рад, что у вас такое хорошее настроение, — ележным голосом пропел Великий Подлюка, про себя Эви решила называть Наставника только так. — Значит, вы быстро справитесь с работой и отправитесь спать.

— Вы хотите сказать, что мы не выйдем из кухни, пока не уберем здесь все? — оторопела мейджи, оглядывая фронт работ.

— Именно так! Умная девочка.

С этими словами начальник цитадели закрыл за собой дверь и запер на ключ. Донесся его приглушенный голос:

— Как будет готово — стучите, брат Менерв примет работу. Или не примет.

— Вы не имеете права! — Эви подскочила к окованной железом двери и забарабанила ладонями. — Мы будем жаловаться! В Магистериум!

Ответа не последовало. Да Эвелина и сама понимала, как жалко звучат ее угрозы. Наверняка у Магистериума с этим типом давний договор. Для того и присылают стажеров — мелкую разменную монету, в обмен на секретные документы и редкие книги.

— Скотина! — в сердцах выкрикнула Эви.

Обернулась. Дегар стоял посреди кухни, памятником самому себе. Похоже, он еще не понял, какое веселье им предстоит...

— У меня не осталось ни капли магии, — проворчала Эвелина, шмыгнув носом. — Мы здесь надолго застряли...

Дегар подошел к плите и указал на чан с кипятком. Рядом стоял ушат с холодной водой. На скамье в углу был свален ворох мятых тряпок, в жестяном тазу серел березовый щелок, во дворце Карнаэля горничные стирали им белье и даже мыли голову.

— Ты предлагаешь отчистить все вручную? — скривилась Эви.

На то, что отдраить этот хлев уйдет полночи. Эвелина даже не могла вспомнить, когда в последний раз делала что-то сама, без помощи магии.

— Что же! — с вызовом сказала мейджи, с ожесточением стянула с себя плащ и кинула под ноги: только на половую тряпку тот и годился. — И ладно! Думаешь, не справлюсь! Ха! Отойди с дороги! Не демонское это дело.

Какой из Дегара помощник? Он лишь топором махать горазд. Тот действительно отошел к скамье. Эви отвернулась, пряча злые слезы. Почему всегда она должна за всех отдуваться? За Райли, за Дегара! Завернула рукава по локоть и штанины до колен и отправилась разыскивать подходящее ведро, когда в грудь прилетел комок ветоши.

— Хм, я промахнулся, — сообщил демон.

Как показалось Эви, слегка сконфуженно.

— Ага! А метил куда? В голову?

Но она проглотила заготовленную колкость, когда увидела демона. Дегар снял рубашку, закатал брюки и смотрел на Эви, ожидая указаний.

— Показывай!

Сначала Дегар работал неуклюже, было видно, что прежде он не имел дела ни с водой, ни с тряпкой. Он был воином, а не слугой, и тем удивительнее, что не погнушался заняться уборкой.

«Хотя... Он пошел на смерть ради своей миссии, не испугался пыток. Так чего ему бояться грязи?»

Эви мыла плиту и посуду: гора копилась еще с обеда. Брезгливо сжав губы, мейджи отковыривала с тарелок присохшие крошки и капустные листья. Дегар драил пол. В его скупых размеренных движениях Эвелине чудилась решительность воина, идущего в сражение: надо — значит, надо. Но демон с лоскутом плаща, намотанным на швабру, смотрелся так потешно, что Эви нет-нет да улыбалась.

Постепенно накапливалась усталость, но и на кухне становилось чище. Эви мысленно ставила галочки напротив пунктов: «Отчистить плиту, котлы и сковороды — есть! Собрать грязь и вымыть полы — есть! Паутина...»

— Дегар, приподними-ка меня!

Эви вооружилась щеткой и ткнула пальцем в серые лохмотья в углу — их было столько, что хватило бы на целое паучье царство. Но, к счастью, паутина оказалась старой, пустой: даже пауки сбежали из этого негостеприимного места. А вот Эвелина сама сунулась в цитадель, так что винить теперь некого.

Демон подошел сзади, взял за талию и поднял Эвелину над головой. Эви сгребла пыль с потолка, с карниза — старалась успеть, пока у Дегара не закончились силы. Посмотрела на его крепкие руки — ничего, не дрожат. Все-таки хорошо, что Раулар не ленился и тренировался каждый день, стал таким сильным...

Райли... В какие-то мгновения, вот как сейчас, Эви забывала, что друга нет рядом, его место занял враг. Рядом с ней демон. Злодей, который похитил тело ее лучшего друга.

— Отпусти! — крикнула мейджи, в груди поднялась волна паники.

«Да как же это... Как я могла забыть! Улыбаюсь ему, жалею. Кипяток остудила! Зачем! Я должна его ненавидеть!»

Но ненависти не было. Может быть, потому, что у Дегара было лицо Райли?

Дегар послушался — поставил ее на пол и вернулся к своей работе. Ни один мускул не дрогнул на лице, как всегда, сосредоточенном и бесстрашном. Эви занялась стенами — попыталась соскребать застаревшие пятна, но дело не спорилось. Она почувствовала себя в ловушке: за спиной опасный хищник, и только вопрос времени, когда проснется его инстинкт убийцы. Что ему помешает сомкнуть руки у нее на шее, когда все пять артефактов окажутся в кармане? Эвелина гнала отчаянные мысли, но они не уходили.

Шаги Дегара замерли. Эви боялась повернуть голову, одеревенела. Что если Дегар решил избавиться от горе-помощницы? Ведь какая от мейджи польза? Пока — один вред.

Тяжелые руки легли на плечи. Эвелина зажмурилась. Она так беспомощна сейчас! Ни грамма магии не осталось, а физических сил и подавно не хватит. Дегар так резко развернул мейджи, что она, дернувшись, ударилась лопатками. Отступить некуда. Эви вжалась в стену, уперлась ладонями в грудь Дегара. Это жалкое сопротивление он сломит за мгновение! Но демон оставил в покое ее плечи и сказал:

— Посмотри на меня.

Пришлось посмотреть. Дегар возвышался над ней и внимательно разглядывал своими черными демонскими глазищами. Нет, ничего в нем не осталось от Райли. И взгляд другой, и осанка, и наклон головы. За время дороги Дегар научился бриться ножом, и на щеках темнели следы его первых неудачных опытов — порезы уже подживали, но делали лицо Раулара взрослее. Чужой человек. Страшный. Убийца и враг.

— Зачем ты меня боишься?

— С чего бы мне тебя бояться? — храбрясь, ответила Эви, но голос выдал — дрогнул.

Дегар отошел на другой конец кухни, присел на столик, скрипнувший под его весом. Долго молчал, зачем-то разглядывая свои руки. Потом заговорил о другом.

— Я не знал, что быть человеком — это чувствовать столько всего. — Он провел пальцем по ладони. — Такая тонкая кожа, как...

Он огляделся, увидел капустный лист и указал на него.

— Как листок.

— Какое романтическое сравнение, — съязвила Эви: Дегар больше не возвышался скалой, и к мейджи вернулось самообладание. — Как раз в духе демона.

Дегар возвратил ухмылку, изогнул бровь. Эвелина отметила, что он быстро учится выражению человеческих эмоций, сейчас от человека не отличить. Вот только мимика была совсем не такой, как у Райли.

— Как крылья бабочки, — сказал он.

Эви оторопела. Не ожидала она от грубого создания такого поэтичного сравнения.

— Так легко ранить, изломать, уничтожить... — Дегар опустил взгляд на свои руки. — Я слаб. Так слаб.

Ясно, снова печалится о своем могучем теле. Эвелина часто слышала рассказы о том, как нелегко уничтожить демонов. Мало того что они сильны, как десять обычных воинов, так еще и раны затягиваются мгновенно, а кровь, если можно так назвать черную субстанцию, тут же сворачивается. Они продолжали сражаться, исколотые мечами, с торчащими из спины стрелами... Отец как-то оговорился в разговоре с Райли: «Однажды человечество проиграет, у нас нет шансов против них. Пока мы их численно превосходим. Но это пока».

— Бедненький, — позлорадствовала мейджи.

Но Дегар думал о своем и не уловил иронии.

— Я чувствую то, чего не чувствовал раньше. Прикосновение травы. Вкус пищи. Боль. Ветер на лице. Холод и жар. Это... — Он сжал скулы.

— Пугает, — тихо подсказала Эвелина.

Почему-то больше не хотелось острить. Враг он или нет, но привычный мир Дегара рухнул, перевернулся с ног на голову, а он вел себя более чем достойно.

«Да как же он решился на это? — в который раз за последние дни подумала Эви. — Осознанно пойти на смерть. Выбрать такую участь...»

— А еще я удивлен, — неожиданно добавил он. — Как вы выживаете? Как решаетесь покорять новые земли? Или идете в бой, обреченные на смерть? Я стал больше уважать людей.

Дегар поднял взгляд на мейджи.

— И я знаю одного маленького человека, совсем слабого, легкого, точно облачко. Его можно убить одним пальцем. Но внутри человека бьется пламя. Я узнаю тот же огонь, что живет в сердцах сынов Джалгарра.

Эвелина даже не сразу поняла, что он говорит о ней, а когда догадалась, часто заморгала.

— Я?

— В тебе есть то, за что я ценю своих братьев и сестер. Верность слову. Бесстрашие. Упорство на пути к цели.

Дегар вдруг стремительно приблизился к ней, так что Эвелина снова вмялась в стену, а демон осторожно тронул прядь волос, коснулся щеки.

— Но ты слишком маленький огонь. Росток, который нужно закрыть от ветра и дождя. Я много раз разжигал костры и знаю, как уязвимы эти маленькие лепестки. Я не дам тебе погаснуть.

— Почему? — пролепетала Эви.

Она совершенно растерялась от этого разговора. Вот так новости — она костерок, который надо оберегать от ветра и дождя. Ожидала услышать древнюю легенду сынов Джалгарра, или пророчество, или... да что угодно, кроме того, что слышала.

Демон пожал плечами — жест получился совершенно человеческим — и сказал:

— Не знаю.

С уборкой управились далеко за полночь. Идеально, конечно, не вышло, но на оставшиеся огрехи Эви наложила легкий флер — магия по капле возвращалась к уставшей мейджи, — так что сковороды и котлы засверкали, в воздухе разлился аромат свежести, а окно, отмыть которое не дошли руки, прикрыла тонкая занавеска.

Брат Менерв успел задремать с другой стороны двери и потому на зов откликнулся не сразу, долго охал и гремел ключами, в конце концов открыл, посмотрел строго, но тут же разулыбался.

— Вот и молодцы, ребятки. Идите отдыхать.

Потом спохватился и закричал вслед:

— А плащи-то! Где плащи?!

— А плащи ваши так просветлением пропитались, что пришлось из них магию выжимать! — зевая, откликнулась Эви.

Брат Менерв крякнул, но так как в магической науке мало что понимал, молча притащил в кельи стажеров другие плащи, на этот раз крепкие, новые, без единой заплатки.

— Эти еще не успели просветлением пропитаться, — буркнул он.

Дегар, прежде чем уйти к себе, задержал Эви и вытащил из кармана изрядно помятый устав.

— Что опять не так? — опасливо уточнила мейджи. — Надо спать носом на запад? На ночь надевать носки на голову?

— После наступления полуночи дверь запереть на ключ и келью не покидать, — ответил Дегар.

— Интересно, а если покину? Они за каждым поворотом поставят по хранителю с колотушкой в руке? — разозлилась Эви, но вспомнила злополучный кипяток и устыдилась. — Ладно, ладно...

Эвелина свернулась калачиком на жесткой крышке сундука. Хотела поразмыслить над откровениями Дегара, но мысли превратились в огненных бабочек, порхающих на фоне черного неба. Такого же черного, как глаза демона. Это было и пугающе, и красиво.

Провалилась в сон ненадолго — очнулась в крошечной тьме, не разглядеть даже рук, поднесенных к лицу. И поняла, что организм настоятельно требует посетить местечко, куда брат Менерв не

советовал отправляться без света. Свечу Эви заприметила еще днем, на подоконнике. Нашла на ощупь, запалила простеньким заклинанием. С радостью отметила, что магии набралось уже пять единиц, пригодится, если завтра Великий Подлюка придумает для стажеров новое развлечение.

Сразу стало светлее, по стенам поползли длинные тени. Сонная Эви вышла в коридор и только тогда вспомнила, о чем было написано в уставе. До заветного местечка два десятка шагов — неужели не проскользнет незамеченной? Да и кому нужно следить за стажерами, все хранители давно спят, и брат Менерв, приставленный не столько помощником, сколько шпионом, тоже.

Эвелина быстро пошла по пустому гулкому коридору, мысленно кляня Великого Подлюку и странные порядки цитадели.

Добралась до развилки и едва не воткнулась носом в грудь вынырнувшего из-за угла. Плащ болтался на тощей фигуре хранителя, как на вешалке, капюшон полностью закрывал лицо. Эви и незнакомец замерли друг напротив друга.

— Ой, простите! — Эвелина улыбнулась: только и оставалось, что изображать из себя наивную девицу. — Я иногда во сне хожу. Я уже возвращаюсь!

— Х-х-х... — прохрипел хранитель и осторожно, даже нежно взял Эви за ворот.

А потом зачем-то потянул ее к черному зеву капюшона, под которым было не разглядеть лица. Из-под него пахнуло затхлым, как пахнет в заброшенных подвалах, на стенах которых разрослась плесень. Эвелина удивленно дернулась, сначала мягко — а то еще обвинят, что вывихнула брату руку, — потом, когда хватка сделалась крепче, сильнее.

— Х-х-х, — повторил хранитель, и уха Эвелины коснулись мокрые холодные губы.

Невидимый рот раззявился... Тело Эви отреагировало быстрее разума, пальцы сложились в «козу», на сумасшедшего хранителя обрушился магический удар.

«Совсем они здесь ополоумели! — мелькнуло в голове. — Сборище безумцев!»

Хранитель отлетел, шлепнулся на мягкое место, которое у этого брата было скорее костлявое, но сознания не потерял — принялся

медленно вставать на ноги, ни на секунду не прекращая своего заунывного «Х-х-х...» Эви оторопела. Арканом Улмер она гордилась по праву, сумела вырубить им самого магистра Куина. Что пошло не так?

— Х-х-х! — зашипел безумец, как показалось перепуганной мейджи, торжествующе.

Запаниковав, она не придумала ничего лучше, как снова ударить боевым арканом. И снова без толку. Может, это и не хранитель вовсе? Да только размышлять было некогда, потому что существо в сером плаще опять перешло в атаку.

Дегар-то небось дрыхнет в келье. Лежит бревном. Чертов законопослушный вояка, ведь для него устав все равно что приказ, а помощь бы сейчас не помешала!

Хранитель стремительно метнулся к мейджи, вытянув руки. Эвелина поняла, что остался «последний трюк», как называл бегство от неприятеля остряк магистр Лавер. Она опрометью кинулась обратно в келью, но убежала недалеко — ее сбили с ног, рванув за полу плаща. Эви упала ничком, хорошо хоть не расшиблась, успела подставить руки. Позвонки хрустнули, когда жуткий тип взгромоздился сверху.

Но неожиданно привычное «Х-х-х...» сменилось удушливыми хрипами. Кто-то с силой оторвал от Эви хранителя, и она поспешила перевернуться на спину.

— Дегар!

Тощее тело в серых лохмотьях бултыхалось в хватке демона, будто клочок тумана. Дегар крепко держал его за шею и тащил в сторону своей комнаты.

— Дегар?

Эви резво вскочила, мимолетно отметив, что все кости вроде бы уцелели в схватке, и бросилась следом. Странно, демон явно появился из-за спины, то есть с другой стороны коридора. Где это он бродил ночью?

Дегар закинул трепыхающегося хранителя в дверной проем, подождал, пока следом проскользнет Эвелина, и запер дверь на ключ.

Обезумевший хранитель ворочался на полу, правда, уже молча.

— Ты его так тряс... Я думала, ты ему шею ломаешь!

— Я и сломал, — невозмутимо признался Дегар. — Не знал, что люди после такого выживают.

— И я... не знала... — пролепетала Эвелина.

— Отойди.

Дегар перевернул создание — в том, что это человек, Эви уже сильно сомневалась, — и откинул капюшон. Мейджи запылила свечу, которую продолжала судорожно сжимать в руке, присела на корточки и вскрикнула.

За время учебы она несколько раз видела, как студенты отделения некромантии поднимали и упокаивали мертвых. В некроманты шли либо сильные духом, либо совершенно лишенные сострадания юноши. Девушек на факультет не брали не только потому, что девицы обычно не выдерживали мрачной обстановки подземелий, где располагались учебные аудитории. И не потому, что женщины — эфемерные существа, созданные лишь для того, чтобы порхать. История магии знала мейджи, которые своей отвагой решали исход боя, очень часто ценой своей жизни. Все объяснялось проще: восставшие по неведомой причине не слушались женщин. Мейджи могли их уничтожить, но не подчинить.

Эви в некроманты не рвалась, поэтому не расстраивалась. Мертвяки, даже свежие, всегда выглядели премерзко. Бесцветные глаза, выбеленная кожа... Хотя и тварь, которую Дегар сейчас придавил к полу, красавчиком было не назвать. Просто она выглядела иначе. Ссохшаяся, точно мумия, а кожа темно-зеленого цвета.

— Что это? — непрофессионально пискнула Эви.

— Ты мне скажи, колдунья.

— Я думаю... — Пришлось взять себя в руки. — Возможно, это что-то вроде стража. Умерший и поднятый брат, который охраняет цитадель по ночам. Кстати, что ты делал в коридоре? Не ты ли мне сказал, что выходить запрещено?

Дегар хмыкнул.

— Некоторые правила следует нарушать, особенно такие подозрительные. Я вышел на разведку. Сколько нужно магии, чтобы оживить человека и сделать стража?

— Одноразово — примерно четыре единицы. Но можно и с помощью амулета...

Эви тут же проверила существо на наличие артефактов, но ничего не обнаружила.

— Странно... Тогда в цитадели всегда должен присутствовать сильный маг и поддерживать заклятие.

— А если я тебе скажу, что таких стражей не один и не два, а больше десятка? Я исследовал цитадель — они повсюду.

— Что?! — Эви вытаращила глаза. — Ты шутишь? Это невозможно! Один маг сможет поддерживать жизнь в десятке тел час-два, не больше. Здесь нужен отряд некромантов, как на войне. Но зачем?

— Зачем — это хороший вопрос. Но еще лучший вопрос — как.

С этими словами Дегар поднялся, схватил существо за шиворот и подтащил к окну. Распахнул створки, в мгновение ока перевалил тварь через подоконник, и та беззвучно сгнула в черноте. Эви бросилась следом, но успела увидеть только, как серая тень разбила глянцевую поверхность озера. Впрочем, тяжелые воды тут же сомкнулись и успокоились.

— Ой... — сказала Эвелина.

На следующий день стажеров наконец-то допустили в хранилище. Первый сектор находился на верхнем, пятом, этаже цитадели. Благодаря окнам во всю высоту стены в помещении было солнечно: свет, отраженный от поверхности озера, заполнял обширные залы, искрился на золотых тиснениях переплетов, играл пылинками. Уж чего-чего, а пыли здесь хватало. Эви даже расчихалась с непривычки и мысленно взмолилась о том, чтобы Великий Подлюка не заставил их генералить, протирая книжные полки.

Для начала Эвелина и Дегар сделали круг почета по залам, разглядывая стеллажи, забитые фолиантами, свитками, пергаменатами, встречались даже глиняные таблички с нанесенными на них древними письменами.

Если бы Эви располагала временем, то не пожалела бы сил, исследуя это богатство. Король Бальтазар Драглен, правитель Ферранда, вел себя как жадная скотина. Запер ценные знания в цитадели, приставил к ним людей без дара, чтобы сами они не могли ими воспользоваться, и выдает информацию Магистериуму по крохе в обмен на золото или магические услуги. У мейджи прямо ладошки зачесались, так захотелось заглянуть в тайны, хранящиеся здесь веками, хотя бы одним глазком.

— Здесь нам делать нечего, — заявил вдруг демон, до этого молчаливо взиравший на книги.

— Почему? — опешила Эвелина.

— Если в первый сектор без опасения и присмотра пускают стажеров, значит, здесь нет ничего важного, — спокойно объяснил Дегар. — И вчера ночью мертвецы не разгуливали только по коридорам пятого этажа.

Эви передернуло от отвращения, когда она вспомнила сморщенное зеленое лицо и бессмысленный взгляд. Все утро она волновалась, что Великий Подлюка заметит пропажу одного из стражей, но за завтраком все прошло мирно. Их даже сдержанно похвалили за магическое мастерство и порядок, наведенный на кухне.

«Мастерство, ага!» — думала Эвелина, догрызая корочку вчерашнего хлеба и разглядывая свежую мозоль на пальце.

Одно из двух: либо стражей не пересчитывали, либо исчезновение никак не связали со стажерами.

— В цитадели пять этажей. Вероятно, самое ценное хранят на самом нижнем. Там нет окон, и его охраняют лучше всего, — продолжал Дегар.

— И нам туда ни за что не прорваться, — мрачно подытожила Эви. — Ночью там кишмя кишат мертвяки, а днем нас туда не пустят.

Дегар на это ничего не ответил, нырнул между стеллажей и — Эвелина глазом не успела моргнуть — сорвал гобелен. Обнажились серые стены с пятнами влаги и зеленым налетом плесени. И это наверху еще было относительно сухо!

— И зачем ты это сделал? — прошипела Эви, оглядываясь, не идут ли хранители.

— Можешь вернуть, как было? — Дегар будто не услышал вопроса, вид у него был сосредоточенный.

— Могу! Только... Эй! Ты опять!

Эвелина не успела прикрепить магией сорванный гобелен, как демон с хрустом отодрал следующий. Вандал!

— Прекрати!

Мейджи повисла на руке Дегара, протянутой к последнему на этой стене полотнищу, но это было все равно что пытаться остановить катящийся с горы камень. Демон словно и не заметил болтающуюся у него на предплечье Эви — гобелен пыльной тряпкой рухнул на пол.

— Ты!..

Эвелина проглотила слово «дикарь», да и вообще на время позабыла все слова — под сорванным гобеленом обнаружилась металлическая дверь. Следы ржавчины и вездесущей плесени говорили о том, что этим выходом хранители давно не пользовались, возможно, даже забыли про него.

— Откуда ты узнал? — пристыженно спросила Эви.

— Цитадель Виир построена по образцу крепости Ноор, — бесстрастно сказал Дегар и добавил: — Мы захватили ее прошлым летом.

Эви заморгала, не сразу сообразив, о чем речь, а когда поняла — побледнела. Крепость Ноор стояла на границе королевства Ферранд и

расползающейся во все стороны Парши — Ашхатара. В прошлом году отряд демонов занял ее и сделал своим форпостом. Погибло много людей...

Дегар не заметил, что Эви притихла, продолжил объяснять:

— Я сам исследовал ее и составил план. В толще стен скрывался тайный ход, чтобы защитники крепости могли спастись. Он ведет в подвал, а потом через подземный ход наружу.

— Спаслись?.. — прошептала Эви.

Дегар сузил глаза, не сразу догадавшись, о чем вопрос. Качнул головой:

— Нет.

Коротко и ясно. И никакого раскаяния на лице. У мейджи мороз пробежал по коже, когда она вспомнила, кто рядом с ней.

— Сможешь открыть? — демон снова перешел к делу.

Времени на то, чтобы спуститься и исследовать пятый сектор, немного — три часа до того, как колокол пригласит на обед. После трапезы Великий Подлюка придумает для стажеров новое дело. Нельзя терять даром драгоценные минуты. Эви ничего не ответила: после откровений Дегара пропало всякое желание разговаривать, молча положила ладони на замок. Оплела магией заржавевший язычок, дернула изо всех сил. Металлическая дверь отозвалась гулом и просела на пару сантиметров, повиснув на трухлявых петлях. Главное, чтобы хранители не прибежали на звук!

Но дело было сделано. Гобелен вернулся на место, Эви скользнула в прохладную темноту, и Дегар, придерживая тяжелую дверь, осторожно притворил ее за собой.

В толще стен скрывалась винтовая лестница. В тесном закрытом пространстве было душно, сверху сочилась и капала вода, каменные ступени и стены покрывала слизь. Эви сотворила огненный шар. Она сэкономила магический резерв, и светлячок получился крошечным, едва разгонял темноту.

— Сразу вниз? — уточнила она.

— Да.

На каждом этаже располагались такие же заброшенные двери. Если вести себя осторожно и не наглеть, можно постепенно исследовать все хранилище — если Олгун в цитадели, он обязательно найдется.

Дверь в пятый сектор полностью затянула плесень. Ее изумрудный оттенок даже показался Эви красивым. Она никогда не видела такой яркой плесени и немного полюбовалась ею, пока Дегар оттирал поверхность, освобождая замок. Эви положила ладонь, но тут же отдернула: ей почудилось, будто плесень ее обожгла. Нет, конечно, это холод металла щипал кожу.

Через секунду они вошли в хранилище.

— Ого... — выдохнула Эвелина.

Дегар ничего не сказал, но сжал кулаки и челюсти. Он был начеку. Ему не нравилось то, что они увидели.

В залах закрытого сектора не было ни стеллажей, ни книг, ни окон. Все стены покрывал слой светящейся зелени. На подставках, накрытые стеклянными колпаками, лежали предметы. Эви протерла запотевшее стекло и ахнула.

— Это... Это ведь легендарный Глаз Ворона! — благоговейным шепотом произнесла она.

В углублении лежал черный круглый камень, на вид ничем не примечательный. Дегар взглянул и отошел, не впечатлившись. А Эви будто воочию увидела перед собой открытый учебник истории магии и мейджи Таллию, которая поднимала над головой знаменитый артефакт. Из Глаза бил темный луч, сражающий полчища врагов. Мощное оружие. Только одно в нем плохо — Глаз Ворона питался жизненной силой мага. Мейджи Таллия состарилась на десятки лет за пару минут и умерла глубокой старухой. Ей было двадцать, и она только-только окончила академию... Артефакт считался утраченным, а он, оказывается, все это время хранился в цитадели.

Эвелина будто замороженная переходила от подставки к подставке, не веря своим глазам. Некоторые предметы были знакомы ей по учебникам, другие она видела впервые. В воздухе вибрировала мощная затаенная сила. Артефакты зывали к ней. Эвелине чудились неразборчивые голоса, которые бормотали на все лады: «Возьми меня. Забери меня с собой».

Не осознавая, что творит, мейджи приподняла колпак и... едва успела убрать пальцы: Дегар заметил ее маневр и тут же припечатал купол к подставке.

— Нет. Нельзя. Ищи Олгун.

Пришлось согласиться. Они с Дегаром разбрелись в разные стороны зала, вглядываясь в предметы. Вероятно, Олгун будет несложно узнать по огранке. В крайнем случае заберут все изумруды, которые найдут.

Они так увлеклись поисками, что не заметили, как пролетели три часа. Будто издалека раздались приглушенные удары колокола — сигнал к обеду. А им еще бежать вверх по скользким ступеням!

«Вот только взгляну еще на один артефакт... — мысленно бормотала Эви, полностью лишенная воли: артефакты влекли ее, молили забрать с собой. — И вот под тот купол загляну... Я быстро...»

Но заглянуть не удалось: Дегар перехватил по пути, потащил к выходу.

— Не сейчас. Вернемся завтра.

Однако зов был так силен, что первые секунды Эвелина вырывалась и брыкалась. Лишь когда демон с ней на руках преодолел пару лестничных пролетов, наваждение схлынуло.

— Все... все... Отпусти. Дальше я сама.

Они ворвались в хранилище и рухнули на пол, запутавшись в гобелене. Мейджи едва успела вернуть его на место, когда раздался скрипучий голос брата Менерва:

— Ребятки, обедать. Я вам ломтики потолка отрезал. А Великий Наставник дозволил ушицы плеснуть. Полакомитесь!

Эвелина предполагала, что ушицей их собрались кормить не за красивые глаза и даже не в благодарность за отмытую кухню — Великий Подлюка приготовил для стажеров новое задание.

— Силы вам пригодятся. — Мужчина растянул губы в подобии ласковой улыбки, ну просто добрый дедушка, наставляющий внучат. — Я в этом не слишком сведущ, но магичить всяко лучше на сытый желудок.

С этим Эвелина была полностью согласна и, пока начальник цитадели не передумал, уплетала наваристую рыбную похлебку за обе щеки. А то с него станется — решит, что взгляд у мейджи вызывающий. Или дышит она слишком шумно, небось надерзить хочет. Да при желании какую угодно крамолу можно разглядеть! Эви и так подрастратила резерв сегодня утром, надо восстановить. Вовсе не хотелось снова полночи скакать с тряпкой в руках.

— Итак.

Великий Наставник дождался, пока трапезную покинут братья, сел напротив, увесисто опустил ладони на столешницу, сурово уставился на Дегара, но встретив прямой взгляд, стушевался и предпочел смотреть на Эвелину.

— Дело несложное, скорее скучное и требует усидчивости. Цитадель ведет переписку с Магистериумом и с Его Величеством королем Бальтазаром. Каждый лист под счет — грандмагистр лично присылает и велит отчитываться. Потом начинается катавасия: то пересчитайте свитки, то найдите рецепт противочумной сыворотки. А мы что, мы ничего. Мы скромные хранители знаний, библиотекари, можно сказать. Наш Ясноликий тоже не отстает в пожеланиях. Давеча вот требовал составить опись книг, где рассказывается о появлении демонов в нашем мире. Так эта опись на пяти листах вышла. Но ведь не откажешь королю!

Эви внимательно слушала и пока совершенно не понимала, к чему весь этот разговор. Доброжелательному тону она больше не доверяла, но вежливо кивала. Речь шла, видимо, о переписке с помощью магической почты. На обычные бумажные листы накладывались стойкие чары, и если написать на таком листе послание, сложить из него голубка и произнести вслух имя получателя, то письмо само себя доставит прямым в руки адресата. Но при чем здесь они?

— У нас скопилась гора писем, если точнее — два мешка, а чистых листов не больше десятка.

Тут до Эвелины дошло.

— Вы хотите, чтобы мы очистили старые письма?

— Да, девочка. Очистили, разглядели и стопочкой сложили. — Взгляд Великого Подлюки вдруг сделался цепким. — Кому другому бы не доверил, но вы вроде как свои, из Магистериума. Я понимаю, что с завязанными глазами вы работать не сможете, но все же настоятельно советую тут же забывать все, что увидите.

Он подался вперед и резко придавил руку Эвелины к столу, она и дернуться не успела. Доброжелательная маска медленно сползла с его лица.

— И помните о том, что молчание — главная добродетель, — процедил он.

Дегар приподнялся и водрузил свою немаленькую лапищу на плечо Великого Наставника, так что тот покривился и даже

перекосился на один бок.

— Помним, — проникновенно сказал «стажер». — Не забудем.

И почтительно улыбнулся, вот только начальник цитадели от этой услужливой улыбки побледнел и принялся вертеть головой в поисках поддержки. Но Дегар уже выпустил плечо, и Великий Подлюка вспомнил, что вообще-то он здесь главный.

— Вас проводят, — буркнул он.

В провозатые вызвался брат Менерв — кто бы сомневался!

— Мы вас закроем, — объяснял он на ходу. — А вечером, как все будет готово, постучитесь.

Комнатушку для работы выделили крошечную — стол с двумя стульями и, как было обещано, два мешка с шуршащей бумажной начинкой. Очищать магические листы от чернил было несложно, с этой задачей справился бы даже первокурсник. Провинившихся студентов частенько оставляли в аудиториях именно для этой цели. В Академии все настолько привыкли к простому и доступному способу связи, что преподаватели порой ленились дойти до соседнего кабинета и отправляли голубка.

Отбелить лист — пара пустяков: высохшие чернила превратить в жидкие да стряхнуть. Но Эвелина никогда не любила муторную и однообразную работу.

— Будешь подавать, — велела она Дегару. — Начнем с переписки с Его Величеством.

— Просматривай письма, — посоветовал он. — Ищи упоминания об артефактах, обо всем, что может пригодиться.

— О демонах ничего не скажу! — Эви с облегчением вспомнила, что демону тяжело разбирать послания на чужом языке. — Шпионить на вас не буду!

— Я об этом и не прошу.

— И не подглядывай!

— Обещаю.

— Отлично... — буркнула Эви, снова некстати вспомнив о захваченной крепости Ноор и погибших защитниках.

Работали молча. Дегар вынимал из мешка очередное послание и передавал его Эвелине, она бегло просматривала, надеясь увидеть знакомые названия. Вероятность этого была чрезвычайно мала, но такую возможность все-таки нельзя было упускать. Пока из скупых

строчек писем-приказов стало ясно, что король отнюдь не глуп и хорошо осведомлен в магии, причем не на любительском уровне. Эвелина была рада, что предупредила Дегара о том, что о демонах умолчит, потому что все письма короля Ферранда так или иначе были связаны с «рогатыми исчадиями», как он их называл. С другой стороны, о чем еще должен думать дальновидный правитель государства, как не о благе своих подданных? Вот и изучает, с какой стороны подобраться к демонам, какими способами их победить. Если бы Райли так пекся о будущем королевства!

Боль от разлуки с балбесиной остро кольнула сердце. Эви покосилась на Дегара, чтобы напомнить себе, что вот он, Раулар, живой и рядом. Просто спит. Демон расценил этот короткий взгляд по-своему.

— Они были воинами.

Эвелина приподняла брови.

— Ты молчишь с тех пор, как я рассказал о крепости Ноор. Защитники крепости знали, что их ждет, и были готовы к смерти.

«Никто не готов к смерти!»

Но слова так и остались произнесенными. Дегар верил в то, что говорил. Он-то к смерти был готов...

— Неважно. — Эви тряхнула головой, отгоняя навязчивый образ: демон, покрытый рубцами, закованный в кандалы, стоит у плахи и смотрит вверх. — Давай работать.

Еще час они трудились в тишине и почти опустошили мешок посланий от Величества. Дегар, следуя своему вывернутому наизнанку демонскому мировоззрению, даже не пытался заглянуть в написанное. Эви непременно бы исхитрилась, несмотря на обещание. Странные они все-таки — сыны Джалгарра...

Дегар разгладил и положил на стол перед Эвелиной очередной лист. Почесал ладонь, причем не первый раз, но когда Эви хотела посмотреть, что за зуд напал на демона, сжал кулак.

— Что там у тебя?

— Ничего.

Заговорил о другом:

— Как часто сюда присылают стажеров?

Эви пожала плечами.

— Судя по тому, что в цитадели всегда нужны помощники для мелкой магической работы, довольно часто. Скорее всего, старых меняют на новых... Повезло, что мы не застали в цитадели наших предшественников! Это бы выглядело подозрительно.

Эвелина потерла слезящиеся глаза, ровные строчки — король Ферранда писал аккуратно, точно по линейке, — напоздали друг на друга. Какой смысл тратить время на бесполезное чтение, не легче ли одним махом очистить все листы?

Но следующее же письмо заставило ее вздрогнуть и придержать чары, растворяющие чернила. «Померещилось!» — была первая мысль, но когда Эви стала перечитывать, она покрылась испариной от ужаса, что едва не уничтожила послание.

— Слушай! — воскликнула она, покосилась на дверь и добавила шепотом: — Этого просто не может быть!

Письмо Дегару не отдала, зачитала вслух: «Повелеваю найти в хранилище любые сведения, касаемые артефакта, именуемого Ленар, и незамедлительно отправить магической почтой. Хорошо ли охраняется Олгун? Действует ли защита, наложенная мной на хранилище?»

Эви охватило нервное возбуждение.

— Ленар! Тот самый! После разделения артефактов агат должен был остаться в Коргестане. Неужели король Бальтазар сумел добыть его? Этот может! Он, как сорока, тащит все, что блестит! Пополняет свою магическую коллекцию. Но в цитадель камень пока не доставили.

— Пополняет магическую коллекцию, — медленно повторил демон. — Или же, как мы, собирает древние артефакты.

— Это плохо...

— Это еще не плохо, — Дегар сделал ударение на первом слове. — Что ты думаешь о защите, наложенной на хранилище?

— Не знаю... Мы проникли без труда, выходит, не такая уж надежная эта защита.

Дегар раскрыл ладонь. У основания большого пальца зеленело пятно, такое же яркое, как плесень на двери пятого сектора, а вот кожа вокруг него потемнела и сморщилась, стала такого же цвета, как лицо недавнего знакомого — жуткого живого мертвеца.

— Или эта защита с отложенным действием, — поправил ее демон, не меняя обычного невозмутимого выражения лица.

— О Пресветлая!

Эвелина вскочила, опрокинув стул. От ужаса было трудно дышать, Эви оттянула воротник, сжимающий горло, и тут же опасливо отвела руку от шеи и заставила себя посмотреть на ладонь.

— О нет, нет, нет!

На коже светилось крошечное зеленое пятнышко, размером с булавочную головку, а не с серебряную монету, как у Дегара. Однако не стоило обманываться — это была та же зачарованная плесень. Сколько времени нужно, чтобы она разрослась? И что будет, когда она доберется до мозга?

«Известно что! Ты станешь очередным стражем, Эвичка!» — ехидно сообщила мейджи сама себе.

Но, может быть, еще не все потеряно?

— Дай мне руку! — Она ухватила Дегара за пальцы, зажмурилась, направляя на чужеродную субстанцию лечебную магию, но никаких изменений не заметила. — Да что же это!

— Это значит, что защиту устанавливал сильный маг. Король Ферранда сильный маг?

— Король? Маг? Не знаю... — Эви схватилась за голову, но скривилась, вспомнив о плесени, и отвела руки, будто они были испачканы в грязи. — Если судить по письмам, в магии он разбирается. И да, припоминаю, что ходили слухи... Но правители не учатся в Академии, поэтому точно сказать не могу. Стой, я попробую еще раз!

Но Дегар качнул головой.

— Не выйдет. Уверен, они тоже пытались.

— Кто они?

— Стажеры, которых подвело любопытство. Или жадность.

— Ты думаешь?.. — Спазм сдавил горло, Эви закашлялась. — Ты думаешь, что все эти чудовища — бывшие стажеры?

— Не только стажеры. Хранители, которые нарушили устав.

Эвелина без сил опустилась на корточки, прижалась спиной к прохладному камню. Ее била дрожь, но в голове прояснилось.

— Полагаю, их обращали в стражей понемногу, по несколько человек в год. Отличная защита. Подлая. Но отличная. Мы в Академии изучали нечто подобное. Наш преподаватель магистр Лавер называл такой прием «Паутина и пауки». Плесень не убивает, но создает себе

слуг, которые даже не хранилище защищают, а ее — грибницу! Посвященные знают, как не заразиться, но держат в тайне... А я еще удивлялась, как же легко мы проникли в пятый сектор! Дегар, ты слушаешь?

Демон поднял руку: тихо, мол, помолчи, приложил ухо к двери. Он прислушивался к чему-то, что происходило в коридоре, и все сильнее хмурился. А потом вдруг медленно, стараясь не шуметь, задвинул засов.

— Что ты делаешь? — удивилась Эви. — Вообще-то нас и так заперли.

— Хочу выиграть время.

Дегар, осторожно ступая, приблизился к мейджи и присел рядом.

— Что-то мне не нравится твой мрачный вид, — призналась Эви. — Он всегда мрачный... Но сейчас как-то особенно!

— Асахеш шаари! — злобно выплюнул Дегар.

— Это какое-то страшное демонское ругательство?

— Да! Я говорю, что был глуп, как улитка!

Эви хотела было обидеться за человеческую расу, за улиток и за глупость, но решила, что «рогатые исчадия» и «краснорожие лягушки» тоже не самые лестные выражения, и промолчала. Сейчас куда важнее было понять, о чем догадался демон, потому что сама Эвелина до сих пор была в неведении.

— Это задание! Это... — Дегар сжал кулаки и челюсти, возвращая себе самообладание. — Шавар! Ловушка.

Впервые на памяти Эвелины спутник так разнервничался. В последние дни он все лучше говорил на человеческом языке, а лицо больше не казалось застывшей маской. Он действительно быстро учился и схватывал все на лету. Но сейчас ему было бы проще объясниться на языке сынов Джалгарра, вот только Эви не понимала ни слова. Хотя нет, одно слово выучила — «шаари».

— Ловушка... — повторила она. — Ты думаешь, нас специально отвлекли этим заданием? Чтобы мы смиренно сидели и разбирали письма? Чего он ждет?

Эвелина вспомнила добренькое лицо Великого Подлюки и то, как их накормили ухой, — усыпляли бдительность. Иначе с чего бы такие милости? Поугрожал для вида, чтобы его поведение не показалось

странным. Ему было нужно спровадить стажеров, запереть их. До тех пор, пока...

— Он знает! Он понял, что мы заразились! И ждет, пока мы обратимся!

Дегар кивнул.

— О таких случаях он наверняка должен докладывать в Магистериум! — Эви испуганно прижала ко рту ладонь, но опомнилась и брезгливо отстранила руку. — А там поймут, что никаких стажеров не присылали!

Демон снова согласно наклонил голову.

— У нас очень мало времени, — сказал он.

— У нас его совсем нет! — крикнула Эви. — Все! Это конец! Ты не понимаешь, глупый демон? Мы заразились и скоро станем безмозглыми стражами! Но прежде чем превратимся в ходячих мертвецов, явятся егермейстеры и вытрясут из нас всю душу! Давно ли тебя жгли каленым железом? Теперь и за меня примутся! Потому что теперь я не человек! Я... я...

«Труп!» — вертелось на языке. И ясно виделся магистр Куин с пустым, безразличным взглядом и раскаленный прут в его руке. Эвелина зашла слишком далеко, он больше не станет ее жалеть.

— Я... — повторила она в десятый раз, хватая ртом воздух, из глаз хлынули слезы. — Я...

Дегар смотрел, смотрел, а потом наклонился и поцеловал. Сгрел в охапку, заполнил собой все пространство, встал нерушимой стеной между Эви и тем ужасом, что ожидал ее впереди. Дегар по-прежнему целовался неправильно, но даже он что-то понял и теперь будто пробовал губы Эви на вкус, очень осторожно и нежно, боясь поранить. Большие теплые ладони гладили ее спину и плечи, перебирали волосы. Несколько счастливых и странных мгновений Эвелина ощущала только покой и защиту. А потом включился мозг.

Эви затрепыхалась, освобождаясь от объятий. Занесла руку, чтобы влепить пощечину, но поглядела в спокойные темные глаза и не смогла ударить.

— Зачем? — прошептала она. — Ты ведь даже не понимаешь, для чего поцелуи, глупый... демон...

— Понимаю. Они облегчают другую боль. — Дегар тронул следы слез на ее щеке. — Эту. Помогло?

— Нет, — сердито буркнула мейджи.

Сердилась на себя — за вранье. Потому что помогло: ужас отступил и сердце, пусть и колотилось как бешеное, но теперь уже по другому поводу.

— У нас мало времени, — повторил Дегар. — Надо найти изумруд и сбежать прежде, чем появится отряд егермейстеров.

— Хороший план. Главное — невыполнимый. Но у меня нет сил спорить. Что ты предлагаешь?

— Иди рядом со мной и прикрывай магией.

С этими словами он поднялся и подошел к двери, со скрежетом отодвинул засов. Эви скомкала письмо короля Бальтазара и сунула его в рукав: оно могло пригодиться в будущем. Дегар бухнул кулаком по металлической обшивке.

— Открывай! — рявкнул он.

— Да неужто всё? — раздался с той стороны заискивающий голос брата Менерва. — Оба мешка готовы? Какие вы шустрые!

— Открывай! — Дегар не утруждался объяснениями, от которых все равно не было бы толку.

— Да-да, сейчас. Только ключи найду, — залебезил хранитель.

В коридоре раздался звук удаляющихся шагов: кто-то метнулся за Великим Подлюкой, пока брат Менерв продолжал отвлекать пленников. Он гремел связкой ключей, скребся в замочную скважину — делал вид, что никак не подберет нужный.

— В сторону, — вполголоса приказал Дегар Эвелине. — Пора уходить.

В крошечной комнатке было не развернуться. Дегар обрушил стол об стену, освобождая пространство для маневра. От удара массивный деревянный стол развалился на доски, Дегар поднял увесистую ножку с торчащим из нее толстым гвоздем, взвесил в руке.

— Что это вы творите, паскудники? — взвизгнул брат Менерв.

Демон с разворота ударил в дверь ногой, та жалобно скрипнула, но выстояла. Однако было понятно, что еще одного толчка не переживет. Хранитель почувствовал, что дело пахнет жареным.

— Я все доложу Великому Наставнику! Ах вы!.. Поганцы!

Его голос становился все тише по мере того, как хранитель удирал по коридору.

— Убежал! — радостно воскликнула Эви, не веря в такую удачу.

Дегар ничего не ответил, он был занят — доламывал дверь. Замок оказался крепким, а вот доски подкачали — прогнили от вечной сырости. Сначала вылетела одна, за ней другая, а под натиском плеча сломались петли.

В коридоре было пусто и безмолвно. Надолго ли? Сколько у них времени?

— За мной! — скомандовал Дегар.

— Куда?

— В пятый сектор. Надо найти Олгун.

— Но там... Плесень! Стражи!

Демон, шедший впереди, вернулся, взял Эви за плечи, посмотрел в глаза.

— Надо. Я рядом, огонек.

«Что еще за огонек! — мысленно ворчала Эвелина. — Придумал тоже!»

А на душе сделалось тепло. И не страшно было сразиться с толпами мертвецов, и егермейстеры не пугали так, как прежде.

Дегар вел Эви кружным путем: видно, он хорошо изучил план крепости Ноор и знал, как добраться до нижнего этажа. Эви измерила оставшийся резерв — пять единиц. Немного, но хватит на то, чтобы создать защитный купол и удерживать его несколько минут. Хранители затаились. Цитадель словно вымерла, и это обманчивое спокойствие пугало сильнее, чем разъяренный отряд преследователей. Эви вздрагивала каждый раз, когда они сворачивали за угол, ожидая увидеть колышущиеся серые плащи или строгую черную форму. Она поднимала руки, готовясь сплести аркан, но видела перед собой только пустоту.

— Где же они? Где же?

И наравне со страхом в душе жила робкая надежда, что все обойдется.

Не обошлось... За спиной раздался странный шум, похожий на шелест листьев. Эви не сразу догадалась, что это звук десятков шаркающих шагов. Они приближались, эхом отражались от стен. Размеренные, неторопливые и оттого особенно жуткие.

— Не оборачивайся, — сказал Дегар.

Но Эви, конечно, обернулась. А обернувшись, закричала. Коридор заполнили фигуры, укутанные в плащи. Некоторые износились до состояния ветоши, изорванные подолы волочились по полу. Другие были еще свежие, новые. Значит, люди, носившие их, еще недавно жили, дышали, улыбались и грустили. А теперь превратились в безмозглых рабов плесени. Мертвецы брели целеустремленно, настойчиво и молчаливо. То один, то другой поднимал руки и указывал на беглецов. И все это в пронзительной тишине, которую нарушало лишь шарканье.

У Эви от страха ноги сделались как ватные, но пальцы уже выплетали Аркан Сайто — мгновенное тление. Да только на такую орду нежити он не рассчитан. Одно-два тела обратятся в прах, остальные продолжат преследование.

Дегар не дал закончить плетение, встал между мейджи и мертвецами.

— Ты что! А если бы я в тебя попала! — вскинулась Эви.

— Не трать магию зря! — строго сказал демон. — Я все продумал. Они слишком медленные. Мы успеем зайти в хранилище, и ты запечатаешь дверь.

Пока разговаривали, потеряли драгоценные секунды. Темная масса из сплетенных тел приблизилась. Они надвигались точно волна, готовая захлестнуть две слабые человеческие фигурки, изломать их.

— А теперь — бежим! — так же спокойно произнес Дегар, схватил Эви за руку и потащил за собой.

Двери в пятый сектор оказались заперты, но когда Эвелину останавливал закрытый замок! Чтобы открыть дверь, пришлось снова прикоснуться к омерзительной зеленой плесени и пожертвовать одной единицей магии,

Дегар захлопнул ее едва ли не в тот момент, когда в щель успели сунуться сморщенные пальцы. Несколько упали на пол и еще некоторое время конвульсивно дергались.

— Запечатывай!

«Еще минус единица!» — отметила про себя Эви.

Они оказались в том же самом хранилище артефактов, но зашли в него на этот раз с другого входа. Магические предметы при появлении мейджи будто очнулись от спячки и завели свою обычную песню: «Возьми меня. Забери меня с собой!» Артефакты томились от бездействия и рады были бы услужить любому магу. Но Эви нужен был только изумруд, а он, к сожалению, не спешил обнаруживаться.

— Расходимся, — приказал демон. — Времени очень мало.

Эвелина запретила себе думать о скрежете петель, о шорохах и стогах: десятки тел наседали с той стороны, стараясь выдавить двери. В конце концов их тупое упорство возьмет верх, ведь мертвецы не устают и не отступают. И ладно бы только в стражах было дело! Эви мысленно молилась Пресветлой, чтобы бумажный голубь, отправленный Великим Подлюкой в Магистериум, попал в руки ленивого служащего. Пока суд да дело, пока доложат Грандмагистру, пока отправят отряд, глядишь, удастся выбраться из передраги живыми.

Оставались еще пятна плесени на руках... Но об этом думать тем более не хотелось.

— Где ты? — спросила она вслух, сжав в горсти ожерелье с сапфиром, а на пальце алой звездочкой горел рубин. — Откликнись.

Но даже если Олгун ответил на зов своих братьев, а Эви мысленно объединила все магические камни в одну семью, его голос заглушал хор голосов других артефактов. Эвелина перебежала от подставки к подставке и краем глаза видела, что Дегар делает то же самое. Подвески, кольца, жезлы, кинжалы, камни всех видов и форм — чего только не было в хранилище. Однако изумруд будто сквозь землю провалился.

Они обошли все залы, взмокли от усталости, а Олгун так и не нашли. Петли надсадно скрипели: стражам удалось расшатать их, но пока держались.

— Я не знаю, что делать! — закричала Эви.

Мрачное выражение лица демона говорило о том, что он не в меньшем отчаянии, чем мейджи. Он быстро оглянулся на дергающиеся двери, приблизился к Эви, взял ее лицо в ладони.

— Давай думать! — сказал он. — Что мы знаем про Олгун?

— Я ничего не знаю, — замотала головой Эвелина. — Я про артефакты услышала в тот же день, когда мы с Райли отправились на поиски. Только то, что это изумруд. И огранка его, возможно, похожа на огранку других камней.

— Так, — согласился Дегар. — И еще изумруд отвечает за левитацию.

— Да... — вспомнила Эви.

Они одновременно подумали об одном и задрали головы к высокому темному потолку, покрытому плесенью, паутиной, потеками воды.

— Еще раз, — коротко бросил демон, и Эвелина без лишних слов догадалась, что он имеет в виду — еще раз обойти все залы.

Голова быстро начала кружиться, но страшно было опустить взгляд и пропустить сверкание зеленой искры. Если изумруд здесь... А если нет? Если король Бальтазар давно забрал его из хранилища? Ведь не просто так он тоже охотится за артефактами.

Ожерелье на шее едва заметно дрогнуло. Эви вернулась на шаг назад, покрутилась на месте.

— Где ты? Где ты? Где ты? — бормотала она.

Полыхнул красным рубин. Алый отблеск смешался с синим, от сапфира, а секундой позже к ним потянулся зеленый. Камни взаимодействовали! Но это стало не единственным открытием!

— Вот он! — заорала Эви как ненормальная, подпрыгивая и вытягивая руку.

Под потолком в воздушном прозрачном пузыре плавал серебряный браслет с большим чистым изумрудом. Кольцо, ожерелье, браслет... Чего же ждать от агата?

Эви вдруг взмыла вверх. Сначала она решила, что изумруд пустил в ход магию, но потом поняла, что Дегар подхватил ее под колени и поднял над собой.

— Слишком высоко! Не достать. — Эвелина изо всех сил тянула пальцы, но хватала лишь воздух.

— Сейчас. Не бойся.

— А-а-а!

Эви не успела и глазом моргнуть, как оказалась стоящей на плечах демона, который придерживал ее за лодыжки. Постаменты с такой высоты казались игрушечными, где-то далеко внизу качался каменный пол — если шваркнется, то назад уже не собрать! Не пол, конечно. Эвелину.

А Дегар, как настоящий акробат, — и чему только учат этих демонов! — взял ее ступни в ладони и медленно приподнял.

— Я так... Я так не могу! Ай! Поставь, поставь меня на землю!

— Я. Держу, — последовал ответ.

И сделалось абсолютно ясно, что Дегар продолжит держать ее и минуту, и час, столько, сколько понадобится, чтобы достать Олгун.

Эви закусила губу и распрямилась. Пузырь воздуха лопнул от прикосновения, браслет свалился в ладонь.

— Все!

Она тут же пошатнулась, не удержавшись, — пол стремительно приближался! Дегар не дал ей удариться, перехватил под мышки и случайно скользнул ладонью по девичьей груди. Эви понимала, что он не нарочно, но покраснела, как рак. Хорошо, что демон не отличит стыда от испуга. Да и не до глупостей сейчас! Эвелина торопливо застегнула браслет на запястье.

— Что теперь?

— Второй выход свободен.

Эви повернулась к маленькой металлической двери, сквозь которую они проникли в хранилище в первый раз. Удивительно, почему Великий Подлюка не отправил стражей сюда? Он не мог не знать, что беглецы постараются использовать эту возможность. Но гадать будут позже, когда выберутся!

— Хватит сил открыть?

— Да-да!

Эви гордо подумала о том, что, несмотря на ужас, не потратила опрометчиво всю магию на борьбу с мертвяками, и теперь у нее запас в целых три единицы. Не на одну дверь хватит!

«Да я бы, пожалуй, могла подрабатывать взломщиком!» — хихикнула Эвелина про себя.

После того как нашелся Олгун, к ней вернулся оптимизм. Язычок замка скользнул легко, будто по маслу. И дверь отворилась без скрипа на смазанных петлях...

— Ну здравствуйте, ребятки, — доброжелательно поприветствовал беглецов Великий Подлюка.

Он лучился радостью и ничуть не опасался «стажеров», потому что выглядывал из-за плеча, обтянутого темной блестящей тканью, — из-за плеча магистра Куина.

— Отбегались! — в свою очередь, злобно сообщил егермейстер.

Эви одной только силой, не успев сплести мало-мальски подходящего заклятия, захлопнула дверь, отрезая их от преследователей. Поторопилась. Впустую израсходовала почти всю оставшуюся магию. Замок еще не успел защелкнуться, когда железная дверь сложилась, точно бумажка, скомканная в кулаке. Магистр Куин даже не взглянул на дело своих рук, отряхнул ладонь и перешагнул порог. Сколько же силищи у этого боевого мага! У них всех. Ни за что не справиться...

Дегар ухватил Эвелину за шиворот, как котенка, откинул за спину. Рубанул ножкой от стола по шее ближайшего чернорубашечника, тот не ожидал нападения. Егермейстеры слишком привыкли к страху, к подчинению. Вот и подвернувшийся под удар Дегара мужчина потерял бдительность. Он упал без звука и остался лежать.

Но другие вспомнили, чему их учили на специальном факультете, — рассыпались по периметру зала, подняли руки, готовясь пустить в ход боевые арканы. Только магистр Куин не двинулся с места, да

Великий Подлюка так и стоял в проеме двери, опасно вытягивая шею.

Демон и маг застыли друг напротив друга. Дегар с увесистой дубиной в руке, магистр — сложив пальцы в сложный, незнакомый Эвелине, жест. Кисть его руки едва заметно подрагивала, но больше ничто не выдавало напряжения.

— Ты знаешь, что у тебя нет шансов, демон, — холодно сказал он. — Сдавайся. Не заставляй меня использовать смертельное заклятие. Пожалей хотя бы ту идиотку, что стоит за твоей спиной. Тебе кишки разворотит и ее зацепит. Радиус действия широкий.

Дегар повел плечами, перехватил свое жалкое оружие поудобнее. Но Эвелине впервые чудилась неуверенность в его позе. Не мог ведь он испугаться угроз. Он никогда ничего не боялся!

— Пусть она уйдет, — выплюнул демон. — Тогда и поговорим.

— Э, нет, — усмехнулся егермейстер. — Условия здесь ставлю я, Исс Дегар ха-Тэшш. Мне о многом нужно тебя расспросить, Привратник. Как видишь, я успел разузнать о тебе кое-что. А девчонка поможет удержать тебя в узде.

«Привратник?» — мимолетно удивилась Эви. Слово звучало мирно и немного забавно. Представился огромный рогатый демон, затянутый в форму городской стражи. Вот только Дегар зашипел от злости и выругался на своем рычащем наречии.

Магистр Куин кивнул своему отряду — чернорубашечники начали обходить Эвелину, норовя зайти со спины.

— Будь благоразумна, девочка. Мне бы не хотелось причинять тебе боль. Но если придется...

«Может, и стоит сдаться? — мелькнула мысль. — Я сделала все, что могла, Райли. Прости меня. Мне страшно, мне так страшно...»

И тут же, еще не до конца осознав, что делает, Эви встала спина к спине с Дегаром, вздернула подбородок и раскрыла ладони, создавая защитный купол.

Магистр Куин взглянул с толикой жалости: да устоишь ли ты против десятка обученных боевых магов? Сколько же ты продержишься, мейджи? Минуту? Две? Он снисходительно улыбнулся, подал знак подчиненным, готовым атаковать: не стоит, мол, сама сдуется.

Сердце Эвелины колотилось под ребрами. Из кончиков пальцев сочилась магия, растворялась... Минуту не продержит, нет. Скиннет раньше, на потеху врагам. Чернорубашечники расслабились, открыто ухмылялись ей в лицо. Только размеренное дыхание Дегара, которое Эви ощущала спиной, не позволяло поддаться панике.

— Вспомни, кто ты, — тихо сказал демон, повернув голову вбок.
— Вспомни, где мы.

Ну что за лягух! Почему обязательно надо говорить загадками?

«Кто я? Беспомощная помощница-неудачница. Прости, прости меня, Раулар... Я думала, что стану хорошим артефактором...»

На мгновение Эви забыла, как дышать. Она будто впервые увидела зал, в котором они находились. Хранилище артефактов. А она — королевский артефактор. Слабый, уставший и испуганный, но у нее было одно несомненное преимущество перед боевыми магами: они действительно были сильны, но их не послушаются чужие артефакты. А ее — да!

Ее — да!

Оставались секунды. Магические предметы, десятилетиями заключенные в хранилище, взывали к мейджи: «Возьми меня. Выбери меня!»

В двух шагах от Эви находился постамент с серебряным кинжалом. Она уже видела подобные, даже практиковалась в Академии. Сила артефакта подпитывалась кровью мага, зато лезвие превращалось в светящийся луч, который с одинаковой легкостью резал что деревянные чурбаны на полигоне, что настоящие человеческие тела в бою.

— Дегар, справа, — прошептала она. — Прикрой.

Он ничего не ответил. Демон предпочитал не тратить слова, когда нужно было действовать. К чему лишнее сотрясение воздуха? Он притянул Эвелину, закрывая собой. Деревянная ножка от стола полетела в голову магистра Куина, так что тот был вынужден присесть. Отвлекся. Самоуверенность еще никого не доводила до добра!

Дегар сбил стеклянный колпак, Эви ухватила кинжал за рукоять и, пронзительно вскрикнув, резанула по ладони. Горячо, больно... «Но терпимо, Эви! Терпимо!» — строго сказала она себе. Кровь не попала

на пол, сразу впиталась в лезвие, которое засияло густым синим цветом.

— Разойтись! — гаркнул магистр. — Пригнуться!

Он был жестоким человеком, фанатиком своего дела. Но даже он не мог допустить гибели всего отряда. Чернорубашечники дисциплинированно попадали на пол. Эви не удержалась от смешка: что, съели?

Кинжал, исходящий силой, дергался в ее руке, как живой. Резал постаменты, оставлял на полу глубокие борозды, от стен летела пыль вперемешку с клочьями плесени. Чем больше кинжал впитывал крови, тем неистовее становился. Было страшно его не удержать. Дегар положил тяжелую ладонь поверх запястья Эви, направляя острие в дверь.

— Там же!.. Там мертвецы!

— Да.

«О Пресветлая, Дегар, ты когда-нибудь научишься объяснять нормально?»

Луч срезал петли, и многострадальная дверь, теснимая мертвыми телами, рухнула на пол. Стражи широкой рекой потекли в помещение, но от соприкосновения с лучом взрывались комами зловонного зеленого дыма. Дегар и Эви проделывали себе широкую просеку в серой массе, которая тут же смыкалась за их спинами. Стражам было все равно, от кого охранять грибницу. Никто не должен входить в хранилище без разрешения!

— Держать строй! — закричал магистр Куин. — Не паниковать! Аркан Траверн. Аркан Рейн.

Начальник отряда не потерял самообладания: отдавал приказы, спасая подчиненных. Эви не вслушивалась, думая лишь о том, что егермейстеры остались позади. Успеть бы! Успеть! Да только куда они бегут?

Тело пронзила слабость. Неужели кинжал успел выпить столько крови? Дегар, не останавливаясь, подхватил мейджи на руки и продолжил путь вверх по бесконечным лестницам и переходам. Луч косил пребывающих стражей, не позволяя им подступиться к беглецам. Да сколько же их?

— Куда мы? — слабо спросила Эви. — Кинжал... Больше не могу... Сейчас выроню...

— Нельзя, огонек. Ашарр саар.

«Будь сильной», — вспомнила Эвелина.

— Не могу...

— На счет десять. Один.

Демон мчался по ступеням размашистыми прыжками, сталкивая в пролеты замешкавшихся мертвецов. Он крепко прижимал к себе Эвелину и бормотал сквозь сжатые зубы, путая человеческий язык с языком сынов Джалгарра:

— Два. Хоир. Шор. Пять...

На счет десять Дегар вынес Эви на открытую площадку на крыше башни. Здесь на высоте бесновался, выл ветер. Свинцовые воды озера раскинулись, насколько хватало глаз. Они на острове. Спасения нет.

Кинжал выпал из ослабевших рук, ударился о камни, подскочил и скрылся за парашютом. У беглецов больше не осталось защиты, а Эвелина растратила весь магический резерв. Неужели теперь точно все?

Дегар подошел к краю площадки и тут же, не притормозив, шагнул вниз с Эви на руках.

Эвелина зажмурилась. Так и правда лучше — сразу, с размаха о воду или камни, и не останется больше ни боли, ни страха.

Но падение все длилось и длилось, потоки ветра били в лицо, на запястье в такт с сердцем пульсировал браслет с изумрудом. Эвелина приоткрыла глаза, ахнула и вцепилась в Дегара, хотя он и так не собирался отпускать.

— Мы... летим... — прошептала она, не веря тому, что видит.

Далеко внизу катились тяжелые воды, по озерной глади скользило темное пятнышко — их с Дегаром тень. Слова уносились с порывами ветра, так что демон скорее догадался, чем услышал.

— Левитация, — ответил он.

Эвелина выдохнула, прижалась лбом к шее Дегара, прячась от порывов ветра. Она снова забыла о главном свойстве артефакта. Да и немудрено в таких условиях! Не каждый день приходится бороться с отрядом егермейстеров. Когда все закончится, если Эви останется жива, ее, несомненно, ждет суд Магистериума. Но пока рано об этом думать. Может, и не выживет, тогда и переживать не о чем! Одно радует — хранилище они разворотили так, что Великий Подлюка еще долго будет выковыривать артефакты из-под обломков. Своими холеными ручками, которые так боялся запачкать.

Мелькнула и осталась позади береговая линия, потянулся луг, заросший молодой зеленой травкой, река, за которой начался светлый лиственный лес. Стали снижаться. Высокий вяз ухватил Дегара за плащ раскидистой веткой. Эви, замирая, отпустила плечи демона и распутала ткань: сам он не мог разжать рук.

Демон наметил для приземления пригорок, укрытый прошлогодними прелыми листьями, но небольшое происшествие с вязом сбило прицел, их повело в сторону и швырнуло на куст. Дегар поднял руки, заключая Эвелину в защитный кокон. Сам расцарапался, но лишь досадливо потер ссадину на щеке.

— Сможешь стоять?

— Конечно! — бодро ответила Эви и тут же стала заваливаться, едва оказалась на ногах.

— Понятно.

Он больше ни слова не произнес, снова подхватил мейджи на руки и зашагал в глубь леса.

— От преследования оторвались. Есть время на отдых. Продолжим путь завтра на рассвете.

— А куда мы пойдём?

— К королю Бальтазару, правителю Ферранда.

Эви знала, что услышит именно это, а все-таки не сдержала расстроенного вздоха. Ей очень не нравилось, что король тоже собирает артефакты. Хотелось верить, что он просто пополняет свою коллекцию магических предметов, но в глубине души зрело чувство, что здесь все не так просто.

— Может быть, сначала разыщем Гристринс? — малодушно предложила она.

— Ты знаешь, где искать алмаз? Я — нет. И нельзя забывать о плесени.

Дегар на ходу продемонстрировал ей свою ладонь: зелень распространилась на всю кисть и заползла на запястье.

— Снять заклятие может тот, кто его наложил. Только сам Бальтазар.

Эви облизнула пересохшие губы. Украдкой взглянула на свою руку. У нее дела обстояли совсем не так плохо, пятнышко лишь немного увеличилось в размерах.

Незаметно подступили сумерки, свет погас так быстро, будто кто-то прикрутил фитиль масляной лампы. Дегар усадил Эвелину у широкого ствола дуба, чьи корни, выступающие из-под земли, образовали подобие кресла с резными подлокотниками. Сам занялся костром. Набрал хвороста, долго возился с камнями и мхом, высекая искру.

— Давай я? — предложила мейджи. — Попробую...

Эви трясло от слабости и холода, она была пуста до доньшка — ни капли магии. От этой пустоты внутри еще сильнее знобило. Она хотела встать, но Дегар в один миг оказался рядом, усадил обратно и укутал своим плащом.

— Сам справлюсь. Твоя магия пригодится позже.

Ах, ну да, полезная вещичка не должна расхвораться!

Дегар бормотал под нос что-то на демонском наречии, но не злое, а словно уговаривал костерок, который никак не хотел разгораться. Но вот надо мхом поднялась струйка дыма, заалел огонек, он окреп после того, как демон скормил ему несколько щепок. От костра потянуло теплом. Сразу сделалось уютно. Огонь будто взял Эви под свою защиту, оградил от темного леса и жестокого мира.

И все-таки она никак не могла согреться — потеряла много крови. Еще хотелось пить, но просить об этом Дегара было неловко: что он ей, нянька? Да и не во что набрать воды... Эви поплотнее запахнула полы плаща и постаралась уснуть. Очнулась от того, что демон подул в лицо, сделалось щекотно от упавших на лоб волос.

— Можно было просто позвать. Или потрясти за плечо. — Эвелина улыбнулась, потом догадалась: — Вы так будите своих?

Ну правильно, огромной демонской лапищей можно и руку оторвать ненароком. Хотя у них конечности крепкие.

— Детей, — невозмутимо объяснил он. — Они хрупкие в первые годы. Мы иногда в шутку называем их шаари.

Эви ошеломленно замолчала. Почему-то она никогда не думала о том, что у жутких огромных созданий есть дети. Хрупкие дети, о которых они заботятся и которых нежно любят. Нянчат. Когда хотят разбудить — осторожно дуют в лицо, чтобы не навредить.

Дегар не заметил ее растерянности.

— Выпей. Тебе нужна влага. Твоему сердцу тяжело биться, я это слышу.

Оказывается, все это время Дегар протягивал сложенные лодочкой руки, по пальцам по капле струилась вода. Пить хотелось нестерпимо. Эви никогда бы не подумала, что согласится напиться из рук демона, а сейчас не чувствовала ни ужаса, ни отвращения.

— Здесь рядом ручей, я принесу еще воды.

Он несколько раз ходил к ручью и обратно, пока Эвелина не напилась. Подложил в костерок побольше хвороста, опустился рядом с Эви на землю и, ни слова не говоря, подхватил ее под колени и устроил в своих объятиях.

— Зачем?.. — оторопело пробормотала Эви.

Подумала, что надо бы осадить нахала, ткнуть под ребра, как обычно поступала с Райли. Дать подзатыльник. Нечего вести себя с ней панибратски!

Райли... Она замерла, вглядываясь в знакомые с детства черты лица. Прямой нос, тонкие брови, чуть полноватые губы. Сам Райли, рисуясь, называл их чувственными. И в то же время чужой, темный взгляд черных глаз. Рядом с ней не тот мальчик, которого она искренне любила как брата, как лучшего друга.

Впрочем, она давно это знала. Но вдруг поняла, что больше не ощущает ненависти. Наверное, просто устала.

— Ты должна согреться и поспать, — рассудительно сообщил демон.

— Должна, значит? Ничего я не должна!

Попыталась скинуть руки, но Дегар не дал. Сдвинул брови, точно сосредоточенно обдумывал что-то.

— Я... не хотел обидеть, — медленно сказал он. — Я не всегда понимаю, как это бывает у людей. Объясни.

Эви помолчала, потом согласно кивнула.

— Учить тебя еще и учить! Давай поговорим. Ты мне расскажешь о сынах Джалгарра, а я о людях. Не смотри так, никаких тайн выведывать не стану! Просто хочу узнать, как вы живете. Хоть немного расскажи, что сможешь.

Дегар наклонил голову.

— Отлично. Так ты Привратник. Что это значит?

— Не станешь выведывать никаких тайн? — повторил Дегар ее же слова, приподняв бровь.

Эви смутилась. Конечно, у нее и в мыслях не было шпионить, но неосторожная фраза магистра Куина раздражила ее любопытство.

— Не можешь — не говори, — согласилась она.

Дегар ответил после паузы:

— Привратники — воины. Но особые воины. Мы посвящаем свою жизнь защите от... Хм, достаточно.

— От людей? — принялась гадать раздосадованная Эвелина. — Так нечестно, в конце концов! Сказал «А», говори и «Б».

— Б, — не стал сопротивляться Дегар.

— Ты издеваешься? — взвилась она, но тут же взяла себя в руки. — Хорошо. Я понимаю. Ты не можешь рассказать, я твой враг.

— Ты не враг мне, огонек. И Привратники защищают не от людей.

«Как не от людей? Ведь вы воюете с нами!» — просилось на язык, но Дегар и так открыл все, что мог.

Эви помолчала, устраиваясь удобнее на коленях Дегара. Раз уж придется провести ночь в его объятиях, надо расположиться с комфортом. Он поправил на ней плащ, сползший с плеча, запахнул плотнее.

— Значит, вы заводите семьи. — Эвелина вспомнила о детях. — У тебя тоже есть?

— Дети?

— Семья... И дети, конечно.

— Нет.

— Почему?

«Что если его семью убили в пылу битвы, и с тех пор Дегару нечего терять?» — испугалась мейджи.

Но все оказалось сложнее.

— Привратникам нельзя заводить семьи, велика вероятность погибнуть. Зато тот, кто избран для этой чести, становится старшим в роду, — спокойно объяснил демон. — До тех пор, пока не умрет или не уйдет по пути доблести. Тогда он заранее передает старшинство и право стать Привратником сильному и молодому родичу. Я оставил вместо себя племянника, прежде чем уйти.

— Ого... — Эви не нашлась, что сказать. — А путь доблести — это добровольное лишение головы?

Хотела пошутить, а прозвучало мрачно.

— Да. Я знал, что едва ли выживу. — Дегар не заметил иронии в голосе Эви. — Но если бы Раулар выслушал... Кто знает.

Эвелина зябко поежилась, положила голову на плечо Дегара. На самом деле она прятала глаза. Дегар не хотел умирать, он надеялся, что сможет договориться с королем. О чем? Одной Пресветлой известно. Он ведь не знал, что Райли избегает неприятных дел и поручает их своим советникам. Демон думал, что Райли настоящий король, а он... Просто мальчишка, волею случая занявший трон.

— А если я выслушаю? — робко предложила она.

— Однажды я тебе все расскажу. Но не сегодня.

«Ты ведь отпустишь Райли?» — хотела спросить Эвелина, но не решилась. Это был скользкий вопрос. Он сразу нарушит хрупкое равновесие, превратит уютную ночь в холодную и страшную.

— У вас есть дома? — сменила она тему на безопасную. — Или вы живете под открытым небом, как кочевники Коргестана?

— Дома. Они не похожи на дома шаари.

Эви все-таки ткнула Дегара локтем в бок: хватит, мол, обзывать. Тот, кажется, даже не понял, что Эвелина дерется, задумчиво потер ребро. Он размышлял о другом, вспоминал. Эви отстранилась, чтобы заглянуть ему в лицо. Глаза у демона сделались... Эви долго не могла подобрать слова. В них была печаль. Но печаль светлая.

— Песчаный купол и несколько этажей под землей. У каждого дома родовой костер, который никогда не гаснет. Говорят, однажды в нашем прежнем мире кто-то прогневал Джалгарра — потушил пламя, горевшее сотни лет. С тех пор мы были прокляты. Изгнаны. Наш мир заполнила тьма. И куда бы мы ни отправились — мир людей третий по счету, — она идет по пятам.

— Третий? — дернулась Эвелина. — Как третий? А куда делись предыдущие два?

— Их затопила тьма.

Эви ошарашенно уставилась на потрескивающее пламя, на летящие искры. Смотрела, смотрела и успокоилась. Легенды! Они есть у любого народа, даже у демонов. Сам-то Дегар родился уже в мире людей и не застал исхода. Мало ли что там бормочут старики. Хотя кто знает, сколько ему лет на самом деле.

— Сколько живут демоны, Дегар?

— Сыны Джалгарра, улиточка.

«Ладно, уел!»

— Сколько живут сыны Джалгарра?

— Чуть дольше людей, если не погибают в битве.

— А сколько лет тебе?

Вот сейчас как скажет — пятьдесят! Выяснится, что два раза целовалась со старикашкой. Зачем только спросила...

— Двадцать пять.

— Всего лишь! — воскликнула Эви, одновременно обрадованная и огорченная: обрадованная, что рядом с ней почти ровесник, огорченная тем, что он умер так рано.

— Немногим воинам удастся дожить до этого возраста. — Кажется, Дегара задело это пренебрежительное «всего лишь». — Я успел увидеть жизнь.

Эвелину вдруг пронзила острая жалость по отношению к этим бездомным, несчастным созданиям, вынужденным поселиться посреди

бесплодной пустыни, рыть норы, будто кроты, и радоваться даже той малости, что имеют. Неудивительно, что они отгрызают кусочки земли, ведь им нужно как-то жить, кормить детей... Ну почему все так несправедливо устроено! Люди правы, защищая свои границы. И демонов можно понять.

— Ты любил кого-нибудь? — услышала Эвелина свой голос, она и сама не ожидала, что произнесет вопрос вслух, покраснела.

— Привратникам нельзя любить.

— Но разве можно приказать сердцу? Обычно любовь не спрашивает позволения. Приходит, и все...

— Значит, не пришла, — помолчав, ответил Дегар.

— А какие они — ваши женщины?

Эвелина напрягла память, пытаюсь вспомнить, как выглядят дочери Джалгарра. Она видела их только на картинке в учебнике. Поменьше ростом, рогов нет, на голове жесткие рыжие волосы. В силе они не уступают мужчинам и воюют с ними бок о бок.

— Сильные. Отважные. Выносливые.

— А как же вы выбираете пару?

— Когда женщина решает, что ей пора завести семью, она устраивает состязания среди достойных. А потом сама сражается с победителем. Если он одолеет ее, значит, брак состоится.

— Ух... — выдохнула Эвелина, вообразив эту эпическую картину.
— Они, видно, действительно сильны.

Какой же, должно быть, слабой и жалкой она представляется Дегару. Оружие держать не умеет, готова свалиться в обморок от любой царапины, трясется от холода и постоянно хочет есть.

Неизвестно, о чем подумал демон, но снова поправил на ней полы плаща, закрывая похолодевшие руки, прижал к себе покрепче.

— Тебе стоит поспать. Уходить будем засветло. Егермейстеры не отступят.

— Да-да... Ну давай еще немного поговорим. Мы так хорошо разговариваем!

По лицу Дегара скользнула его странная полуулыбка.

— Давай.

— Моя очередь спрашивать, — сказал Дегар.

Эви подозрительно покосилась на демона, но отказать было бы нечестно, ведь до сих пор вопросы задавала она. К тому же она завела

этот разговор, чтобы объяснить человеческое поведение, которое казалось демону странным.

— Что ты хочешь узнать?

— Почему ты все время бросаешь мне вызов? Ведь ты намного слабее, и я, несомненно, одолею тебя в состязании.

— Бросаю вызов? — нахмурилась Эви.

— Да... Как это на языке людей? Применяешь физическую силу. — Дегар указал на ребро, значит, понял все-таки, что Эви его треснула. — Если бы дочь Джалгарра бросила мне вызов, это означало бы только одно: она хочет, чтобы я победил ее и взял в жены.

— Что-о-о? — От возмущения Эви разинула рот, да так и застыла с отвисшей челюстью. — Даже думать не смей! У людей это значит совсем другое!

— Объясни, — невозмутимо потребовал Дегар.

— Ну... — Мейджи замялась: как ни крути, а выходило неладно. — Лупить кого-то, конечно, нехорошо, но иногда человеческие девушки осаждают так слишком настойчивых ухажеров, когда им не нравится то, что они делают.

— Что делают?

— Целуют без разрешения. Обнимают, — и добавила с нажимом: — Обзываются улитками!

Эви ожидала увидеть во взгляде Дегара непонимание, а заметила иронию. Такой прищур появлялся у него каждый раз, когда демон внутренне смеялся над ее словами.

— Нельзя целовать без спроса! — вспыхнула она. — Это слишком личное!

Демон внимательно посмотрел на мейджи, наклонив голову.

— Я выучил человеческий язык. Я научился читать и писать на языке людей. Я изучал ваши здания и устройство городов. Ваши картины. Вашу музыку. Но до сих пор не знаю, для чего людям это касание губ. Облегчить физическую боль? Нет. Душевную? Тоже не то. Это что-то больше. Но я не понимаю...

Могла ли Эви еще месяц назад, засыпая в своем уютном, защищенном стенами дворца домике, представить, что будет ночью в лесу объяснять демону смысл поцелуев! Причем объяснять, сидя у него на коленях.

— Во-первых, поцелуи бывают разные. И означать могут что угодно. Приветствие, когда встречаются друзья. Ласку, когда мать целует своего малыша. Или... любовь, — протараторила Эви, решив раз и навсегда покончить с этим сомнительным делом, споткнулась только перед словом «любовь». — Если целуются мужчина и женщина, значит, они полностью доверяют друг другу и готовы открыться для чего-то большего. Это тоже вызов. Только обычно бросает его мужчина.

Настало время Дегару удивляться. Он несколько секунд не моргая глядел в пустоту и вдруг принялся хохотать своим скрипучим громким смехом.

— Так вот что у нас получилось. Ты бросила вызов мне. Я бросил вызов тебе. И мы оба не знали об этом.

Эвелина прыснула вослед: да уж, ситуация!

— Если я тебя еще раз стукну, это вовсе не означает, что я хочу вызвать тебя на состязание!

— Если я тебя поцелую...

— А вот этого делать не стоит!

Костерок почти прогорел, и Дегар осторожно пересадил Эви на землю, чтобы подбросить хвороста в огонь. Эвелина улыбалась, но улыбка резко погасла, когда она увидела руку демона. За разговором она и думать забыла о плесени, которая никуда не делась. Кисть Дегара покрылась грубой и сухой кожей, и зелень заползла вверх по запястью на предплечье. Эви взглянула на свою ладонь — ее отметина тоже увеличивалась, но медленно.

— Я думала, проклятие работает быстрее, — тихо произнесла она. — Прошли сутки. Разве мы не должны были за это время превратиться в живых мертвецов?

— Должны были, — ответил Дегар, не оборачиваясь. Он не прервался и все так же подкладывал в костер ветки одну за другой. — Арканар тормозит проклятие.

Арканар! Артефакт, спасающий даже от неизлечимых болезней. От проклятья не спасет, но из-за рубина плесень разрастается медленнее. Эви выпутала вторую руку из складок плаща, чтобы полюбоваться на перстень. Рубин засиял алым, засверкал в отсветах огня, внутри переливались две яркие искры. Одна — клятва Эвелины. Вторая... Тоже чья-то клятва?

— Кто-то поклялся на этом артефакте, — прошептала Эви.

— Что?

— Искры внутри. Одна — мое обещание Гизелле. А другая чья?

— Моя.

Эвелина вздрогнула, не веря своим ушам. Когда-нибудь ее удар хватит из-за неожиданных признаний этого лягуха!

— Ты поклялся? Кому?

— Человеку, который помог мне. Больше ничего рассказать не могу.

Эви нахмурилась. Человеку. Подлому предателю, по вине которого рубин оказался в руках Раулару! Ничего, когда-нибудь она узнает, кто эта крыса!

Дегар закончил возиться с костром и снова усадил Эвелину на колени. На этот раз она не сопротивлялась. Нужно отдохнуть, восстановить силы: завтра предстоит долгий путь в столицу Ферранда. Придется отложить на потом и пугающие мысли о проклятии, и гнев на неизвестного предателя.

Она подумала и стащила с пальца перстень.

— Носи пока ты, не хочу, чтобы ты завтра остался без руки.

Но Дегар только взглянул и отодвинул ее ладонь.

— Нет. Я рядом, Арканар сдерживает и мое проклятие. Тебе руки нужны, чтобы колдовать.

Эви вздохнула, но спорить не стала: магия им еще понадобится. Даже с некоторым облегчением вернула перстень на палец. Что же, рубин выиграл им несколько дней, но если за это время они не придумают, как добраться до короля Бальгазара, то будет плохо. Очень плохо...

— Спи, — тихо сказал Дегар. — Впереди много ночей.

Эви хотела узнать, как там Райли. Вдруг ему лучше и можно его разбудить? Открыла было рот и... промолчала. Она не представляла, как станет объяснять Раулару, почему у него зеленая рука. Когда-нибудь все закончится, все беды останутся позади, и лучший друг вернется к ней.

— Спи...

Демон едва ощутимо прикоснулся губами ко лбу Эвелины.

— Эй!

— Это не поцелуй.

— Да? Но почему-то подозрительно на него похоже!
Дегар ничего не ответил, напрасно Эви ждала объяснений.
Прислонился к стволу и закрыл глаза.

Чтобы добраться до столицы Ферранда, Лора, пришлось сделать крюк, далеко обходя озеро: магистр Куин мог оставить своих людей приглядывать за берегом, на случай если беглецы вернуться. Потеряли несколько лишних часов, но безопасность важнее.

На рассвете Эви почувствовала себя сносно, смогла идти сама. Свежесть утра бодрила, подол плаща вымок от росы, хоть выжимай. Но вскоре солнце выкатилось на небосвод, высушило землю и начало припекать по-летнему, хотя весна едва перевалила за середину.

Эвелина завязала плащ вокруг пояса. Выкинуть было жаль: это ее единственная теплая одежда. Путники снова остались без походных мешков, денег и еды.

«Пора бы привыкнуть, — вздохнула Эви про себя. — Каждый раз бежим от опасности сломя голову».

Дегар закатал рукава и расстегнул пуговицы рубашки. Мейджи вздрогнула, когда увидела, что плесень полностью покрыла его руку, ее зеленые щупальца протянулись с плеча на грудь. Демон заметил пристальный взгляд Эвелины.

— Когда придем в Лор, надо раздобыть перчатки. Вряд ли проклятие заразно, но проверять не станем.

— А тебе не все равно? — Вопрос прозвучал грубее, чем Эвелина планировала: она разнервничалась из-за зеленой дряни. — Врагом больше — врагом меньше, какая разница.

— Я стараюсь избегать бессмысленных жертв, — ответил Дегар. — И это привлечет внимание егермейстеров.

— Так бы и сказал! — буркнула Эви и не удержалась, спросила: — Больно?

Сама она пока ничего не чувствовала. Ладонь немного чесалась, но и только.

— Нет.

Обманывал. Закидывая кострище, Дегар в основном орудовал левой рукой. Но и правую заставлял работать: сцепил зубы, побледнел, однако поднимал непослушными пальцами ветки и камни. Плохо дело, а ведь совсем скоро могут отказать ноги, тогда останется только

лежать, ожидая неминуемой гибели. Но пока демон уверенно шел вперед, и Эви выкинула из головы грустные мысли.

К столице подобрались в сумерках. Сначала потянулись рыбацкие деревушки. Ветер принес запахи человеческого жилья — аромат свежей выпечки, резкую вонь хлева. Дегар и Эви не приближались к домам: в маленьком поселении каждый незнакомец на виду. Потом любой мальчишка за мелкую монетку или «чудесатку», как называли деревенские магическую услугу, в подробностях распишет, по какой дороге и в какую сторону отправились высокий парень и худенькая растрепанная девица. А дорога здесь одна — в столицу.

— Есть хочется, — вздохнула Эви.

— Знаю. Терпи. Надо прийти в Лор, там легче затеряться.

— Денег нет...

— Что-нибудь придумаем!

Городские ворота миновали без труда. Стражники расселись вокруг бочки и азартно резались в орлянку. На путников они едва взглянули. Один из караула крикнул издалека:

— На продажу что-то везете?

— Нет. — Эви развела руками. — Мы паломники.

Она вовремя вспомнила о том, что в Лоре располагался один из старинных храмов Пресветлой богини.

— Путешествуем по святым местам.

Дегар заранее облачился в плащ, чтобы спрятать тронутую проклятием руку, Эви свой натянула, потому что под вечер похолодало. Так что вид у путников был самый подходящий — скромный и смиренный.

— Шагайте тогда, — отмахнулся стражник и добавил вполголоса, думая, что «паломники» не расслышат: — Будь моя воля, я бы этих попрошайек поганой метлой гнал.

У Эвелины все внутри забурлило от этих несправедливых слов. А ведь как ни крути, они действительно попрошайки. Даже диплом Академии с золотой печатью, который давал право зарабатывать на жизнь магией, сгинул в проклятой цитадели. Хотя это вовсе не помешает укоротить кое-кому длинный язык!

«Заклятие облысения? Или внезапной немоты на сутки?» — пронеслось в сознании, пока Эви, сжав кулаки, направлялась к стражникам, которые, к слову сказать, и думать забыли о замарашке.

Далеко не ушла. Дегар перехватил на полпути, обнял за талию и развернул в сторону входа.

— Не стоит. Они — случайные камни на твоём пути к цели. Стоит ли обращать внимание на камни?

Ох уж это демонское мировоззрение! Но помогло, отпустило.

Эви впервые была в столице Ферранда. Двух— и трехэтажные толстостенные дома с квадратными крышами были сложены из песчаника, дорожки выложены разноцветной галькой и ракушками. Лор казался симпатичным и приветливым городом.

Попадались на пути и трактиры, готовые распахнуть двери для уставших путников, заманивали ароматом мяса, поджаривающегося на вертеле, обещанием мягкой постели и сладкого сна. Да только расплатиться за ночлег нечем.

Дегар будто знал, куда идет. Казалось, что он вовсе не устал, но Эви помнила, что глупый демон может попросту не рассчитать сил. Если он свалится посреди улицы, что она будет с ним делать?

— И куда ты? — не выдержала она. — Надеюсь, не во дворец прямой наводкой?

Она представила выпученные глаза короля Бальтазара, когда на пороге тронного зала появятся оборванцы, требующие аудиенции. Еще сильнее он удивится, когда увидит украденный из Цитадели Олгун — хранители наверняка отправили бумажного голубка, рассказали в красках о двух стажерах-самозванцах, которые не только ограбили неприступную крепость, но и учинили немислимый разгром. Выпученные глаза воображение Эви рисовало отлично, а вот дальше фантазия отказывала. Самый невинный вариант развития событий — темница. А самый вероятный — казнь на месте.

— Ведь не во дворец? — жалобно переспросила она.

— Я, по-твоему, самоубийца? — откликнулся Дегар.

Эвелина поразмышляла над этим вопросом и ответила честно:

— По-моему, да! Похоже, тебе нравится лишаться головы!

Демон усмехнулся, спорить не стал.

Они вышли к торговым рядам, которые сейчас, в сумерках, почти опустели. Последние торговцы упаковывали в корзины нераспроданный товар — подгнившие овощи, завядшие пучки зелени, зачерствевший хлеб. В воздухе стояла тошнотворная вонь от рыбе́й

требухи: рыбаки разделявали улов тут же, скидывали прямо на землю головы и внутренности — уборщики до утра наведут порядок.

Демон встал, оглядываясь, отыскивая кого-то взглядом. Заприметил сгорбленную старушку, которая, несмотря на приближающуюся ночь, не двигалась с места, поводила плечами под тонкой и, это было видно даже издали, ветхой накидкой, ждала припозднившихся покупателей.

На дне перевернутой корзины лежали горкой прошлогодние яблоки. Товар не пользовался спросом: у ног старухи стояла еще одна полная корзина.

— Идем.

— Куда? К ней? Зачем?

Дегар красноречиво закатил глаза.

— В двух словах! — взмолилась Эви, зная, что демон не любит попусту сотрясать воздух.

— Бедная. Одинокая. Она поймет уставших путников.

«Хм, а ведь правда. Если уж кто-то и приметит нас в этом чистеньком городе, то кто-то, кому не понаслышке знакомы голод и холод... Ну или просто отлупит нас корзиной!»

Торговка подняла голову, увидела «уставшего путника», который возвышался над ней горой, и нервно сглотнула.

— Яблочка, миленький? Или вот девушке своей купите! — пролепетала она.

Переговоры Эви взяла на себя. Дегар роняет слова по капле и только перепугает бедняжку.

— Бабушка, мы паломники. Идем поклониться Пресветлой. На нас разбойники напали, ограбили, спасибо, живыми отпустили. Ни на ночлег, ни на еду денег нет. Пустите переночевать, а мы...

Эви огляделась по сторонам и закончила шепотом, наклонившись к уху старой женщины:

— Я немного магичить умею. Окажу любую услугу.

Занятия магией без диплома строго карались по законам всех Пяти Королевств. За это полагалось десять ударов плетью, а Эви боялась, что и трех не переживет, если дойдет до дела.

Старушка опешила, но не растерялась. Заговорщически подмигнула.

— Ну что же с вами поделаться, дети. Берите корзину, ступайте за мной. С тебя услуга, а паренек пусть крыльцо мне подлатает. Зря он, что ли, такой вымахал!

Торговка, даром что согнулась колесом, бодро устремилась вперед. Дегар подхватил корзину здоровой рукой.

Они вышли на широкую, ярко освещенную газовыми фонарями улицу. По тротуарам, вымощенным галькой, прогуливались нарядно одетые люди. Влюбленные парочки, семейства с отпрысками. Присаживались за столики, которые заботливые хозяева харчевен выставили у дверей своих заведений, попивали эль и неспешно беседовали. Разносчики продавали орешки в меду и карамельные яблоки.

«Как бы слюнями не подавиться! Так, спокойно, Эви, дыши ртом!»

— Наша центральная улица, — с гордостью объяснила старушка, заметив интерес на лицах путников. — Как раз ведет напрямик к храму. И к дворцу.

«Король Бальтазар сейчас в городе?» — собиралась спросить мейджи, но ее прервали.

— В сторону! — гаркнул зычный голос. — В сторону! Король едет!

Гуляющие расступились, почтительно склонили головы. Только Эви забыла, что следует потупить взгляд, она во все глаза смотрела на приближающуюся процессию.

Про короля она знала лишь то, что правитель Ферранда довольно молод, ему нет и тридцати, но ни разу не видела портрета, поэтому представляла Бальтазара изнеженным и чахлым созданием, как все в династии Драглен. В роду было принято заключать браки между двоюродными братьями и сестрами, что явно не пошло на пользу крови. Правда, как припоминала Эви, отец Бальтазара привез себе жену из далекой жаркой страны.

Всадников было пятеро. Двое впереди на каурых жеребцах, двое замыкали. Посередине на черном статном скакуне, будто выточенном из обсидиана, ехал король. По тому, как он держался в седле, было очевидно, что он много времени проводит в разъездах. Бальтазар небрежно сжимал поводья одной рукой, не обращая внимания на приветственные крики толпы.

Когда он поравнялся с Дегаром и Эви, мейджи с удивлением поняла, что правитель вовсе не похож на слабака. Наоборот, в поджаром стройном теле чувствовалась мощь, и, хотя сейчас правитель больше напоминал расслабленного кота, к такому подходить рискованно — сразу выпустит когти. Он был красив той опасной мужской красотой, которая заставляла сердца юных дев сжиматься то ли от испуга, то ли от неясного томления.

— О, мой король, я вас обожаю! — раздался из толпы девичий голос.

Бальтазар сверкнул белозубой улыбкой, на миг вышел из задумчивости и повел в воздухе пальцами. На головы жителей обрушился дождь из лепестков.

— О, мой король! Мой король! — на все лады подхватили голоса.

— У нас проблемка... — выдохнула Эви. — Он точно маг. Сильный-сильный маг.

Едва ли Бальтазар мог ее услышать, но вдруг повернулся и в упор посмотрел на мейджи. Глаза цвета болотной зелени. Глаза хищника, который не упустит добычу. Сейчас он сыт и добродушен, однако Эви не сомневалась: бедной будет та мышка, которая попадет в когти этому коту.

Секунда — и всадники промчались мимо. Эвелина растерянно смотрела им вслед, пока Дегар не тронул ее за плечо.

— Что случилось?

— Ты видел, какой он? — вздохнула Эви. — Ума не приложу, как мы доберемся до короля Бальтазара... Ладно, даже если найдем способ. Думаешь, он так просто отдаст нам агат?

— Не думаю, что будет просто, — признал Дегар. — Но после того, как мы победили отряд егермейстеров и целую армию мертвецов, ты продолжаешь в себе сомневаться?

Тиски, сдавившие сердце, разжались. Вот как демонюка это делает? Как находит нужные слова? Человеческий язык ему даже не родной!

Дегар между тем вынул из корзины румяное яблоко и молча протянул Эви. Старушка кивнула и улыбнулась по-доброму:

— Давно бы уже покушала, милая. На сытый желудок и настроение лучше, вон какая смурная. Ну, идемте!

Свернули в узкий переулок, в сторону от оживленной улицы. Едва втиснулись между глухими стенами домов и долго брели под темным небом, слыша, как постепенно стихают звуки музыки и громкие голоса. Вышли на окраину, где городские каменные строения сменились деревянными домиками.

Дом, в котором их согласились приютить, темнел в глубине запущенного яблоневого сада. Он обветшал и перекосялся без хозяйской руки, слепо пялился заколоченными окнами. Ступени заскрипели и зашатались под ногами.

— На последнюю ступеньку не наступайте: она жучками изъедена...

Предупреждение пришло слишком поздно — Дегар наступил на гнилую ступеньку и проломил ее. В воздух поднялась туча трухи, от которой все принялись чихать. Демон чихнул так, что у Эвелины заложило уши.

— Что это было? — задумчиво уточнил он у мейджи.

Эвелина расхохоталась.

— Все нормально, просто твоему носу не понравилась пыль.

— Не только носу, — проворчал он.

— Как раз это крыльцо ты и починишь, дружок, — радостно встряла старушка, но тут же сжалилась над покрытыми пылью путниками. — Завтра, завтра. Вы устали с дороги.

Выставила на стол скудный ужин — еще теплый чугунок с вареной картошкой из печи, крынку молока, прикрытую салфеткой, четверть ржаного каравая. Разделила поровну.

— Какую вам услугу оказать, хозяйка? — перешла Эви сразу к делу.

Глазами она жадно пожирала ужин, но профессиональная этика не позволяла притронуться к еде, пока не заключен договор.

Старушка, не зная о мучениях мейджи, задумалась, подперев ладонью щеку.

— Да чего пожелать-то... Так-то мне неплохо живется. Крыша над головой. Яблоньки-кормилицы. Крыльцо вот почините!

— Может, окна? — робко предложила Эви.

— Не... Вот с той стороны все стекла целы, а эти пусть так. Все равно мальчишки разобьют!

Эвелина впервые встречала человека, который ничего не хотел от мага. Даже оторопела. Начала судорожно соображать, что еще может предложить старушке, у которой ничего нет, но которая всем довольна. Но та уже придумала сама.

— Вот если только красивое платье!

— Платье? — изумилась Эви.

Она ожидала чего угодно, но не этого. Женщина могла бы попросить теплую накидку или добротную обувь... Вот только ни того, ни другого Эвелина дать не могла. Маги не умели творить реальные вещи, только иллюзии. Жаль разочаровывать добрую женщину, но придется.

— Я могу зачаровать ваш... вашу... — Очень затруднительно оказалось подобрать подходящее слово, но Эви не сплеховала. — Ваше одеяние. Получится очень красивое платье. К сожалению, ненадолго. Иллюзия разрушится с двенадцатым ударом часов...

— Да мне больше и не нужно! — снова удивила ее старушка. — Мне на один день.

— Но для чего? — не сдержала любопытства Эви.

— Завтра лесной бал... — Глаза хозяйки мечтательно затуманились. — Король устраивает его один раз в год, весной. Раз в год двери дворцовых ворот открываются для всех жителей города. В саду накрывают столы, ставят шатры для отдыха. Играет оркестр. В фонтане сладкая вода... Ах... Условие только одно — нарядная одежда. Хотя бы приличная. Разве я могу появиться на балу в этом?

Пожилая женщина развела руками, и стало видно, что в некоторых местах ткань прохудилась до дыр. Но Эвелина только мельком взглянула и уставилась на Дегара. Он — на нее. И не нужно было ничего говорить вслух.

— И сам правитель будет на балу? — осторожно спросила Эви, боясь спугнуть удачу.

— А как же! Ходит среди простого люда по-свойски, руки жмет, беседует. Если кому важные вопросы нужно решить — лучшего времени не найти. А потом он до утра уединяется в своем шатре с самой красивой девушкой бала.

— Зачем? — вырвалось у мейджи.

Хотя она и так поняла, не маленькая.

— Девушки не против, — уверила старушка. — Это честь: сам король внимание обратил! Он их осыпает золотом и отпускает. А если какая глупышка слезы льет и грозитя руки на себя наложить, так это для вида, чтобы народ не осуждал. Ну и не завидовал.

Эвелина поежилась и придвинулась поближе к Дегару. Каково это — оказаться избранной? Наверное, кто-то идет по доброй воле, но ведь не все. Представила, как Бальтазар уводит девушек, как те испуганно оглядываются, надеются на помощь, а все просто стоят и смотрят. Никто не посмеет перечить правителю...

— В прошлом году, правда, все дурно обернулось. Я сама не видела, но рассказали. Король выбрал Лисси, дочь мельника, а она была сосватана за кузнеца, Рива. Дело к свадьбе шло. По мне, так не стоило вообще вести ее на бал, а раз привел, не рыпайся... Она на коленях умоляла, но наш король суров и непреклонен. Так и забрал. А Рив ушел и появился с топором...

— И что потом? — с замиранием сердца спросила Эви.

— Что-что... Этот топор его и зарубил. А Лисси потом с ума сошла. Потому что нечего противиться воле правителя, я так считаю!

— О Пресветлая... — выдохнула Эвелина.

Неужели добрая хозяйка не понимает, что так нельзя? Что король Ферранда чудовище!

— Вот и я говорю: нехорошо получилось. Покорилась бы королю, так и Рив бы не посмел нос воротить, женился бы как миленький.

Эви от всей души пожалела незнакомую ей юную Лисси, в одночасье лишившуюся и чести, и жениха.

— Поэтому я хочу платье. Побывать на лесном балу на закате жизни — ничего больше не нужно! — напомнила старушка. — А что же мы с вами не познакомимся? Все зовут меня Дряхлая Елка. А вас?

— Дряхлая... хм... Елка? Очень рада. Я Магдалена, это мой друг Даг. У вас будет самое красивое платье, Елка, — пообещала Эви. — И мы тоже пойдем на бал. Очень хочется полюбоваться на вашего прекрасного и доброго повелителя.

Женщина не заметила ехидства в словах мейджи, охотно кивнула:

— И красивого!

«Удивительно, что люди готовы простить страшные вещи за одну только красивую внешность и обаяние», — грустно подумала Эвелина.

Покосилась на Дегара.

«И готовы убить на месте, если у тебя красная кожа и рога на голове...»

Бал открывался вечером — достаточно времени, чтобы собраться и обдумать план.

С самого утра Дегар вышел чинить крыльцо, вооружившись молотком и ржавыми гвоздями: других в доме не нашлось. Эви подкатила деревянный чурбан, уселась и стала наблюдать, как демон справляется с работой. А справлялся он отлично, несмотря на скованную правую руку. Доску для ступени приволокла сама Елка, видать, припасла заранее, да помощников не нашла.

— Ты будто всю жизнь дома строил, — улыбнулась Эви.

— Человеческие дома устроены однотипно, — сообщил Дегар, не поднимая головы. — Ничего сложного.

— Точно, я и забыла! Загадочный Привратник-шпион изучил глупеньких шаари вдоль и поперек.

— Однажды я решил, что вы не так глупы, и поплатился за это...
— Демон осекся и заработал молотком с удвоенной силой.

«Он вышел на аванпост, надеясь поговорить с Рауларом, что-то объяснить, а в итоге остался без головы, — перевела для себя Эви слова Дегара. — Эх, Райли...»

— Какой у нас план? — примирительно спросила она. — Предлагаю затеряться в королевском саду, дождаться ночи, а когда этот гад уединится с очередной девушкой, как-то проникнуть в шатер. Заодно и девчонку вызволим, и по морде надаем этому высокомерному ублюдку. И вот еще что...

Эви расстегнула и сняла с шеи ожерелье с сапфиром, стряхнула с руки браслет и стянула перстень.

— Проклятие распространяется слишком быстро, а вечером ты должен быть в форме. И у тебя они будут в большей безопасности.

Дегар медленно протянул ладонь.

— Доверяешь мне?

Эви ненадолго сжала артефакты в руке, а потом решительно отдала Дегару:

— Хочу верить... Не все люди шаари, вот!

— Да, — улыбнулся демон. — Некоторые — светлячки.

Без привычной тяжести артефактов Эви чувствовала себя беззащитной. Она оставила Дегара за работой и отправилась прогуляться по саду, чтобы отвлечься от тягостных мыслей. Воздух пах яблочным сидром, в густой траве прели прошлогодние яблоки, с ветвей осыпался цвет и зеленели крошечные завязи. Эви бродила в тени деревьев, обняв себя за плечи, и думала о том, как непредсказуема бывает судьба.

Увидит ли она дом, в котором выросла и который теперь по праву принадлежит ей как королевскому артефактору? Увидит ли родителей? Или сгниет в тюрьме Магистериума? Пожалуй, и тюрьма не самое страшное окончание этого невыносимого приключения, которое так внезапно обрушилось на нее, спутало все планы, перевернуло жизнь с ног на голову.

То ли от духоты, то ли от печали у Эви заломило виски. Поэтому она очень обрадовалась, обнаружив в глубине сада самодельный душ: в чане, поставленном на деревянный каркас, скапливалась дождевая вода и подогревалась на солнце. Эви прислушалась: со стороны дома раздавался стук молотка. Тогда она быстро скинула с себя одежду, пропитавшуюся дорожной пылью, закрутила волосы в пучок, дернула за веревку и... взвизгнула, когда холодные струи ударили по разгоряченной коже. Но через секунду сделалось приятно, легко. Эвелина зажмурилась, чувствуя, как отпускает тревога и расслабляются мышцы.

— Что случилось? Кто тебе угрожал? — раздался суровый голос.

Сначала Эви поняла, что не слышит больше стука молотка. Потом распахнула глаза и заорала. В шаге от нее и открытого душа стоял Дегар и внимательно ее разглядывал.

— Ран нет, — сообщил он. — И вода не обжигает тебя... Не обжигает?

Мейджи с перепугу не сообразила, что можно окутать себя туманным мороком. Прижала руки к груди, как обычная девчонка, так и застыла. А Дегар, лягух проклятый, и не подумал отвести глаза. Что взять с демонюки!

— Конечно, не обжигает! — крикнула Эви. — Отвернись уже!
Дегар послушался, но на лице ясно читалось: «Хм, а зачем?»

Эвелина сгребла плащ, закуталась в него. Сердито толкнула Дегара в спину — не удержалась.

— Это я тебе не вызов бросаю, а просто злюсь! — на всякий случай объяснила она: в таком уязвимом положении только двусмысленности не хватало.

— За что злишься?

Ни тени раскаяния в голосе, одна заинтересованность. Шпион он и есть шпион, все-то ему надо о людях разузнать.

— Мужчина видит наготу девушки, когда она его жена! Неужели ваши женщины разгуливают голыми?

— Да. Это естественно и красиво. Языки пламени на алой коже... Но ты тоже прекрасна, Эвелина. Кожа светлая, как вода в ручье. Нежная и тонкая. Даже страшно прикоснуться к тебе, чтобы не навредить.

— Замолчи, замолчи! — Эви закрыла уши, которые, как и щеки, горели от стыда. — Уходи! Я оденусь.

Дегар кивнул и отправился в сторону дома напролом через кустарник. Затрещали, ломаясь, ветки. Эви оделась, сердито бормоча под нос ругательства в адрес бестолковых демонов.

Демон вернулся к починке крыльца; судя по его невозмутимому виду, он не придал случившемуся значения.

— Ребятки, пойдете к столу! — позвала Елка. — Я картошечку запекла и яблочный компот сварила.

Эви скользнула мимо Дегара, но на пороге задержалась.

— Интересно, вы детей из глины делаете и обжигаете в огне? — спросила она у дверного косяка, во всяком случае, в этот момент пристально смотрела на него.

А то, что лягух принял вопрос на свой счет, так это ее не касается! Дегар хохотнул, только потом ответил:

— Объяснить тебе процесс зачатия детей, колдунья? Начну с простого! Две улитки ползут навстречу друг другу и сливаются в...

— Хватит! — пискнула Эви, заскочила в дом, треснув дверь.

Ее сопровождал грохочущий хохот Дегара. Эвелина юркнула за стол, вцепилась в картофелину зубами. Елка хлопотала вокруг печки, цедила компот в крынку, она и не слышала, что «ребятки» ругаются.

Демон зашел следом, ополоснул руки в ведре, сел напротив. Он уже не смеялся, смотрел серьезно.

— В этом мы ничем не отличаемся от людей, — негромко сказал он, наклонившись вперед. — Видишь, в чем-то мы похожи... Дочери Джалгарра не боятся, потому что знают, что им ничто не угрожает. Но и тебе незачем меня опасаться. Я бы никогда не взял тебя силой. Те, кто однажды понесут в себе новую жизнь, неприкосновенны.

Эвелина глянула на хозяйку дома и прошептала:

— Тогда ты понимаешь, как мерзко то, что делает с несчастными девушками Бальтазар?

Лицо Дегара закаменело.

— Сегодня ему будет не до этого, — мрачно ответил он.

— О чем говорите, ребята?

Елка приковыляла к столу, сжимая в руках глиняные кружки с напитком.

— О бале! — не растерялась Эви. — Не терпится попасть! Сейчас пообедаем и будем готовиться!

Через полчаса Эвелина с удовольствием разглядывала наряд, который у нее вышел, вот только хозяйка смущенно разглядывала разномастные тряпки, в которые ее завернула Эвелина. В ход пошел даже кусок старой занавески, который она обвязала вокруг пояса Елки, и дырявая наволочка, ее напялила на голову. Дегар остался в своей одежде, Эви только попросила у старушки отыскать для него пару рукавиц. На правой руке демона красовалась вязаная синяя варежка, а на левой так и вовсе оказался носок, потому что пары для варежки не нашлось.

— Деточка, спасибо тебе, — пролепетала Елка. — Очень красиво. И так мило, что ты старалась. Но боюсь, в этом нас все-таки не пустят на бал.

— Ш-ш-ш! — строго сказала мейджи и прижала палец к губам, показывая, что надо молчать.

Старушка стусевалась и покорилась. Дегар ухмыльнулся уголком рта. Эви подняла руки и начала выплетать тонкое, кружевное заклинание, которое рассыпалось в воздухе, будто тончайшая серебряная пыль, и, покружившись, опустилось на старые тряпки.

Эвелина заранее попросила у Елки принести зеркало. Та поняла просьбу слишком буквально и с помощью Дегара выломала дверцу

шифоньера, с внутренней стороны как раз было зеркало. Оба — и хозяйка, и демон — выглядели весьма довольными собой, поэтому мейджи сказала только: «Хм, сойдет...»

Теперь же старушка, ахнув, подскочила к зеркалу и во все глаза уставилась на элегантное платье из дорогой ткани, с пышной юбкой и воротником-стойкой, украшенным яркими бусинами. Довершала образ строгая шляпка с вуалью. Елка распрямила согнутую спину.

— Я прекрасна! — воскликнула она. — Еще бы скинуть годиков этак... пятьдесят!

— В омоложении я не сильна, — вздохнула Эви. — Не продержится и часа. Да зачем, вы и так красotka!

— А тебе как?.. — обратилась она к Дегару, посмотрела и запнулась на полуслове.

Строгий темный приталенный костюм и перчатки из тонкой кожи — вот и весь образ. Но Дегар был чертовски хорош.

«Райли! — поправила она себя. — Райли чертовски хорош, вот! Это его тело!»

Однако следовало признать: если бы не осанка, не наклон головы и этот взгляд, черный, прожигающий, завораживающий... образ бы потерял половину своей притягательности.

Дегар сжал и разжал кулаки, повел плечами.

— Хорошо. Драться смогу.

Вот и весь разговор!

Для себя Эви сотворила из серого замызганного плаща длинное с жемчужным отливом платье, лиф искрился при движении из-за вышивки серебряной нитью. Грубые ботинки превратились в аккуратные туфельки на невысоком каблуке. Шею украсило ажурное ожерелье — Эви наложила чары на нитку, которую выдернула из потрепанной накидки хозяйки дома.

— А где?.. — встрепелась она, вспомнив, что не увидела на руке Дегара перстня.

Он похлопал себя по груди.

— Все три, — немногословно объяснил он.

— Отлично.

Эви потряхивало от волнения, но отступать было поздно.

— На бал! — восторженно воскликнула Елка.

— На бал, — угрюмо подтвердили гости.

Шатры, столы, накрытые между деревьев, фонтаны с разноцветной водой — всем этим Эвелину было не удивить. Родители Райли любили устраивать приемы под открытым небом, и Эви еще девочкой вдоволь налюбовалась на подобные увеселения.

Стражники оценивающе присматривались к гостям и только тогда открывали ворота. Хотя и говорили, что праздник для всех, у бедняков не было шанса прорваться в королевский сад.

Когда проходили под аркой, у Эви замерло сердце: вдруг король использует артефакт, который разрушает иллюзии? Но обошлось. Никто не заподозрил, что элегантная пожилая дама на самом деле одета в занавеску и наволочку, а у симпатичного молодого человека на руке носок!

— Спасибо, спасибо, детка! — кивнула старая Елка: она уже нацелилась на угощение и потому нетерпеливо топталась на месте. — Я пойду! Времени мало. Отдыхайте! Встретимся дома!

— Спасибо! — крикнула Эви ей в спину и тихо добавила: — Вряд ли мы еще увидимся...

Огромный королевский сад был полон гостей, всюду стояли столы и играла музыка. Вино наливали прямо из бочек. В шатрах на полу лежали ковры и подушки, чтобы уставшие от гуляний горожане могли прилечь и отдохнуть.

— Спрятаться не выйдет, — сказала Эви, оглядевшись. — Здесь за каждым кустом или стражник, или гость...

Дегар кивнул, но не удивился, словно знал, что так и будет.

— Надо найти королевский шатер. Дождемся темноты. Действовать пока рано.

Пришлось согласиться. И хотя Эвелина думала, что еще в детстве устала от балов, была рада передышке. Просто прогуляться по саду, выпить лимонада, послушать хорошую музыку.

Дегар цапнул со стола две корзиночки с кремом, одну протянул Эви, другую проглотил целиком.

— У этого слабого тела есть и достоинства...

Демон сыто и довольно прищурился, осмотрелся, метнулся в сторону и вернулся с колбасками на вертеле.

— Еда. Это отдельное искусство! Я и не знал.

Эви снова царапнуло чувство вины, и вспомнился их разговор с Райли. «Но что им жрать там? — сказал Раулар. — Колючки? Вот и

поползли во все стороны...» Она увидела блюдо с меренгами, выхватила его из-под носа пухлого мальчугана и протянула Дегару.

— Обязательно попробуй!

— Обязательно, — не стал упираться тот и следом за колбаской кинул в рот горсть крошечных хрустящих пирожных.

— Я так сожалею! — покаянно воскликнула Эви.

Ее совсем скрутило от стыда за человечество. Дегар удивленно замер, но потом дожевал меренги и уточнил:

— О чем?

— Вы просили о помощи, а мы вроде и не отказали, но запихнули в самое гиблое место. Пустыня, жара, ни капли влаги! А теперь думаем, почему война... Почему это все...

Эви от расстройства сбилась с мысли и закончила сумбурно. Сжалась, потупив взгляд. Она не видела лица Дегара, который застыл рядом молчаливой сумрачной тенью. Вот тяжелые руки опустились на плечи. Не надо было напоминать о войне! Об обиде сынов Джалгарра на людей. Сейчас демон вспомнит, что перед ним враг...

— Благословенное место, — глухо сказал он. — Настоящий дар Джалгарра своим детям. О лучшем доме и мечтать было нельзя.

— Что?.. — сипло переспросила Эви, решив, что Дегар издевается. — Там ведь ничего не растет, кроме колючек!

Она все-таки посмотрела в глаза демона. А он так же задумчиво смотрел на нее. Похоже, не издевался, но никак не мог взять в толк, о чем сокрушается Эвелина.

— Колючки. Очень неприятные. Но у нас кожа толстая, ерунда, — сказал он и ободряюще, по его мнению, улыбнулся — вспомнил, чему его учила Эви, и показал все тридцать два зуба. — Главное, что сланец прекрасно горит!

Мейджи почувствовала острое головокружение и потерла лоб. Порой ей казалось, что они с Дегаром отлично понимают друг друга, но сейчас он нес полный бред. Может, переел? Нельзя столько сладкого и жирного сразу!

— Попей водички, Дегарчик, — жалобно попросила она.

Он нахмурился, но потом улыбнулся.

— Ты не знаешь, верно? Мы не едим обычную пищу. Наша еда — огонь.

Эвелина разинула рот и заморгала глазами. Вспомнила, что в тот день, когда она развела костер на берегу реки, Дегар сунул в него руку и удивленно смотрел, как тлеет рубашка. Так вот почему! Им не нужна еда!

— О-о... — протянула она, но тут же побледнела. — Так зачем же тогда? Зачем?

Ее затрясло от злости. Она бы еще могла понять, почему демоны захватывают территории, если бы речь шла о выживании, но, выходит, она зря им сочувствовала.

— Вы! Проклятые агрессоры!

Глаза защипало от слез, но что если он еще сможет все объяснить!..

— Зачем, Дегар?

Он осторожно сжал ее ладони.

— Есть причина!

— Скажи!

— Не могу. Не сейчас.

Эви зарычала, скинула его руки и устремилась прочь.

— Ненавижу! — бросила она через плечо.

— Эвелина!

Мейджи кинулась в толпу, спряталась. Она не понимала, что ей теперь делать. Вернуться домой она не может, еще не все артефакты собраны... Артефакты! Эвелина ахнула и схватилась за грудь. Она их отдала — сама, по доброй воле. Потому что доверяла этому негодяю! Этому захватчику! Убийце! Как славно он ее провел — постепенно втерся в доверие. Гад, гад!

Эвелина остановилась, точно налетела на невидимую преграду. Бальтазар — вот ее единственная надежда! Он ненавидит проклятых демонов и делает все, чтобы защитить королевство. Она отыщет его, все объяснит и попросит о помощи. Неужели два мага не справятся с одним краснорожим лягухом?

— Вы не видели короля? — спрашивала она у каждого встречного.

— Хочешь стать избранной, девочка? — глумливо ухмылялись подвыпившие мужчины.

Женщины качали головой и смотрели, как казалось Эви, с предостережением. Одна даже шепнула: «Уходи, деньги того не

стоят!» Девушек-ровесниц Эвелина почти не встречала. А те немногие, что пришли на бал, выглядели испуганными и взволнованными. Самое удивительное, что заявили они не одни, а в сопровождении родителей. Эви слышала, как неопрятная женщина, от которой разлило вином, жарко шептала хорошенькой дочери:

— Не будь душой, моя дорогая. Нечего трястись за свою невинность! Одно дело на сеновале отдаться прыщавому придурку, а другое — самому королю. И не вздумай реветь, если он подойдет! Вот, смотри, та хитрая лиса своего не упустит, пока ты куксишься!

И она ткнула пальцем в Эвелину. Эви точно искупалась в зловонной луже, почувствовала себя грязной. Так вот что думают о ней все эти люди. Как мерзко... Но ведь не станешь объяснять, что правитель Ферранда нужен ей по серьезному поводу.

«Да, он отвратительный тип, — сказала она себе. — Но для нашего общего дела обойдемся и без симпатии!»

— Ты не видел короля? — обратилась она к мальчишке.

Глухой, что ли? Молчит и глаза вылупил.

— Эй?

— Говорят, ты разыскиваешь меня? — раздался вкрадчивый голос из-за спины. — Я в твоём полном распоряжении.

В то самое мгновение, когда Эвелина обернулась и увидела насмешливые и злые глаза короля Ферранда, она поняла, что сглупила. Бальтазар не из тех, кто умеет договариваться, он умеет только брать. Деньги, власть, женщин. Рядом с ним Эви почувствовала себя букашкой. Раздавят ее или позволят жить дальше — неизвестно.

Она дернулась было в сторону: вокруг люди, можно затеряться, но король молниеносно преградил путь.

— Не так быстро, серая мышка, ты пойдешь со мной.

Бальтазар стиснул ее талию так, что у Эви перехватило дыхание, и повел за собой. Разговоры стихали, люди почтительно расступались. Женщины избегали смотреть Эвелине в глаза, а она, наоборот, старалась за каждую зацепиться взглядом: «Это не то, что вы думаете. Я не избранная!»

Королевский шатер из золотой парчи прятался в глубине сада. Его охраняли гвардейцы в красных мундирах. Они вылавливали между деревьев заплутавших гостей и мягко направляли их в противоположную сторону. Некоторые, перебрав хмеля, становились упрямыми и бесстрашными. Таких брали под белые ручки и сопровождали до ворот.

— Нам никто не помешает, — вкрадчиво объяснил Бальтазар, ни на секунду не ослабляя хватки.

— Это... не то, что вы подумали... — выдохнула Эви.

— А что я подумал?

Шестое чувство вопило, что ни за что и ни при каких обстоятельствах нельзя рассказывать этому жестокому человеку об артефактах: ничего хорошего из этого не выйдет. Но где же Дегар? Неужели ушел и бросил ее здесь одну? Или... Вернее... Это она его бросила.

Бальтазар отогнул полог и подтолкнул Эви в проход. Мейджи окутала влажная темнота, которая пахла почему-то цветами и воском. Очень скоро загадка разрешилась: Бальтазар негромко хлопнул в ладоши, и, подчиняясь его магии, загорелись десятки свечей, которые

парили под пологом. Пол оказался усеян лепестками и соцветиями, источавшими сладкий аромат.

Король развел руки в стороны, и Эвелина узнала заклятие: совсем недавно она сама устанавливала магический щит. Да только ее щит получился слабенький и непрочный, а щит Бальтазара продержится не один час. Никто не сможет ни войти, ни выйти.

Пока Бальтазар был занят делом, Эви шаг за шагом отступала к центру шатра. Лепестки под ногами хрустели, точно панцири жуков. Отвратительно. И нет ничего, чем можно было бы обороняться. Но у Эвелины еще оставалась ее магия!

Король некоторое время наблюдал за ней с тем же интересом, с каким кот наблюдает за отважной птичкой. Пусть та думает, что сможет упорхнуть. Он не сразу выпустит коготки, сначала поиграет...

Вот только Бальтазар не стал тянуть. Поднял ладонь, сложив пальцы в аркан Саас. Ледяная игла в сердце — смертельный прием. Вскрикнув, она вскинула руки, защищаясь, и отразила заклятие в последнее мгновение. Резерв опустел на три единицы.

— Что вы...

«Делаете?» — хотела крикнуть она, но не успела.

Успела только отскочить в сторону, путаясь в длинном подоле, — в ее сердце уже летело новое смертельное заклинание. Она погасила его на подлете и поняла, что магии почти не осталось.

— Хм, ты сильнее, чем я думал! — оскалился Бальтазар, он явно получал удовольствие от игры. — Давай-ка еще разок!

Аркан Ти сбил мейджи с ног, она растянулась на ковре, полностью опустошенная, и, прерывисто дыша, наблюдала, как Бальтазар медленно подходит к ней, ступая, точно хищник на мягких лапах. Он присел рядом на корточки и провел кончиками пальцев по заколдованному платью Эвелины, стирая морок.

И вот уже мейджи лежит перед ним, закутанная лишь в серый плащ.

— Какая изобретательность, — усмехнулся король.

Он подцепил пальцем и порвал ниточку, которую Эви превратила в ожерелье. Эвелина дернулась, но поняла, что не может ни приподнять головы, ни шевельнуть рукой. Полы плаща разметались, обнажив ноги до середины бедра. Бальтазар еще не тронул ее и

пальцем, только смотрел, а у нее сердце заходило от ужаса. Этот пристальный взгляд, казалось, проникал под кожу.

Вот он провел по тыльной стороне ее ладони, заставляя Эви трепетать от отвращения, а потом одним быстрым движением вывернул пальцы, отчего Эвелина взвыла и выгнулась дугой. Из глаз брызнули слезы. Прежде никто не был с ней так жесток. Даже магистр Куин только пугал.

— Что я вижу, — вкрадчивым голосом проговорил Бальтазар, пока Эвелина глотала воздух раскрытым ртом. — Это ведь мое проклятие на твоей руке, не правда ли, стажер?

Он наконец отпустил Эви, и та обмякла, отвернувшись, закусив губу. Отпираться бесполезно, Бальтазар знает, кто перед ним. Когда он понял? И как?

— Я знал, что ты появишься здесь, маленькая воровка. Тебе необходимо это, не правда ли?

Король расстегнул верхнюю пуговицу куртки и вытянул толстую витую цепочку, на которой, покачиваясь, висел перстень — близнец Арканара, только камень в нем был полностью черным.

— А где твой приятель? Такой сильный парень, а отправил вместо себя девчонку? С тех пор, как я получил из цитадели послание с приметами мнимых стажеров, я ждал вашего появления. Я почувствовал тебя в толпе, воришка. Устроил бал, надеясь, что вы появитесь. И не прогадал. Кто вы такие? Зачем ищете артефакты?

Бальтазар наклонился к самому лицу Эви, прищурился, сиюсь вспомнить, видел ли он ее раньше. Но между двумя королевствами всегда были натянутые отношения, правитель Ферранда не посещал Карнаэль, поэтому не понял, кто перед ним.

Эвелина зажмурилась и покрутила головой из стороны в сторону.

— Не скажешь? — почти ласково уточнил король. — Ошибаешься. Скажешь. Где сейчас Олгун? Я знаю, он был с тобой, когда ты пришла в Лор.

Он не повышал голоса, но от этого спокойного тона кровь стыла в жилах.

— Где артефакт, мерзавка?! — рявкнул он ей в ухо.

И, не церемонясь, принялся ощупывать тело, едва скрытое плащом. Вертел ее, как куклу, оглаживал руки, ноги, спину, грудь. Эви

вздрагивала от отвращения и страха, но поклялась себе, что ни издаст ни звука.

Бальтазар заскрипел зубами от злости. Поднялся и заметался от стены к стене, бормоча проклятия. Потом снова присел рядом с беспомощной Эвелиной и развязал тесемки, стягивающие горловину плаща. Распахнул полы, и Эви предстала перед ним в тонкой сорочке.

— Хороша, паршивка.

— Не надо... — прошептала мейджи.

— Разве тебе не интересно узнать, как я наказываю воришек?

«Не смей умолять! Молчи!» — приказала себе Эвелина, но это было выше ее сил.

— Прошу вас...

— Говори, где изумруд, и тогда, может быть, я не трону тебя.

— У меня его нет...

Что еще она могла сказать? Большая удача, что Бальтазар ничего не знает о других артефактах.

«Благодарю, Пресветлая, — мысленно обратилась Эви к богине. — И прости, что я была такой глупой...»

Слезы текли из-под закрытых век: на то, чтобы посмотреть в глаза мерзавцу, не хватало смелости.

— Где же он?

Этот благодушный тон больше не мог ее обмануть — она в руках страшного человека. Можно только тянуть время, надеясь на что-то... Но даже если Дегар захочет помочь, шатер окружен непроницаемым куполом, а король не дурак и будет начеку.

— Мой друг забрал его, — соврала Эви. — Мы поссорились, он забрал его и ушел. Я не знаю куда, клянусь.

Эвелина совсем не умела обманывать, лицо выдавало ложь. Но она надеялась, что полуправда выручит ее.

— Мы воры, ищем редкие артефакты и продаем. Это просто работа, ничего личного!

— Кому продаете? Имя, город. Какие артефакты похищали до этого? Быстро!

— Его имя... Его... — У Эви затряслись губы, она и Райли-то никогда не могла обмануть, что же говорить о могущественном маге.

— Врунья, — усмехнулся Бальтазар; к нему, похоже, возвращалось хорошее настроение. — Не стесняйся, придумывай

дальше. Мне нравятся твои сказки. Времени у нас полно, могу до утра слушать. С короткими перерывами...

Он спустил с плеча Эви тонкую бретельку, убрал с шеи растрепавшиеся волосы, просунул руки под ее спину и приподнял, будто бы даже нежно, словно любовник. Эвелина была бессильна помешать, руки не слушались, висели плетями. Бальтазар наклонился к ямочке над ключицей, к бьющейся от страха вене, вдохнул запах.

— Пахнешь невинностью. И ужасом. Люблю и то, и другое.

Мысли Эвелины лихорадочно метались. Какой частью правды можно пожертвовать, чтобы заполучить отсрочку? Пожалуй, можно сказать, что Райли — король Карнаэля, а она его артефактор. Все-таки не простая деревенская девчонка, пусть и окончившая Академию. Эта история может привести к разрыву отношений между королевствами. А то, что в теле Раулара пока находится демон, правителю Ферранда знать вовсе не обязательно.

— Я скажу!..

— Тихо. У тебя был шанс. Я выслушаю, но позже.

Бальтазар прижал к губам Эви указательный палец и запечатал их, теперь мейджи могла лишь стонать. Он поднялся с ней на руках и вдруг разжал объятия. Эви вскрикнула — с запаянным ртом крик больше походил на мычание — она ждала падения с высоты. Но вместо этого осталась висеть в воздухе, покачиваясь, будто на волнах. Безвольная, безголосая, перепуганная.

Король снял куртку, следом сбросил рубашку, обнажив подтянутую поджарую фигуру. На груди покачивался Ленар.

«Проклятые артефакты! Ненавижу! Одни беды от вас!»

— Страшно? — весело поинтересовался Бальтазар. — Подожди пока бояться. Дальше будет страшнее.

Эви хотела отвернуться, хотя бы зажмуриться, но даже этого он ей не позволил.

— Смотри, — приказал он, накладывая очередное заклятие. — Не отводи глаз.

Он коснулся подола сорочки и медленно потянул ее вверх. Тонкая ткань скользнула по телу Эви. И тут же горячие руки огладили живот и холмики груди. Она застыла, не в силах крикнуть или вздохнуть.

— И это еще не страшно, воровка. Смотри на меня!

Ей оставалось только умолять взглядом, но кого интересовали ее мольбы? Сколько невинных девушек просили пожалеть их? Сколько раз он смеялся над их наивностью? И Лисси... Бедная Лисси... Немудрено было сойти с ума.

Бальтазар тянул время, наслаждаясь ее ужасом. Гладил. Пока еще только гладил. Но вот дернул завязки панталон и оставил Эви полностью беззащитной.

— Нечестно, что ты голенькая, а на мне брюки. Не находишь? Видишь, как я нежен. Немного уважения заслуживает даже такая маленькая дрянь, как ты.

Он наклонился и лизнул мочку уха. А потом неистово укусил, так что у Эви потемнело в глазах от боли. Когда чернота рассеялась, она увидела, что Бальтазар улыбается ей окровавленными губами.

— И даже это еще не страшно, лгунья.

«Помогите! — взмолилась Эвелина, не зная, кого просит о помощи: Пресветлую, Райли, Дегара или всех вместе. — Спасите меня! Кто-нибудь!»

Никто не услышит. Никто не придет...

За тонкими стенами шатра раздался истошный женский голос.

— Пустите меня к королю! Я должна стать избранной!

— Уйди, ненормальная! По-хорошему прошу! — грозно отвечал ей мужской. — У короля уже есть избранная!

— Я только на минуточку! Он меня увидит и сам уходить не захочет!

Бальтазар, который прислушивался к перебранке, расхохотался. Вид у него сделался крайне довольный. Эви была рада и этой передышке. Хотя стоит ли оттягивать неизбежное?

— Никуда не уходи. — Он подмигнул Эвелине. — Я скоро вернусь. Утешу бедняжку!

Он сжал руку в кулак, снимая защитный купол. Отодвинул полог и вышел наружу. Эви ожидала услышать восторженный визг и самодовольный баритон Бальтазара, а вместо этого услышала звуки борьбы и следом хрип. Король избил поклонницу? Чересчур даже для него.

Бальтазар ввалился в шатер, цепляясь за материю, закрывающую вход. Она затрещала под его рукой, оторвалась лоскутом. Король упал на пол и пополз, хватаясь за горло, словно что-то душило его.

Эвелина, подчиняясь магическому приказу, смотрела на него во все глаза, но никак не могла понять, что происходит.

Под полог проскользнула согнутая в три погибели женская фигура, а за ней высокая и широкоплечая — мужская.

«Елка? — собиралась воскликнуть Эвелина. — Дегар?»

Но с губ сорвался лишь всхлип.

Это было немислимо, не иначе как начался бред. Что в королевском шатре делает безобидная старая женщина, как ее разыскал Дегар, а главное, как они сумели одолеть могущественного мага?

Дегар между тем не терял времени. Первым делом он накинул на Эви плащ, а потом вздернул Бальтазара за волосы. Эвелина разглядела на шее короля тонкий, сплетенный из человеческих волос ошейник. Он сжимался все туже, как ни старался король просунуть под него пальцы. Елка подошла ближе, встала и смотрела, распрямив, насколько это было возможно, сторбленную спину.

— Узнаешь меня? — спросила она, вздернув подбородок. — Помнишь мое имя? Я Елисавета.

Эви вздрогнула, пронзенная осознанием происходящего. Когда-то в библиотеке Академии она читала книгу о неснимаемых заклятиях, которых стоит опасаться даже сильнейшим магистрам. Артефакт, что душил сейчас Бальтазара, действовал один раз, но наверняка.

— Ты думал, ты единственный маг на всем свете? — Каждое слово Елисаветы было точно гвоздь, который она заколачивала в крышку гроба. — Ты думал, можно безнаказанно разрушать жизни?

Куда подевалась та наивная простушка, которая мечтала о бале? Глаза горели огнем возмездия, и Эвелине даже показалось, что она видит ту девушку, которой Лисси была когда-то. До тех пор, пока не заключила магический договор.

Страшный договор. Такие магистр Лавер называл «данью отчаяния». Елисавета отдала десятки лет жизни в обмен на ошейник, сплетенный из ее волос, и пока маг заплетал заклинание в темно-каштановые девичьи волосы, Лисси дряхла на глазах. Зато это заклятие ничто не могло перебить.

— Ты думал, что я смогу жить после того, как ты лишил меня невинности на глазах моего умирающего, истекающего кровью

жениха? Ты позволил ему ворваться в шатер только для того, чтобы убить на моих глазах!

Эвелина была потрясена силой воли Лисси и ее бесстрашным поступком. Бальтазар уже едва дышал, он перестал хвататься за ошейник, его взгляд безумно метался по лицу Елисаветы.

— Тебе нужно было это? — спросила старуха у Дегара и указала подбородком на аметистовый перстень. — Забирай.

Дегар попытался приподнять цепочку, но она туманом просочилась сквозь пальцы. То же произошло и с Ленаром. По губам Бальтазара скользнула торжествующая усмешка, которая, однако, тут же сменилась гримасой боли.

— Убьем и снимешь с тела, — сказала Лисси.

Король оскалился и прохрипел из последних сил:

— Убьете... и артефакт... разрушится.

— Врешь! — крикнула она.

— Проверь! — каркнул он.

Эви застонала. Она все еще болталась в воздухе и по-прежнему не могла говорить.

— Сейчас, огонек, — отозвался Дегар. — Потерпи.

Но Эви настойчиво привлекала к себе внимание. «Да выслушайте же меня!» — пыталась донести она, и демон понял.

— Сними с нее заклятие! — рявкнул он.

Эвелина грохнулась на пол и застонала теперь уже от боли, но не было времени себя жалеть.

— Лисси, прикажи ему подчиняться мне! Укажи ошейнику, что я его хозяйка. Мы уйдем и заберем Бальтазара с собой.

— Не убьем? — нахмурилась Елисавета.

— Убьем! — пообещала Эви. — Но позже! Нам очень нужен перстень. Это вопрос жизни и смерти!

Лисси задумалась. Она вдруг как-то потухла, снова согнулась.

— Если это спасет чью-то жизнь, я согласна... Рива не смогла спасти, так хоть кого-то другого...

Вздыхнула и громко проговорила:

— То, что сплетено из моих волос, то, чему моя жизнь залог, вот твоя хозяйка! Слушайся ее во всем!

Эвелина ощутила в своих пальцах невидимую нить, с помощью которой можно было управлять ошейником — затянуть или ослабить.

— Мы уходим, — сказала она.

Ноги не слушались, дрожали, но нужно быть сильной. Если Лисси смогла, то и она сможет! Трясущимися руками Эви запахнула плащ, досадливо глянула на белье, комочками валяющееся на полу. Отвернулась: некогда.

— Стражники! — вспомнила она у выхода.

— Обезврежены, — откликнулся Дегар.

Только сейчас Эви заметила, что костяшки пальцев демона сбиты в кровь. Обезврежены — это без сознания или... убиты? Вскинула испуганный взгляд. Снова невинные жизни? Сколько можно?

— Обезврежены, — повторил он мягче. — Отдыхают.

И улыбнулся. Эви разрывало от вопросов и предположений, но все это может подождать. Она дернула невидимую нить. Вроде бы вполсилы, а Бальтазар захрипел и едва не упал.

— За мной!

И мимолетно изумилась про себя: «Мы украли короля!»

Хотя, строго говоря, еще не украли. Пусть стражники на время выведены из строя, но сад полон людей, как проскочить мимо них незаметно? А слуги? Кто-нибудь может увидеть!

Она обернулась за поддержкой к Дегару и Лисси. Эви управляла ошейником, но что делать дальше, не знала.

— Ты незаметно выведешь нас за пределы дворцовых стен, — приказал демон Бальтазару.

Тот посмотрел с ненавистью и отер тыльной стороной ладони кровь с губ. Кровь Эвелины. Недавние воспоминания обожгли мейджи огнем, но она запретила себе чувствовать и думать.

Надо как можно скорее заполучить Ленар. Бальтазар не из тех, кто сдается. Рано или поздно он освободится и отомстит так, что мало не покажется. Нельзя оставлять его в живых, однако и убивать сейчас тоже нельзя.

Правитель Ферранда, видно, тоже подумал о том, что его время придет позже, и отвесил издевательский поклон. Мол, ваша взяла. Пока.

Он повел их за собой вглубь сада, который постепенно становился все более запущенным и диким. У Эви от напряжения скрючились пальцы — так крепко она сжимала невидимую нить. Лишь потом поняла, что поводок никуда не денется, он точно прирос к ладони.

Стихли звуки музыки, осталось только шумное дыхание, шелест листьев и хруст веток. Елисавета запыхалась, но не отставала.

— Я знаю... куда он нас ведет... — сбивчиво проговорила она. — Здесь сад... сливается с лесом...

— Это плохо? — уточнил Дегар, который шагал плечом к плечу с королем и не спускал с него глаз.

— Хорошо. Но я не думала... что он послушается...

— Жить-то хочется! — выплюнула Эви.

Ей нравилось думать, что Бальтазар боится ее. Каково это — знать, что кто-то другой управляет твоей жизнью и смертью? Эви никогда не была кровожадной, но призналась себе, что сейчас без раздумий затянула бы удавку на шее Бальтазара.

— Нет, — качнул головой демон. — Здесь что-то иное.

Бальтазар кинул на него высокомерный взгляд. Даже сейчас этот мерзавец продолжал считать себя выше и умнее их всех. Эви скрипнула зубами и потянула поводок. Хрип высокородного ублюдка прозвучал музыкой для ее ушей.

— Артефакты, — сказал Дегар. — Он пойдет с нами, надеюсь, что в конце заполучит их все.

«Всем нужны артефакты», — с горечью подумала Эви.

Они миновали старый проржавевший остов ворот, которыми не пользовались много десятков лет. Лозы дикого вьюнка почти полностью скрыли железные створки, стены рассыпались и заросли побегими молодых деревьев. За воротами начинался настоящий лес.

Дегар протянул руку, помогая Эви перебраться через груды камней. Плащ все норовил распахнуться, открывая молочно-белую кожу. Мелькнуло в прорехе ткани обнаженное бедро. Эвелина закусил губу, запрещая себе чувствовать что-либо кроме солнца на своих щеках, ветра, запаха растений. Потом. Она подумает об этом потом.

— Я успел? — негромко спросил демон, наклонившись к самому уху, щекоча теплым дыханием.

И не дождавшись ответа, повторил с несвойственным ему отчаянием:

— Я успел, огонек?

Она пожала руку, на которую опиралась, наступая на валуны, и ответила:

— Да.

Лисси Дегар перенес через завал на руках. Она очень устала и, как только демон опустил ее на землю, обессиленно присела на камень.

— Все, дальше сами, а мне нужно возвращаться. Вы с ним справитесь, я верю. Хотела бы я пойти с вами, чтобы своими глазами увидеть его смерть, но... я стану обузой.

— О, Лисси, — прошептала растроганная Эви. Она присела на корточки рядом со старой женщиной, которая еще в прошлом году была юной, беззаботной и счастливой девушкой. — Ты такая смелая! Я бы никогда не смогла! Спасибо тебе за все!

— Вам спасибо. Когда вы подошли ко мне вчера вечером, я решила, что сама Пресветлая прислала вас ко мне. Когда бы я еще добралась до мерзавца, если бы не бал! Может быть, мои годы закончились бы прежде, чем я смогла бы отомстить...

— Да уж, Пресветлая, — улыбнулась Эви, обернувшись на Дегара, который стоял рядом с обычным невозмутимым видом. — Но, Лисси, почему ты сразу не сказала нам, что задумала? А я еще удивлялась, какая нам попалась глупенькая хозяйка. Восхищается жестокостью правителя и ничего другого не желает от жизни, кроме как побывать на балу!

Елисавета посмотрела лукаво, и Эвелина снова разглядела ту хорошенькую и вовсе не глупую девушку, какой та была совсем недавно.

— Я должна была рассказать путникам, которых вижу в первый раз в жизни, что хочу убить законного правителя Ферранда? Представляю ваши глаза! Вы ведь еще не знали, какой он на самом деле...

— Да... — прошептала Эвелина. — Не знали.

Бальтазар, который всем своим видом демонстрировал независимость и успел уйти вперед на несколько метров — насколько позволял поводок, — на этих словах зыркнул на Эви с такой ненавистью, что та невольно закрутила на пальцах нить, повергая его на землю. Бальтазар забился в корчах, хватаясь руками за горло.

— Все, все! — Дегар взял ладони Эвелины в свои, распрямляя скрюченные пальцы. — Все, огонек. Он ничего тебе не сделает. Остановись. Он нужен нам живым. Все...

Так он повторял до тех пор, пока ее руки не расслабились, и она наконец выдохнула.

— Как вы нашли меня? — спросила она у Елисаветы.

Та кивнула на Дегара.

— Он нашел. Я подросла позже, когда он уложил почти всех стражников и расправлялся с последним, и предложила план.

— Отличный план, — искренне похвалила Эви. — Лучший, что можно было придумать.

Лисси сыграла на единственной, возможно, слабости Бальтазара — его самовлюбленности — и выманила его из шатра наружу.

— Спасибо, Лисси, — прошептала Эвелина.

А потом порывисто обняла Елисавету. Могла ли она подумать, что случайная знакомая станет ей так дорога?

— Я никогда тебя не забуду! Хотелось бы мне быть такой же смелой, как ты...

— Ты смелая, Эви, — ответила Лисси и погладила ее по щеке. — Ты даже не представляешь, какая ты смелая.

Шли до темноты. Вел Дегар, с ним рядом брела Эвелина и тащила за собой, как на привязи, Бальтазара. Шли неизвестно куда, лишь бы дальше от города.

— Это бессмысленно, — прошипел им в спину король спустя много часов высокомерного молчания. — Куда ты ведешь нас, отродье? Прямоком в Ашхатар?

И оскалился в ответ на изумленный взгляд Эвелины:

— Ты думала, я не узнаю демона. Да я этих тварей в любом обличье...

Эви натянула нить, прекратив презрительную тираду. А то ишь, голос прорезался!

— Куда мы? — тихо спросила она у Дегара. — Ты знаешь, куда идти? Где искать алмаз?

Он покачал головой.

— Пока нет. Уйдем дальше от Лора на случай погони. Завтра решим. Устала?

Эвелина и сама не знала, устала ли она. Она перестала что-либо ощущать — голод, холод. Даже не сразу поняла, что, уходя, сунула ноги в ботинки и лишь потому не сбила ступни до крови. На вопрос только пожалала плечами.

Привал устроили, когда круглая луна стояла высоко в небе, освещая небольшую поляну. Бальтазар демонстративно ушел на противоположную сторону, и уже спустя минуту у корней дерева запылал жаркий костер. Эви проверила нить: на месте. Не сбежит. А тащить его обратно и любоваться на ненавистное лицо не хотелось. Мимо как заполошный проскакал заяц, но не в сторону леса, а прямоком к королю. Тому оставалось лишь протянуть руку и взять беднягу за уши. Заяц тут же печально обвис, вытянув ноги. Что же, кое-кому не пришлось вставать с места, чтобы раздобыть себе ужин.

— Я так не могу, — ответила Эви на красноречивый взгляд Дегара. — Магии нет... Да и раньше не умела. Ну и пусть жрет. Непотрошенным. Вот.

— Я принесу воды, — сказал демон.

Посмотрел на скорчившуюся в тени девичью фигурку.

— Сначала разведу огонь.

Не сразу, но ему удалось зажечь костер, и пусть в его жилах больше не текло жидкое пламя, демон оставался демоном и умел договариваться с огнем. Или просто Эви хотелось так думать...

Мейджи подседа ближе, кутаясь в плащ. Холодно ей или нет, она не могла понять. Скоро от реки вернулся Дегар, смочив водой варешку: иначе было не донести.

— Полночь, — догадалась Эви. — Иллюзия развеялась.

Правая рука демона выглядела скрюченной и сухой. И Эвелина только сейчас вспомнила о плесени: прежде было не до того. Посмотрела на ладонь. Без Арканара на пальце проклятие стало быстро распространяться, и пятно уже перекинулось на запястье. Саднило.

— Пойдем... — сказала она, пытаясь подняться на ноги. — Надо заставить его убрать плесень.

— Я сам с ним поговорю.

— Но как? Поводок у меня.

Дегар молча скрылся в темноте. До Эви донеслись звуки двух голосов — один был глухой и сдержанный, другой нервный, исходящий злобой. Она пошевелила пальцами, готовясь, если будет нужно, стянуть ошейник. Раздался звук удара, еще один, треск ломающихся веток. Она напряженно вглядывалась во мрак, силясь понять, что происходит.

Вышел Дегар, разминая руку.

Она выглядела нормально, без зелени и высохшей кожи. Пятно на ладони Эвелины тоже растворилось без следа.

— Как тебе это удалось? — вскинулась Эви.

— Поговорил. На том языке, который понимает гхорр-ша...

Слово было незнакомое.

— Не улитка?

— Падаль, — процедил Дегар.

Он хотел обнять Эви, согреть, как в прошлый раз, но она отодвинулась, охватив себя руками.

— Не надо, не трогай меня.

Он кивнул, сел неподалеку. Уже засыпая под уютный треск угольков в костре, Эви то и дело приоткрывала глаза и смотрела на

широкоплечую фигуру, заслонившую ее от холода ночи. Он нашел ее, защитил. Не показал вида, что помнит о словах Эвелины, которые она бросила ему в лицо. «Ненавижу!» — крикнула она. Как стыдно.

Эви открыла глаза в темноте и разрыдалась. В полудреме ей почудилось, что она по-прежнему в шатре Бальтазара, а счастливое спасение ей приснилось. И когда ее подхватили сильные руки, забились, отталкивая их и захлебываясь слезами.

— Это я, — негромко, но настойчиво повторял спокойный голос. — Это я, огонек. Посмотри на меня.

И Эвелина наконец услышала. Она обмякла, цепляясь за шею Дегара, как за спасательный круг. А он стоял и держал ее на руках, потом стал ходить вокруг костра, будто нянюшка, убаюкивающая младенца. Кто знает, может, и демоны нянчат своих малышек, ведь они рождаются обычными слабыми детенышами.

— Я устала, — ответила Эви на вопрос Дегара, который он задал еще днем. — Я ужасно устала. Я больше не могу.

С того дня, как Эвелина покинула Граппу, ее жизнь превратилась в один нескончаемый кошмар. Будто весь мир ополчился против нее: опасность следовала за опасностью, а стоило ей расслабиться хоть немного и поверить в то, что все будет хорошо, очень скоро наступала расплата за самонадеянность.

— Ты сможешь, — сказал Дегар. — Мы сможем.

И он произнес это так убежденно, что Эви почему-то сразу поверила.

— Мы? — переспросила она.

— Вместе.

Эви уткнулась лбом в плечо Дегара и вздохнула. Он сделал еще несколько кругов вокруг костра, а потом, не разжимая рук, опустился вместе с ней на землю. Поправил на Эви плащ.

— Ни диплома, ни магии, ни штанов, — удрученно пробормотала Эви.

И подумала о том, что путешествие в компании дикаря ее совсем испортило — говорит с демоном о штанах и не краснеет. Могла бы она свободно обсуждать с Райли такие вещи? Вряд ли.

— Я скучаю по Райли, — сказала Эви вслух и чуть отодвинулась, чтобы посмотреть на знакомый с детства профиль.

— Скоро все закончится, и Раулар вернется к тебе, — пообещал Дегар.

И снова Эвелина не усомнилась в его словах. Она пока мало понимала психологию демонов, но знала Дегара: он всегда говорил правду, пусть даже иногда от нее становилось больно.

— Хорошо, — прошептала Эви.

Она не сразу поняла, отчего в грудь точно воткнули ледяную иглу. Даже показалось, что заклятие Бальтазара запоздало достигло цели, но нет, магия была ни при чем...

«Я не хочу его терять! — с ужасом осознала она. — Не хочу терять Дегара!»

Эвелина так толком и не уснула, с трудом дождалась рассвета и тут же поднялась на ноги. Дегар, хоть и сидел с закрытыми глазами, немедленно открыл их, будто и вовсе не спал. Зато Бальтазара пришлось распахивать, тот безмятежно дрых, устроив себе постель из лапника. Видно, совесть его не мучила. И подживающий синяк на лице, залеченный магией, тоже не причинял беспокойства.

Эви вчера не могла думать ясно, но утром с ужасом осознала, что Дегар страшно рисковал. Пусть у Эви в руках поводок и власть над жизнью короля, однако магия Бальтазара никуда не делась. Самой Эви он не мог причинить зла: после ее гибели магическая нить стянет горло мерзавца, но Дегара он легко мог ударить заклятием. Почему же не стал?

Бальтазар сел, растирая ладонями опухшую физиономию, потрогал шею, где уже появлялся багровый рубец. Эви не собиралась ослаблять поводок: король не казался опасным, но мейджи ему не верила. Сломленные люди не держат голову так гордо и не смотрят таким вызывающе-спокойным взглядом. Не отпускало ощущение, что это не Эви тащит правителя Ферранда за собой, а он следует своему плану.

— Идем! — приказала она.

— Куда? — изогнул бровь Бальтазар.

Если бы знать куда! Нет ни малейшей зацепки, где искать последний артефакт.

— Вставай! — крикнула Эви, охваченная бессилием.

Король поднялся, но и в этой покорности Эвелине чудилась издевка. Намучаются они с ним!

На груди Бальтазара сиял Ленар — такой близкий и такой недоступный. Абсолютно черный камень отчего-то не поглощал свет, а будто светился сам по себе. Эви вспомнила хранилище и два луча — алый и синий. И зеленый, что потянулся к ним навстречу. Бальтазар перехватил ее взгляд, прищурился.

«А ведь ему тоже нужны артефакты! Потому он такой смирный. Будет молчать и копить злобу, пока мы не раздобудем Гривстринс!»

Три врага стояли на поляне у круга потухшего костра. Дегар сказал, что не навредит людям, но камни для него важнее жизни. Сказал, что отпустит Райли. Но так ли это? Что случится, когда все пять артефактов окажутся в его руках? Или в руках Бальтазара? Хватит ли у Эвелины сил, чтобы противостоять им обоим?

— Дегар, отдай мне артефакты, — тихо попросила мейджи.

— Со мной они в большей безопасности...

— Отдай! — она не дала договорить.

Демон расстегнул куртку и снял ожерелье, на которое надел и браслет, и перстень. Дегар ничем не выдал, что слова Эви задели его, и все же ей сделалось противно от себя самой. Что за глупую игру она устроила? Доверяю — не доверяю. Люблю — ненавижу. Эвелина и рада бы была отбросить сомнения, но демоны столько лет воюют с людьми...

А потом все мысли разом вылетели из головы! Тонкие разноцветные нити потянулись от камней в сторону обсидиана, и тот откликнулся, выпустил навстречу черный луч. Нити переплелись между собой и все вместе указали в одном направлении — на север, в лесную непроходимую чащу.

Никто не произнес ни слова, но по хищному взгляду Бальтазара Эвелина безошибочно определила, что он все понял: луч указывал на алмаз. Последний артефакт, который осталось раздобыть. Неизвестно, как далеко он находится и сколько дней придется провести в пути, ясно одно: путешествие приближается к развязке. Однако вместо облегчения Эви ощутила ужас...

Дегар первый двинулся вперед. Раздвинул ветки, пропуская Эвелину. Бальтазар держался позади, шел почти неслышно, скрываясь за стволами. Шагали в молчании. На плечах Эви лежала тяжелая ноша.

«Дегар не предаст меня... — думала она. — Не предаст...»

Спустя пару часов набрали на исхоженную тропу, Дегар свернул на нее. В дереvушку заходить не стали, прокрались мимо. Вечером хозяйка, вывесившая одежду сушиться, недосчитается потертых штанов и рубахи, принадлежавших ее сыну-подростку. Бальтазар, брезгливо морщась, сдернул с веревки добротную суконную куртку — обладатель вещи явно любил ее, на рукаве обнаружилась аккуратная латка, покрашенная ягодным соком. Эви мысленно попросила прощения за кражу и наложила простенькие чары на огород — в этом году хозяев ждет отменный урожай. Бальтазар с гадкой ухмылкой наблюдал, как она плетет заклинание. Сам он, вероятно, считал, что имущество подданных по праву принадлежит королю.

Эвелина оделась, спрятавшись за кустами, и сразу почувствовала себя лучше. А когда Дегар вынул из-за пазухи теплый каравай — успел умыкнуть с подоконника, куда его положили остудить, — едва не запрыгала от радости. И на короткий миг поверила, что все закончится хорошо. Разве может быть иначе?

Путь оказался неблизким. Тонкая указующая нить, свитая из четырех, постепенно крепла, становилась толще. Эви проверяла направление раз в день. Была бы ее воля, она не приблизилась бы к Бальтазару и на полет стрелы, но, к сожалению, для создания нити необходимы были все четыре артефакта. Пленный король каждый раз смотрел с превосходством, будто Эвелина явилась к нему на поклон. «Ничего, — сердилась мейджи. — Дай только срок, и я найду способ с тобой разобраться!»

Времени в дороге было много, и Эви не тратила его зря. Она думала и думала. Ноги привыкли переступать корни, перешагивать камни, руки сами раздвигали ветки, а голова была занята поиском решения. Как забрать у Бальтазара артефакт?

Думала и о другом, даже размышляла вслух, и Дегар слушал в своей обычной невозмутимой манере, вставляя слова только тогда, когда ему было что сказать.

— Судя по тому, как крепнет нить, мы придем к цели через несколько дней. Я не представляю, куда мы идем... Папа говорил, что изначально Грестринс отдал правителю Риталии, правда, о камне давно уже никто не слышал.

— До границы с Риталией три дня пути, — откликнулся Дегар.

Эви вздохнула: едва ли алмаз явится к ним на блюдечке с голубой каемочкой: придется попотеть, чтобы его добыть. Мало им забот! Но чтобы голова не лопнула от мыслей, рассудила, что стоит решать проблемы по мере их поступления. А главной проблемой оставался Бальтазар.

Мейджи так привыкла к поводку в пальцах, что почти не ощущала его. Однако поводок никуда не делся и король Ферранда тоже — невидимой и неслышимой тенью скользил среди деревьев. У Эви вставали дыбом волоски на коже от его ненавидящего взгляда.

Пробирались звериными тропами, заброшенными дорогами, лишь иногда выходили к человеческому жилью, чтобы разжиться какой-нибудь пищей. Добычей становились прошлогодние яблоки, пучки молодой редиски, круги козьего сыра и ржаной хлеб. Приходилось

воровать. Эви сгорала от стыда и как могла старалась загладить вину. То наполняла водой обмелевший колодец, то подпитывала соком старую яблоньку, да так, что крошечные завязи тут же пускались в рост — осенью будет славный урожай.

Ночь проводили у костра. Эвелина устраивалась под боком Дегара, а тот обнимал ее и укрывал плащом. «Мы согреваемся, — отгоняла Эви непрощенные мысли. — Ночи еще холодные, только заболеть не хватало». А Дегар... Он ни о чем не спрашивал. Если они и разговаривали перед сном, что случалось редко — вымотанная бесконечной дорогой и голодом Эви засыпала мгновенно, — то в основном об алмазе. Собирали по крохам информацию, которая могла пригодиться.

— Папа успел рассказать, что магия алмаза — холод. Не знаю, чем это может нам помочь...

— Не только холод. Грестринс — главный из пяти артефактов, он соединяет их, дает власть.

— Вот как? Значит, только благодаря последнему камню артефакты получают ту самую великую силу?

— Да.

— А соединяет — это значит?..

Эви приподнялась на локте и вопросительно посмотрела на Дегара, тот совершенно по-человечески пожал плечами. Эвелина не удержалась от улыбки.

— Знаешь, если бы я встретила тебя сейчас, то ни за что не отличила бы от человека. Ты теперь вовсе не кажешься куклой... Ты действительно особенный демон.

— Не такой особенный. Я захотел понять вас, поговорить с вами на вашем языке. Все беды оттого, что мы не смогли услышать друг друга.

Разговор скользнул на зыбкую дорогу, и Эви решила его не продолжать. Всему свое время, когда-нибудь она обязательно задаст вопрос, зачем Дегару артефакты. Но не сегодня, когда терпко пахнет сухой хвоей и дымом костра, когда Эви щекой лежит на плече Дегара, а его большая рука накрыла ее бедро, согревая. Эвелина чувствовала себя в безопасности. И пусть сквозь густую листву пробивается алый свет — Бальтазар неподалеку развел огонь, — Эви больше не боялась его.

Так прошло еще два дня. Эви мысленно пролистала все учебники и книги, которые хотя бы раз попадали ей в руки, перебрала все редкие заклинания. Дошло до того, что она как одержимая бормотала вслух: «Ленар зачарован на жизнь Бальтазара. Снять нельзя — он просачивается сквозь пальцы. Убьем — рассыплется прахом...»

Она брела, как слепая, и не заметила, что Дегар встал столбом, влетела в его спину.

— Ай! — Мейджи схватилась за ушибленный нос. — Ты чего?

— Он врёт, — негромко произнес демон.

— Кто? О чем ты?

— О Бальтазаре. Будь это Арканар или Харамон, любой другой артефакт, все было бы просто, но не Ленар.

— Почему? — опешила Эви. Какая-то смутная догадка маячила на краешке сознания, но мейджи никак не могла ухватить ее за хвост.

— Что будет, если ты затянешь удавку на его шее?

— Ну... — Эви моргнула. — Он умрет.

— Нет, не умрет. Что ты знаешь о Ленаре?

— Он... О Пресветлая! — воскликнула она, догадавшись. — Ленар поддерживает жизнь в умершем еще несколько часов! Не знаю, будет ли живо только тело или... Неважно! Заклятие не сработает, потому что Бальтазар будет не жив, но и не мертв. Ленар обретет плотность, но не исчезнет.

Дегар и Эви встретились взглядами.

— Ты должен уйти как можно дальше. Мне Бальтазар не сможет причинить вред, но тебе — да. Я позову, когда все закончится.

— Не разговаривай с ним. Не сомневайся. Сделай то, что должно.

— Обещаю. И сделаю это с превеликим удовольствием!

Демон кивнул. Эвелина дождалась, пока шум и треск веток стал едва слышен, и дернула поводок, принуждая Бальтазара выйти к ней из-за стволов.

Ошейник на шее причинял боль, врезаясь в кожу, подгонял, но когда Бальтазар вышел из-за деревьев, казалось, он сделал это по собственной воле. Шел неторопливо. Его выдавало лишь то, что иногда он тянулся рукой к шее, однако, опомнившись, тут же опускал ее.

Король Ферранда не заслуживал жизни, но то, как он шел на казнь, вызывало уважение. Ведь он наверняка догадался, зачем Эви

отослала Дегара и приказала выйти к ней. Смотрел прямо в глаза. Эвелина не к месту вспомнила демона за секунду до того, как топор палача отрубил ему голову. Он тоже поглядел прямо в лицо Эви. Если бы только она могла отмотать время назад, она бы кинулась с шаткого помоста, заслонила собой, не позволила свершиться несправедливости... Но здесь другое! Бальтазар должен умереть. За Лисси и ее загубленную жизнь, за Рива, за всех, кого он не пожалел. А еще им нужен Ленар.

— На колени! — крикнула Эвелина и дернула поводок.

Только бы не сорвался голос, только бы король не заметил, как ходят ходуном плечи. Изнутри Эви сотрясала дрожь.

Бальтазар не удержался на ногах, рухнул на колени. Его голова оказалась на уровне груди Эвелины, и она заставила себя подойти ближе.

«Не рассуждать. Не думать. Действовать!»

Надо лишь как следует натянуть нить. Это быстрая, милосердная смерть.

— Отвернись!

Бальтазар не отвернулся, медленно покачал головой. Мейджи вздернула подбородок, уставилась на верхушки ясеней, приказывая подступившим слезам закатиться обратно под веки. Что за пытка!

Лес чернел вокруг. Шелестел, скрипел ветвями. Он не осуждал. Не имел права осуждать! Бальтазар заслужил свою участь. И свидетелей не будет — даже Дегар, как договаривались, сдержал слово и ушел далеко в чащу.

Когда Эви снова посмотрела на короля, его лицо почернело. Но он продолжал стоять на коленях, губы шевелились, повторяя одно и то же слово: «Прости». Или Эвелине только хотелось так думать? Ведь он мог бормотать проклятия или на границе жизни и смерти просто не понимал, что происходит.

— Что? — неуверенно переспросила она.

Напрасно! Лучше бы потуже затянула удавку. А Бальтазар стал шарить на груди, сорвал цепь с Ленаром, сжал в горсти и невидяще протянул на раскрытой ладони. Эви коснулась перстня, почувствовала, что камень нагрелся от тепла живого человеческого тела. Пока живого. А еще артефакт сделался осязаемым, можно было забрать камень. Бальтазар недвусмысленно предлагал обмен: его жизнь на Ленар.

— От...пусти...

Вот, значит, как. И вовсе не нужно его теперь убивать.

«Ты обещала Лисси! — прикрикнула на себя Эвелина. — Не раскисай!»

Но, оказывается, задушить человека ой как непросто, пусть даже отъявленного негодяя и убийцу. Из уголка рта Бальтазара потянулась тонкая струйка крови, а губы посинели. Эви содрогнулась.

«Я ведь не палач», — в отчаянии подумала она.

И понимала, что нельзя длить мучения, и решить дело одним махом не могла.

— Я твоя хозяйка, — прошептала она ошейнику, сплетенному из волос несчастной Лисси, и хотела закончить: «Сожмись!», а сказала: — Растворись.

Она выхватила из руки короля Ленар, а сам Бальтазар, надсадно кашляя, упал на землю, вдавился лицом во влажный мох. Только тогда Эви поняла, что натворила. Она освободила могущественного мага, над которым больше не было ее власти.

— О нет...

Эвелина отступила на шаг от корчащегося тела, еще на шаг — и бросилась бежать.

«Прости, Лисси, прости. Я не смогла, не смогла... Я все-таки слабая...»

Бальтазар благодарить не станет, да и не нужна им его благодарность, но пусть оставит их в покое. Пусть возвращается в столицу, ездит на охоту, пирует...

«Отнимает невинность! — подсказал жестокий голос, и звучал он как голос Елисаветы. — Убивает невиновных!»

— Замолчи! — крикнула Эвелина вслух.

Она неслась по подлеску куда глаза глядят. Ветки цеплялись когтями за плащ, хлестали по лицу, оставляя царапины. Каким-то чудом Эвелина не запнулась о торчащие коряги, не угодила ногой в ложбину, не улетела в овраг. Она не вспоминала о Дегаре, не искала его. Он сам догнал ее, схватил в охапку и долго стоял, дожидаясь, пока рыдания стихнут.

Эвелина вжалась лбом в шершавую суконную ткань куртки. Кровоточащие ссадины горели огнем, но Эви была рада этой боли, которая не давала уплыть в забытье. Дегар пах как нагретое на солнце

железо, и она надыхаться не могла этим запахом. Но вот он отстранился и бережно провел кончиками пальцев по ее лицу, убирая налипшие пряди волос.

— Надо умыться, — сказал он.

И все. А Эви ждала укора, хотя бы осуждающего взгляда. Да что там, она заслужила и парочку крепких слов! И приняла бы их с благодарностью.

— Я жалкая слабачка... — выдохнула она. — Не смогла...

— Я знаю. — Дегар не дал договорить, поцеловал горячий, вспотевший лоб.

Эви сжалась от этой ласки, но вместо того, чтобы отпрянуть, скинуть руки, оттолкнуть, вдруг поднялась на цыпочки и нашла ртом теплые губы Дегара. Обветренные, пахнущие травяным отваром и дымом. Она изучала их, пила их, будто целебный напиток, принимала по капле, как самое сильное средство от боли в расплосованной душе. И он отвечал так же нежно, точно касался крыльев бабочки, помня о том, какие они хрупкие.

Эвелина не знала, сколько прошло времени. Она закрывала глаза, и ей казалось, что наступила ночь. Потом сквозь кроны деревьев пробивался солнечный луч, и чудилось, будто снова настало утро. Ветер гладил разгоряченную кожу, шептались травы, в глубине леса затенькала притихшая было птица.

— Не спрашивай, — попросила Эви, пряча лицо на груди Дегара. — Я не смогу объяснить.

Эви надела обсидиановый перстень на палец Дегара, заставила наклониться и застегнула на его шее сапфировое ожерелье. Рубин и браслет с изумрудом оставила себе.

— Вот теперь честно, — улыбнулась она. — Если Бальтазар вернется, кто-то из нас успеет спастись и унести два артефакта.

Король Ферранда страшный человек, а что будет, если в его руках сосредоточится великая сила, о том и помыслить жутко.

Эвелина так привыкла, что темная фигура крадется за спиной, прячась в тени деревьев, что и теперь нет-нет да оборачивалась. Ей мерещилось, что она замечает краем глаза движение: то качнется ветка, то вспорхнет пичуга. Но то был лес, живущий своей жизнью. Бальтазар ушел.

Разноцветная нить, сплетенная из четырех, уверенно указывала на север. Границы между королевствами Пяти Лепестков были условными, и по расчетам Эви путники ступили на территорию Риталии еще утром. Лес ничуть не отличался от леса Ферранда, те же лиственные деревья, но сделалось ощутимо холоднее, так что Эви сунула зябнущие руки в рукава, соорудив из них подобие муфты, и даже Дегар застегнул куртку.

— Я думала, что Риталию называют северным королевством просто для красоты. Ведь Пять Лепестков еще зовут Южным Цветком, — рассуждала Эви. — Говорят, дальше лежат земли, где почти не бывает лета... Но они далеко, очень далеко. Почему же так холодно? Ведь конец весны.

Дегар молчал. Да что тут скажешь? Эвелина и сама не знала ответа. Почему светит солнце, на небе ни облачка, а мороз пробирает до костей, разве что пар изо рта не идет. А самое удивительное, что с каждым шагом путники точно возвращались в зиму.

Листья уменьшались, сжимались, пока не спрятались обратно в почки. Пышная трава, в некоторых местах успевшая вымахать до пояса, делалась все ниже — до колен, до щиколоток, а потом будто втянулась в землю. Они брели по пустому обнаженному лесу,

застывшему в вечном зимнем покое. Лишь на юге виднелась зеленая дымка, окутавшая деревья.

— Это неправильно, — прошептала Эви. — Это магия!

— Это Грестринс, — кивнул Дегар. — Мы близко.

Так вот он какой — артефакт, чья сила холод! Он куда могущественнее своих братьев.

— Не понимаю, здесь нет ни города, ни хранилища. Не мог ведь правитель Риталии просто оставить его в лесу?

Дегар качнул головой: он думал.

— С другой стороны, — продолжала Эви, — едва ли он обрадовался такому подарочку. Холод хорош для погребца, чтобы вино не испортилось, а когда в погреб превращается дворец ...

Она замолчала. Путники остановились, одновременно увидев ледяную гору. Впрочем, горой заброшенный храм, покрытый инеем, казался только в первое мгновение. Серые стены потрескались от времени и холода, провал входа оплели мертвые ветви. Сквозь щели наружу проникало сияние, а еще Эвелина ощутила зов. Алмаз взывал к своим братьям.

— Он там, внутри, — хрипло проговорила она. — Неужели? Так просто... Просто зайти и взять.

Она шагнула вперед, но Дегар преградил путь рукой.

— Не может быть просто. Любой мог найти и забрать. Случайный путник. Маг. Но Грестринс до сих пор скрыт ото всех.

И правда, стал бы король, к которому в руки попал артефакт великой силы, бросать его в лесу на произвол судьбы? Эвелина обреченно вздохнула. Когда бывало просто?

— Держись позади.

Ишь, раскомандовался! Но Эви в кои-то веки не стала спорить и покорно спряталась за широкую спину. Еще немного — и это начнет ей нравиться!

Первый неприятный сюрприз ожидал сразу у входа. Выбеленный временем человеческий скелет врос в землю, Эвелина поначалу приняла череп за причудливый камень, но потом разглядела пустые глазницы, редкие желтые зубы — бедняга, нашедший здесь последнее пристанище, был немолод. Как его занесло на руины? Кем он был — охотником за древностями или бродягой? Теперь не узнать.

Внутри было светло, не придется тратить силы на создание шарасветильника. Магический резерв полон, но пока не стоит размениваться на мелкие заклинания. Что-то подсказывало Эвелине, что магия еще пригодится.

С того места, где сейчас стояла мейджи, она видела каменный коридор, увенчанный сводчатым потолком. Коридор поворачивал, а что там за углом — не разглядеть. Изнутри разрушенного храма веяло мертвенным холодом, так что дышать было больно.

Дегар снял куртку, и не успела Эвелина удивиться, как он напялил ее на мейджи поверх плаща, сам остался в холщовой рубаше, по обыкновению повел плечами, готовясь к бою. Поддел сапогом землю, наклонился и поднял узкий кинжал, некогда принадлежавший незадачливому путнику. Кинжал оказался не из простых: рукоять украшали самоцветы, а лезвие почти не заржавело. Кто бы ни убил несчастного, это явно был не человек: грабитель бы унес дорогой кинжал с собой.

— Ты замерзнешь!

— Я воин, ты маг. Мне нужна свобода движений, а тебе ловкие руки. — Дегар улыбнулся, когда по глазам Эви понял, что говорит в своей обычной демонской манере: «У меня есть рот, и я в него ем!» — Ловкие, а не дрожащие от холода, огонек.

И, не дожидаясь возражений, притянул Эви к себе за полы куртки и поцеловал.

— Научила на свою голову, — пробурчала Эвелина, пряча счастливые глаза.

— Я быстро учусь, огонек.

Однажды зимой, когда Райли и Эви было по двенадцать лет, Адриан Соль потехи ради соорудил для ребят ледяную избу. Стены были сложены из ледяных бревен, внутри стояла ледяная печь, в которой горело синее, морозное, пламя. Сотворил и стол, и лавку, и молочное лакомство в мисках, и холодный, пощипывающий нёбо, пузырящийся напиток. Детей укутали в шубы и только тогда отпустили в дом, да и то привыкшие к уюту наследник и дочь артефактора скоро запросились назад: съели лакомство, полюбовались на огонь, и им стало скучно.

Эвелина, шагнувшая в призрачное сияние, разливающееся под сводами заброшенного храма, и рада бы была повернуть назад, тем

более что руки моментально заледенели и за порогом ожидало не угощение, а неведомая злая сила. И рада бы, да никак. Она больше не маленькая девочка, укрывшаяся за спиной отца. Адриан Соль, пусть и вышел на покой, всегда помогал советами, подсказывал. Эвелина с грустью призналась самой себе, что, хоть она и гордилась успехами в качестве помощника короля, на самом деле настоящим королевским артефактором оставался отец. Так и тащил бы все на своих плечах, если бы не поворот судьбы, перевернувший жизнь Эви. Она больше не маленькая девочка. Никто не придет на помощь, когда она выйдет на битву с... С чем? Мейджи пока не знала.

Она оглядывалась, надеясь увидеть подсказку, но стены, покрытые белым налетом, безмолвствовали. Дегар шагал впереди, держа кинжал наготове. Эви за ним, готовясь прикрыть магией, если придется.

Коридор закручивался в спираль и одновременно уходил все ниже — точно гигантская пустая раковина улитки, зарытая в землю.

«Улитка!» — мысленно хихикнула Эви, хотела поделиться шуткой с Дегаром, но не успела: поднялся ветер, засвистел, загудел, мечась между узких стен, завыл, сбивая с ног.

Эвелина шлепнулась на колени, и ее поволокло наверх — такой силы был ветер. Она закричала и сама не услышала себя в этом вое. Неведомая сила выталкивала их прочь.

Дегар с трудом стоял на ногах, шагал, наклонившись вперед, но как-то слышал, почувствовал. Он обернулся, схватил Эви за шиворот, поднял и поставил рядом с собой.

И снова мейджи от растерянности не сразу сообразила, что она не принцесса, которую нужно спасать: спасать должна как раз она. Пора вспомнить, что она не зря пять лет протирала штаны в Академии.

— Держи меня за талию! — крикнула она в ухо демона. — Толкай перед собой!

Тот послушался без лишних разговоров. Обнял, прижал спиной к себе. Эви потеряла ладони друг о друга, согревая — пальцы совсем окоченели и потеряли чувствительность — и выставила перед собой лодочкой, создавая щит. Такой много энергии не забирает, а беснующийся ветер теперь разбивался о преграду, обтекал с двух сторон.

Идти стало намного легче. Виток. Еще виток. В какой-то момент ветер сдался и стих. Эви даже потопала ногами, чтобы убедиться, что не оглохла: тишина после душераздирающего воя накрыла будто колпаком.

Обороты спирали становились все уже. Еще немного, и путники выйдут в сердцевину. Что ждет их там?

Они так и ввалились в круглую белую комнату с низким потолком, как шли — Дегар обнимал Эви одной рукой за талию, а в другой сжимал оружие. А Эви держала ладони на весу, чтобы не тратить время на подготовку и тут же сплести нужное заклинание.

Здесь было светло, точно днем: сверкали кристаллики снега на стенах, сияло множеством граней ледяное ложе. В центре ложа мерцал, искрился прозрачный камень, и казалось, будто стены и сам воздух пульсируют вместе с ним.

— Гристринс... — выдохнула Эвелина.

Вот же он, стоит только протянуть руку. Но сначала нужно осмотреться. Дегар понял, что мейджи не собирается сломя голову нестись к артефакту, и отпустил ее.

Они подошли и встали в шаге от желанной добычи. Гристринс выглядел беззащитным и неопасным, зато все остальные артефакты принялись пульсировать в такт с алмазом. Верно говорили, что он главный: Эви ощущала, как густеет в пространстве вокруг нее могучая сила. Даже плохенький и слабый маг станет великим, овладев пятью артефактами. И очень захотелось взять все пять камней в руки, почувствовать, как по венам течет магия. Да такая, что можно горы свернуть!

«Возьми меня! — пел Гристринс. — Завладей мной!»

Эви и сама не заметила, как покачивается в такт мелодии, которую слышала только она. Сделалось вдруг тепло, уютно, будто кто-то набросил на плечи меховую накидку. Веки потяжелели.

— Ты мой... — прошелестели губы. — Только мой. Никому не отдам...

Свет померк. И во тьме кто-то двинулся навстречу. Чужой, злой, опасный. Враг. Хочет забрать камень. Убить. Убить!

— Эвелина, очнись! — прорезал мрак знакомый голос.

Знакомый? Откуда она его знает? Да и нет здесь никого. Только чужой. Надо защитить Гристринс!

Комок плазмы сам сорвался с руки, с грохотом разбился о стену. Чужой успел отскочить. Ничего, далеко не убежит!

Щеку обожгло пощечиной. Ах ты тварь! Где ты, враг? Прячешься? Отступаешь в тень? Жалкий трус! Выходи!

Враг подкрался со спины, обхватил, прижал руки к бокам — теперь не сплести ни одного заклинания. Эвелина зарычала, будто дикая кошка, завертелась ужом. Зубы сами нашли теплое, мягкое, сдавили, так что во рту стало солоно. Враг прерывисто втянул воздух. Ага, больно? Еще не так будет больно!

— Эвелина! Огонек! Услышь меня!

Огонек? Что-то дрогнуло в груди при этом слове. Кто так ее называл? Он... дорог ей? Где он?

Но едва хватка врага чуть ослабла, Эви зашипела, вывернувшись из объятий, закрутилась юлой, разбрасывая во все стороны острые воздушные стрелы. Враг приглушенно вскрикнул: значит, одна настигла цель. Но и магия таяла на глазах. Осталось разве что на пару заклятий.

А чужой все еще был жив. Кружил поблизости. Крался. Ждал, пока мейджи ослабнет. Эвелина завывала от бессилия и ярости. Убить. Убить. Пока он не забрал Грестринс!

Она шарила руками, надеясь нащупать врага, но тот ускользал. Неуловимый, быстрый, ловкий. Хоть и большой. Да, большой и сильный. Эви шла по пятам, а все не могла настигнуть.

В какой-то момент неловко оступилась и поняла, что чужой снова скользнул за спину. К горлу прижался холодный металл — лезвие кинжала. Из крошечной царапины выступила капелька крови, потекла по шее. Щекотно. Эвелина хихикнула, глядя перед собой незрячими глазами.

Ну вот и все. Чужой убьет ее. Или она убьет чужого. Останется только один. Потому что стоит врагу опустить кинжал, как Эви не даст спуску. Чужой так близко, что не уйдет от смертельного заклятия. Она не промахнется. Нет.

— Эвелина, — тихо произнес на ухо знакомый — да где же она могла его слышать? — голос. — Огонек... Любимая моя...

Эвелина попыталась пошевелиться, но руки были крепко прижаты к телу. Нет, не получится ударить «Секирой», а заклятие она уже сплела и держала наготове в сведенных от усердия пальцах.

Чужой содрогнулся, будто изнутри его терзала жестокая боль.

— У меня нет выхода. Я должен... Я должен!

Он повторял и повторял, что должен. У Эви перед глазами вдруг возник образ демона и топор палача, занесенный над его головой. Кто этот демон? Зачем он пожертвовал своей жизнью? Неужели жизни не жаль? Что может быть настолько важным?

Лезвие чуть сильнее продавило кожу, было уже не щекотно, сделалось страшно. Страх пробивался сквозь темноту, окутавшую мысли.

— Больно... — прошептала она.

Чужой застонал. Он тоже страдает?

— Умирать не больно, огонек. Это быстро. Я буду держать тебя. Я буду рядом.

Эви почувствовала прикосновение губ к своему виску. Чужой дышал тяжело и трудно. Все мышцы в его теле были напряжены, и особенно рука, которая стискивала рукоять кинжала. Эвелина знала, как это будет — один глубокий порез, и ее укроет спасительное небытие.

А потом... Рука разжалась, и кинжал ударился о камни.

— Не могу, — выдохнул чужой. — Даже ради всего мира.

Эви была свободна. Она так долго копила напряжение, что ударила «Секирой» мгновенно, не разобравшись, куда бьет. Но следом услышала стон и звук падающего тела. Попала! Пусть до доньшка исчерпала магию, но попала! Чужой умрет!

Вот только Эви не испытала облегчения и радости от победы. С кем она боролась? Все казалось неправильным. Эвелина стояла одна в черной пустоте, не зная, куда теперь идти и что делать.

«Любимая моя...» Кто это сказал? И почему так ноет душа?

Эви шагнула наугад и споткнулась обо что-то, лежащее на полу. Нагнулась. Руки коснулись влажного, горячего. Чья-то шершавая теплая ладонь погладила ее пальцы. Так нежно, будто трогала лепестки цветка... Так же бережно к ее губам прикасались мужские губы.

И одно за другим зажглись в темноте воспоминания. Кто-то держал ее на коленях и кутал в плащ. Поил из своих ладоней. Заслонял собой. Кто-то называл ее Огоньком. Кто?

— Дегар... — всхлипнула Эви, падая в бездонную яму ужаса, потому что только теперь поняла, с кем сражалась и кого одолела.

Гристринс действительно оказался силен, так быстро он подчинил мейджи своей воле! Эвелина осталась бы блуждать в вечной мгле, натываясь на стены, пока не обессилела бы и не умерла.

Но одно имя выдернуло ее из тьмы. Ночь взорвалась светом. Гристринс больше не пел, чары спали, алмаз покорился.

Эви замотала головой, сбрасывая остатки морока. Она стояла на коленях на полу белой комнаты, и на снежных кристаллах особенно четко видны были алые пятна. У ее ног распластался раненый Дегар.

Хотелось кричать, плакать, звать на помощь. Столько крови!

«Никто не придет! Сама, Эвелина, сама! Ты знаешь, что делать!»

Мейджи закусила дрожащую губу и осмотрела ранения. Самое страшное от «Секиры». В последний момент Дегар успел уклониться, но все равно заклятие раскроило плечо до кости, задело грудь. Воздушная стрела пробила бедро. И еще укус на шее. Эви снова ощутила во рту солоноватый привкус. Замутило.

— Я сейчас. Сейчас, — зашептала она, разрывая рубашку, чтобы добраться до глубокого пореза. — Потерпи, мой хороший.

«Всю магию потратила... Остались жалкие крохи...»

Дегар поймал Эви за рукав и попытался что-то сказать, но губы не слушались. Эвелина осторожно оттолкнула его руку, чтобы не мешал работать. Потом, все потом.

Стянула края раны: сейчас главное — остановить кровотечение. Резерв был пуст, но мейджи черпала неприкосновенный запас. Сердце заметалось, в глазах потемнело. Сейчас, сейчас, Дегар. Да помолчи ты, глупый. Не надо разговаривать. Знаю, что больно.

Кое-как срастила порез.

— Ничего, — бормотала она. — Ничего. Сейчас отдохнем немножко и пойдем. Потихоньку. Шаг за шагом. Я разведу костер. Ты поспишь. Мой хороший, мой милый...

Дегар упорно старался поймать ее взгляд и произносил одно и то же слово. Эви наклонилась и прислушалась.

— Грис...тринс...

Гадский артефакт. Эвелина обернулась и с ненавистью посмотрела на алмаз. Сколько бед от тебя! Но Дегар прав: надо забрать камень.

Эви поднялась на ноги, пошатнулась. Она чувствовала себя слабой, как котенок. И в голове шумит. Такой странный шум — похож на звук шагов.

Высокий человек, пригнувшись, зашел в белый зал. Огляделся. Зло рассмеялся.

— Отличная работа! Вы все сделали за меня!

— Бальтазар!..

Эвелина шарахнулась, закрыв собой Дегара, а тот принялся подниматься, тяжело дыша сквозь сомкнутые зубы.

Король Ферранда, живой, здоровый, полный сил — даже шрам на шее затянулся, — встал перед ледяным постаментом. Лениво перебрал в воздухе пальцами, соткав смертельное заклятие.

— Жаль, что так и не попробовал тебя на вкус, девочка, — гадко усмехнулся он. — Но времени нет.

— Стой! — закричала Эви. — Я Эвелина Соль, королевский артефактор. А он — Его Величество Раулар Карнаэльский Третий. Ты убьешь короля.

— Грязного демона, который занял его тело, — выплюнул Бальтазар, но взгляд сделался неуверенным.

— Райли все еще здесь! Ты убьешь правителя Карнаэля. Такое даже тебе не сойдет с рук, если Магистерииум узнает!

— Что же... — Бальтазар помедлил, но опустил руку. — Он все равно труп.

А потом, будто разом потеряв интерес, он отвернулся и легко снял с ледяного постаamenta алмаз. Подбросил его на ладони, расхохотался.

— Ты ведь не знаешь, на что способен Грестринс, Эвелина Соль, королевский артефактор.

Эви совсем не понравилось веселье в его голосе. Интуитивно она натянула рукав на запястье, пряча изумруд. Придется вступить в неравную схватку. Однако Бальтазар не двинулся с места, стоял и щурился, будто кот, увидевший сметану. Потом поднял Грестринс над головой.

— Ко мне, — приказал он, не повышая голоса.

Первым сорвался, оцарапав кожу, Арканар. Бальтазар играючи поймал его на лету. Щелкнула застежка браслета. Олгун, как живой, змейкой юркнул у ног.

— Дегар, держи артефакты! — крикнула Эви.

Сапфировое ожерелье вертко выскользнуло из пальцев. Дегар сжал кулак, удерживая Ленар, но тут же замычал от боли: обсидиановый перстень сломал ему палец, вырываясь на свободу.

Бальтазар хохотал, стиснув в горсти все пять камней. Арканар, Харамон, Олгун, Ленар и Грестринс, которые Эви и Дегар добыли с таким трудом. Которые принадлежали им по праву.

Забавляясь беспомощностью врагов, Бальтазар неторопливо нанизал артефакты на ожерелье, надел на шею.

— Я пожалела тебя. Оставила тебе жизнь! — крикнула Эви. —
Надо было убить!

— Надо было, — с улыбкой согласился король Ферранда.

Лил дождь. Теплый, щедрый дождь. Питал землю, давал силы острым иголочкам травы, которые успели проклюнуться за те два часа, что Эвелина и Дегар медленно и мучительно шли к выходу из темного подземелья.

Свет померк, как только Бальтазар покинул заброшенный храм, унося с собой добычу — пять магических камней. В эхе его шагов Эви еще долго мерещился жуткий смех.

Дегар тяжело опирался на плечо мейджи и упорно шел вперед. Он не произнес ни слова с тех пор, как они с Эвелиной остались одни, лишь иногда с губ срывался приглушенный стон.

Они добрались до дерева, и только тогда Дегар потерял сознание. Эви укрыла его курткой, укутала плащом, положила его голову к себе на колени, оперлась спиной о ствол и застыла, глядя в пустоту.

С тех пор как магия Гривстринса перестала действовать, стало заметно теплее. А потом начался ливень. И тогда Эвелина наконец заплакала, ведь можно было спрятать слезы в струях воды. Она глотала их вместе с дождевыми каплями, гладила Дегара по влажным волосам и, наклонившись над его лицом, укрывала от непогоды.

В сказках, которые в детстве ей читал папа, герои сталкивались с тяжелыми испытаниями, но все равно выходили победителями. Убивали чудовищ, добывали чудесные артефакты, спасали принцесс.

— Папа, почему ты никогда не говорил мне, что бывает иначе? — прошептала Эви. — Что злодей может сразить героя и забрать сокровище. И никто не придет на помощь...

Знакомое с детства лицо короля сейчас выглядело совсем юным. Эви затопило чувство вины от того, что она только теперь вспомнила о лучшем друге. Ведь не один Дегар серьезно ранен, но и Райли. Если она не найдет способ помочь — а всей силы мейджи не хватило бы, чтобы излечить магические раны, — то потеряет обоих. Сколько еще продержится сильное, молодое, но все-таки обычное смертное человеческое тело?

Вернуть артефакты Эви и не надеялась: это невозможно. Сразить Бальтазара — все равно что свернуть гору. Один раз им повезло,

спасибо Лисси, но теперь Пресветлая махнула рукой на свою непутевую дочь: разбирайся сама.

— Помоги нам, — взмолилась Эвелина, глядя на прозрачные струи дождя: ведь всем известно, что это прекрасная богиня укрывает землю своими волосами. — Помоги... Я запуталась. Я не знаю, как быть...

Эвелина подняла лицо вверх, подставляя под капли, и ей казалось, что Пресветлая гладит ее по щекам прохладными руками. А потом кожи коснулись горячие пальцы.

— Дегар! — Эви прижала горящую лихорадкой ладонь к своим губам. — Ты очнулся!

Демон молчал и смотрел-смотрел на Эвелину долгим темным взглядом. Она вздрогнула и сжалась. Видно, слова о любви померещились ей, были мороком, как и все остальное. Да и за что ее любить — бестолковую неумеху, которая только и делает, что влипает в неприятности. Дегар жалеет, что не убил ее, не забрал артефакты и провалил миссию.

— В нашем языке есть слово, которое нельзя перевести на язык людей. Оно означает и дом, и огонь, и солнце — все то, без чего невозможно жить, — хрипло проговорил Дегар. — Еще оно означает сердце. Арасаар.

Эви боялась вздохнуть и упустить главное, она пока не понимала, о чем говорит Дегар. Может быть, бредит? Поэтому смотрит так странно. Не узнает?

— Дегар, это я. Эви. Ты видишь меня?

— Вижу. И хочу запомнить навсегда. Когда я окажусь на темных полях Джалгарра, я сумею разжечь костер из этого воспоминания. Ведь по ту сторону смертной тени нас согревает только то, что было действительно дорого. Моя Арасаар. Любимая.

Эвелина разрыдалась, обняла Дегара, принялась целовать горячие губы. Дегар плавился в лихорадке, а у Эви пока совсем не было сил, чтобы облегчить его боль.

— Не оставляй меня, — шептала она. — Не оставляй. Ашарр саар. Будь сильным!

— Буду рядом, сколько смогу, огонек...

Дегар снова провалился в забытие, а Эви по крупицам копила магию и тут же превращала ее в целительные заклинания. Они

поддерживали жизнь, но были слишком слабыми, чтобы вылечить. И все-таки демон стал дышать ровнее, и жар немного спал.

Когда он очнулся во второй раз, то сразу попытался встать.

— Куда ты? Немедленно ложись! Ты едва стоишь на ногах!

— Надо идти.

— Куда же?

Дегар поднялся, опираясь на ствол. В лице ни кровинки. Сквозь наспех наложенную повязку, вымокшую от воды, проступает кровь. Он с трудом разлепил губы:

— В Ашхатар. Предупредить.

Посмотрел Эви в глаза: «Нет сил объяснять, но ты ведь поняла?» Эви поняла.

— Бальтазар, — выдохнула она.

И вспомнила строки писем, которые сочлились ненавистью к «рогатым исчадиям». Так вот зачем правитель Ферранда собирал артефакты — одним махом уничтожить Ашхатар и положить конец войне... Не предаст ли Эви людей, если поможет Дегару?

«Нет, — твердо сказала она себе. — Так нельзя. Неправильно уничтожать целый народ! Они любят, растят детей, радуются и страдают. Просто мы не поняли друг друга...»

— Пойдем, — кивнула она и подставила плечо.

Им не опередить Бальтазара: в его распоряжении армия, быстроногие скакуны, магия левитации и мощь пяти артефактов, а они ползут черепашьям шагом. Но Дегар будет идти вперед, пока в груди бьется сердце. Это все, что он мог сделать для своего народа.

Эвелина брела и представляла, как жалко они выглядят со стороны. Бальтазар бы животик надорвал от смеха. Плащ и куртку она кое-как выжала и подсушила магией, заставила Дегара одеться: его трясло.

— Ничего, — бормотала она. — Мы дойдем. Обязательно дойдем. Скоро отыщем ручеек, напьемся, а потом и до деревушки доберемся. Все будет хорошо.

«Ничего не будет хорошо, — обреченно думала она. — Все сказки врут. Жизнь жестока и несправедлива. Верность и благородство ничего не значат, а мерзавцы получают все... Зачем тогда жить?»

Эвелина так вымоталась, что ничего не видела вокруг: смотрела под ноги, только бы не запнуться о торчащий камень и не упасть,

увлекая за собой Дегара. Если упадут — больше не поднимутся. Поэтому она до последнего не замечала, что их окружил отряд егермейстеров, а магистра Куина увидела лишь тогда, когда тот подошел вплотную.

— Хватит бегать, — жестко сказал он. — Всё.

Удивительно, но Эви почувствовала облегчение. Всё так всё.

Эвелина сидела на земле и безучастно наблюдала, как егермейстеры разворачивают палатки. Вид у них был потрепанный и уставший: магистр Куин не давал отдыха, гоня по лесу за беглецами. Вышел на след и шел по нему, как ищейка.

Мужчины развели костер, поставили вариться похлебку. Они перешучивались, перебрасывая друг другу флягу с ромом. Магистр Куин не участвовал в веселье, но и не препятствовал, понимал, что парни заслужили. Сам стоял в стороне и следил за тем, как устанавливают лагерь.

Начальнику отряда и пленникам отвели самую просторную палатку. Двое магов подступили к Дегару, собираясь отволочь его под крышу, но тот сжал челюсти и пошел сам. Только Эви знала, каких усилий ему это стоило.

Благодаря магии внутри было тепло и сухо, лежали циновки и одеяла.

— А где же крючья? И жаровня с углями? — процедила Эви, трясаясь от страха и отвращения.

Она прижалась к Дегару, обняла, хоть и понимала, что бесполезно: отбросят прочь, как тряпочку, когда дело дойдет до допроса.

— Сядь! — рявкнул магистр Куин. — Оба сядьте! Иначе действительно принесу горящее полено из костра — не хуже углей!

Дегар подчинился, не отпуская от себя Эви. Он не сводил внимательного взгляда с командира егермейстеров, готовый бороться до последнего, если придется.

Магистр Куин, ругаясь под нос, вышел прочь, вернулся меньше чем через минуту, неся в руках миску, от которой поднимался ароматный мясной дымок. У Эви от голода скрутило желудок: они не ели горячей пищи несколько дней. Она сглотнула и ткнулась носом в плечо Дегара. Нет, она не унижится до того, чтобы выпрашивать еду.

Егермейстер сунул миску в руки Эвелины, и та от неожиданности едва не расплескала варево. Протянул оловянную ложку.

— Ешь!

— А Дегар?

Магистр Куин вопрос проигнорировал, но и вырывать из рук Эви ложку, когда она осторожно поднесла похлебку к потрескавшимся губам демона, не стал. Дегар покачал головой и отстранился.

— Пожалуйста, поешь, — умоляюще прошептала мейджи. — Кто знает, что нам еще предстоит. Тебе нужны силы. Подумай об Ашхатаре!

Это подействовало: долг перед народом оказался сильнее унижения. Похлебка была отличная — густая, мясная, приправленная экстрактом Стосила и капелькой магии. Эви не обманывалась по поводу благих намерений магистра Куина: пленников накормили только для того, чтобы не умерли до пыток. Она облизала ложку, положила ее в миску и расправила плечи: пора готовиться к худшему.

Но магистр не торопился приступать к мучениям. Он присел на корточки, свесив руки между колен, и разглядывал беглецов со странной смесью жалости, злости и уважения.

— Поверить не могу, — пробормотал он. — Неподготовленные, слабые, без помощников... Вы заставили меня больше месяца гоняться за вами по всем королевствам Южного Цветка.

— Не по всем, — буркнула Эвелина, глядя исподлобья.

Магистр Куин покачал головой, будто хотел сказать: «Она мне еще и перечит!»

— Над моими рапортами хохотал весь Магистериум. А главное, я ничем не мог объяснить, как вы двое умудряетесь снова и снова уходить от преследования!

— Ну вот ты и поймал нас! Радуйся!

— Дерзкая же ты девица, Эвелина Соль! Укоротить бы твой острый язык!

Дегар сжал кулаки и попытался подняться, но Эви обняла его, удерживая на месте.

— К чему все эти разговоры? — устало спросила она: дерзкая девчонка вдруг отступила в тень и на ее место встала повзрослевшая Эвелина. — Я ведь знаю, что будет дальше. Нас доставят в Каззар,

Дегара станут пытаться, меня посадят за решетку до конца жизни... Можно нам немного покоя? Хотя бы этой ночью.

Магистр Куин прищурившись разглядывал собеседницу. Потом так же внимательно посмотрел на Дегара.

— Душа короля Раулара действительно еще жива в этом теле?

— Да, — односложно подтвердил демон.

— Да! — воскликнула Эвелина. — Все это я делала для того, чтобы его спасти!

— И артефакты собирала поэтому?

Конечно, он все знал про артефакты. Эви не стала отпираться, кивнула.

— Хорошо. А зачем их собирал он? И почему ты ему помогала? Что связывает вас двоих?

Эви моргнула. Как много вопросов. И ни на один из них она не знала правильного ответа. Каким невыносимым узлом завязалась ее судьба, чтобы Эвелина Соль, королевский артефактор, примерная девочка, отличница и папина дочка, оказалась в палатке егермейстера в качестве преступницы и защищала не кого-нибудь, а демона.

— Это допрос? Если так, несите угли. Или поленья. Что там у вас?

Она не шутила, не грубила, говорила серьезно, и магистр Куин это понял.

— Принесу, если понадобится, — ответил он так же честно. — Но пока надеюсь, что разговор не превратится в допрос. Мне важно знать, можно ли вернуть Его Величество Раулара Карнаэльского. И если ты, мейджи Соль, сказала мне правду, ты тоже хочешь его спасти. Так?

Эвелина сглотнула. Растерянно обернулась к Дегару.

— Хочу... — прошелестела она, всхлипнула и кинулась на шею к демону. — И не хочу...

Дегар поцеловал ее в лоб и отодвинулся не сразу, точно хотел растянуть это мгновение, запомнить его навсегда.

— Я расскажу, как вернуть Раулара. И... расскажу, зачем мне понадобились артефакты. Дальше решать вам.

Эви не верила своим ушам: неужели она узнает правду? Спустя столько времени!

Дегар провел ладонью по бледному лбу, блестящему от пота. Ему бы прилечь, отдохнуть, он едва сидел, говорил — и то с трудом. Эви

примостилась рядом, чтобы он мог на нее опереться.

— Вас не удивляло, что в центре плодородной долины безжизненная пустошь? — неожиданно спросил Дегар. — Леса, реки, озера и вдруг — каменная и мертвая степь?

Магистр Куин воззрился с изумлением, которое, впрочем, сменилось профессиональным интересом.

— Не забывай про степи Коргистана, не припомню лесов на их территории, — ответил он так, будто егермейстер и демон только для того и собрались, чтобы потолковать о климате.

— Степи Коргистана — побочный эффект от... Хм... Хорошо, скажу прямо. Вы называете Ашхатар Паршой и Плесенью, но парша появилась на ваших землях гораздо раньше, чем мы — сыны и дочери Джалгарра.

Магистр Куин подался вперед, впитывая каждое слово. Нюхом чуял, что Дегар подступает к важному.

— На языке людей так мало слов, чтобы объяснить... Представьте, что есть десятки миров, они совсем близко, но перейти из одного в другой непросто, почти невозможно. Они... как яблоки, которые лежат рядом в одной корзине.

Дегар мимолетно улыбнулся, и Эви подумала, что он вспоминает Лисси и яблоки из ее сада.

— Представьте, что на одном из них завелась черная плесень и она уничтожает яблоко. Яблоко темнеет, гниет и заражает соседнее яблоко. Между ними возникает связь. И если бы внутри яблока жили...

— Улиточки, — прошептала Эвелина.

Время для шуток совсем неподходящее, но ей так хотелось, чтобы Дегар снова улыбнулся, пусть и такой глупой шутке. И он улыбнулся.

— Лягушки, — хмыкнул он.

Магистр Куин молчал, но неповторимое выражение его лица весьма красноречиво вопрошало: «Что за зверинец? Вы ополоумели?»

— Если бы внутри яблока жили лягушки, они бы перебежали на здоровое яблоко, спасая свою жизнь. Но оно уже заражено. Из одного маленького пятна гниль расползается во все стороны.

— И бежать улиткам или лягушкам больше некуда, — подытожил егермейстер.

— Но мы помним, что у нас целая корзина с яблоками. Вот только первым на здоровое яблоко проникает гниль. И все повторяется

заново. Вы понимаете меня?

Дегар поднял темные глаза на магистра Куина, посмотрел в упор, а тот все сильнее хмурился. Только Эвелина пока не улавливала сути: мысли после утомительной дороги витали где-то далеко.

— Безжизненная пустошь нашего мира, — медленно проговорил егермейстер. — Это пятно плесени, которая проникает к нам из другого мира? Сначала появилась она, и только потом вы. Крысы, бегущие с тонущего корабля!

— Мы договорились называть их лягушками, — горько усмехнулся Дегар. — Или сынами Джалгарра, если угодно.

— А плесень — это?..

Магистр Куин еще ни разу не терял самообладания, он не растерялся и тогда, когда в хранилище хлынула армия мертвецов, раздавал приказы и прикрывал парней. Но сейчас он вскочил на ноги и заметался по палатке, которая сразу же стала казаться тесной.

— Мы называем ее — Тьма, — глухо произнес Дегар.

Эви встрепенулась. Дегар говорил о Тьме, когда рассказывал легенду своего народа. Тогда Эвелина думала, что это лишь красивая и грустная история.

«Однажды в нашем прежнем мире кто-то прогневал Джалгарра — потушил пламя, горевшее сотни лет. С тех пор мы были прокляты. Изгнаны. Наш мир заполнила тьма. И куда бы мы ни отправились — мир людей третий по счету, — она идет по пятам...»

— Так это правда? И что будет, когда Тьма затопит наш мир? — Эви схватила за голову. — Не отвечай! Я знаю! И что же, спасения нет? Что делает Тьма?

— Питается душами. У всего живого есть душа. У растений. У зверей и птиц. У людей. Тьма оставляет после себя пепел и смерть. Мы бессильны против нее. Были бессильны...

Магистр Куин нервно взъерошил волосы.

— Были? — выделил он главное. — Больше не бессильны?

Дегар дернул уголком рта.

— Не уверен. Теперь.

— Артефакты! — воскликнула Эвелина. — Они должны были помочь победить Тьму? Но почему? Да и как демоны вообще узнали об артефактах? Ведь их создали для того, чтобы одолеть дем... сынов Джалгарра.

— Я здесь для того, чтобы рассказать. Пока есть время. Очень давно в бою был ранен король людей. Ранен стрелой в спину. Его хотели убить. Заговор...

Дегар надсадно закашлялся. Эви больше всего боялась, что «Секира» все-таки повредила легкое, и ее опасения подтверждались: когда демон отвел руку ото рта, на ладони остались капли крови. Магистр Куин откинул полог палатки и велел принести воды. Дегар напился, и ему стало легче.

— Мы забрали короля в Ашхатар. На его руке был перстень с рубином...

Эви слушала, и разрозненные кусочки мозаики постепенно собирались в цельную картину. Раненый король — прадед Райли, пропавший в бою. Вот так Арканар попал к демонам. И неспроста Дегар отправился именно в Карнаэль — нес рубин Раулару как символ примирения. Да только пришлось превратить артефакт в ловушку для короля...

— Дальше! — потребовал магистр Куин.

— В те времена, когда мы забрали в Ашхатар раненого короля, из червоточины уже просачивались тени. Тени — клочки тьмы. Высасывают душу, оставляют пустую оболочку. Привратники удерживали их и стягивали края червоточины, — продолжил Дегар. — В каждом мире все начиналось и заканчивалось одинаково: воронка мрака посреди раскаленной пустыни, тени, которых становится все больше с каждым годом. Сыны Джалгарра хотели объяснить людям, что им нужно уйти. Чем дальше, тем лучше. Тьма разрастается. Зачем им выжженная земля? Жизнь важнее.

— Но они не ушли. — Эви была потрясена. — Они думали, что вы захватчики! Неужели нельзя было объяснить по-человечески?

— По-человечески? — усмехнулся Дегар и снова закашлялся. — Как? Мы не знали языка людей.

Демон провел пальцами по губам, стирая выступившую кровь.

— Наш язык устроен иначе. Мы произносим слова, а вы слышите рычание. Но я не оправдываю сынов Джалгарра. Мы вспыльчивы и жестоки. Думаем, что силой объяснить проще...

Эви читала о первом столкновении людей и демонов. Его описывали в учебниках с неизменным преувеличением героизма защитников маленькой крепости Зерр на границе с Феррандом и

гносного вероломства «исчадий». Эвелина листала страницы и люто ненавидела демонов.

Небольшой отряд вышел с пустоши и встал под стенами крепости. Предводитель задрал голову и молча уставился вверх черным взглядом. Дело происходило в зловещей тишине. «Чего тебе, образина? — испуганно закричали часовые. — Возвращайся, откуда пришел!» Демон только рыкнул, он явно понимал, что к нему обращаются мелкие сошки. Вскоре явился и начальник крепости в наспех застегнутом на золотые пуговицы мундире.

Тогда предводитель взревел, поднял копьё и указал на север. Все демоны, что находились рядом, повторили его жест. «Прочь! — говорили демоны. — Убирайтесь. Оставьте земли и уходите!»

Защитники погибли, защищая Зерр, но крепость пала. Досталась демонам. С тех пор началась непримиримая война, которая длится много лет.

Между людьми и сынами Джалгарра лежала пропасть непонимания. Пришельцы из другого мира выглядели чудовищами: огромные, мощные, жуткие дикари. Говорить — и то не умеют, только рычат. Наверняка жарят убитых воинов на вертеле и едят на ужин! Да что там, они и своих едят, тех, кто послабее. Не знают жалости, не умеют любить. На их застывшие лица посмотришь и сразу поймешь, что это бесчувственные чурбаны. И на свет они наверняка появляются из камней. «Помочится краснорожий лягух на камень, — шепотом делился Райли свежими слухами. — А камень трескается, и из него вылупляется новый демон. Сразу взрослый!»

Всю свою жизнь Эви не сомневалась, что армия Карнаэля сражается с кошмарными существами.

— Ну как же так... — прошептала Эвелина. — Вы... защищали нас?

— В первую очередь себя. — Дегар, как всегда, был честен. — Но людей тоже...

Он потер грудь, опрокинул в рот последние капли воды, которые оставались на дне кружки.

— Почему вы не поможете ему? — не выдержала Эвелина. — Ваш магический резерв полон. Вы видите, как ему плохо!

Магистр Куин покачал головой.

— Без меня он был бы уже мертв, девочка. А для того, чтобы вылечить его раны полностью, нужен не один час и все мое умение. Я не целитель! И не собираюсь отвлекаться, когда идет речь о будущем человеческого рода.

Эви пристыженно замолчала. Переплела пальцы с пальцами Дегара, тихонько пожала: «Держись, только, пожалуйста, держись...»

— Король и рубин! — напомнил егермейстер. — Я вижу, что тебе тяжело говорить. Поведай главное.

— Король прожил в Ашхатаре несколько лет. Обучил языку людей моего отца, когда тот был еще ребенком. Он хотел, чтобы сыны Джалгарра и люди смогли поговорить. Рубин он отдал Привратникам. Очень сильный артефакт. Благодаря ему червоточина не разрасталась много лет... От короля мы узнали, что артефактов пять. Старейшины рассудили, если собрать их вместе, то выброс силы захлопнет воронку навсегда.

— Почему ты только теперь решил отправиться на поиски? Вы хранили рубин в Ашхатаре много лет. Что-то изменилось? — Сухой тон, каким были заданы вопросы, не скрыл волнения магистра Куина.

— Да. Червоточина увеличилась. Каждый день приходилось сражаться с тенями. Времени почти не осталось. Я с детства учил язык людей. Я не должен был провалить миссию... — В голосе Дегара сквозила горечь. — Но провалил.

«Ты сделал все, что мог, мой любимый. Ты вышел к людям, ты хотел объяснить, а когда не удалось, не испугался смерти...»

Эви вспомнила, как самоотверженно Дегар шел к цели, не останавливаясь ни перед чем. И как выпустил из рук кинжал... *«Не могу. Даже ради всего мира».*

Она погладила Дегара по щеке, влила немного своей магии — ее слишком мало, но на несколько минут дышать станет легче.

— Где теперь артефакты? — резко спросил магистр Куин.

— А вы не знаете? Удивительно! Лучше бы вместо того, чтобы гоняться за нами по всем королевствам Южного Цветка, присмотрелись к королю Бальтазару! — Эви выплеснула злость, но заметила недоумевающий взгляд егермейстера и поникла.

— Вы забрали сапфир из его хранилища — это все, что мне известно. Так артефакты у него?

— Да! Это ужасный человек!

Эвелина рассказала обо всем, что случилось после того, как они сбежали из цитадели Виир. О полете над озером, о проклятии зеленой плесени, о Лисси и ошейнике из ее волос. О том, что она пощадила Бальтазара, а тот в ответ подло завладел артефактами.

— Правитель Ферранда во главе армии выдвинулся в сторону Ашхатара, — сказал магистр Куин. — Он окажется у границы через два дня, потому что строит порталы. Я удивился, что он настолько силен. Теперь ясно: благодаря артефактам.

— Он хочет уничтожить Ашхатар! — воскликнула Эви. — Но тогда ничто не спасет мир от Тьмы! Вы должны сделать хоть что-нибудь! Помочь нам! Помочь сынам Джалгарра!

— Помочь демонам? — изумился магистр Куин.

Похоже, такого поворота он не мог вообразить даже в кошмарном сне. Магистр Куин дослужился до командира отряда, потому что отлично выполнял свою работу, в том числе разыскивал демонов, которые завладели телами людей.

На одном из привалов Эви пристала к Дегару с вопросом, зачем демоны вселяются в слабых улиточек. Какой от этого прок? Ведь все равно егермейстеры вычислят их на раз-два и отправят напрямик к их огненному богу. «Разведчики, — объяснил тот. — Идет война. Нам приходится сражаться на два фронта, и лучше, когда есть преимущество».

— Идет война! — Магистр Куин точно подслушал мысли Эвелины. — Нет никаких доказательств того, что Исс-Дегар ха-Тэшш говорит правду. Ты видела Червоточину своими глазами? А Тени?

Эви медленно покачала головой.

— Все это может оказаться хитроумным планом, чтобы завладеть магией великой силы!

— Сыны Джалгарра не врут! — в отчаянии крикнула Эвелина.

Она верила Дегару. Если бы магистр Куин прошел рядом с ним этот долгий путь, он бы тоже поверил!

— Забери артефакты, — произнес Дегар. — Останови Тьму.

Разговор вымотал Дегара, последние слова прозвучали тише шелеста. И когда главное было сказано, он потерял сознание.

Бальтазар потер шею, но опомнился и досадливо опустил руку. Иногда ему казалось, что волосяной ошейник по-прежнему сжимает горло. Рубец на коже давно затянулся, не осталось и следа, но Бальтазару чудились косые взгляды и смешки за спиной. Никто не должен видеть его слабости, но пальцы сами собой тянулись к прежней ране. Бальтазар ненавидел себя за это. Ненавидел подданных. Несколько слуг уже поплатились за то, что недостаточно проворно и почтительно поклонились.

Но больше всего он ненавидел девчонку, которую зачем-то оставил в живых. Да как она посмела! Вела на поводке, как бродячего пса! Смотрела, как на падаль! Поставила на колени! Но главное — унизила его жалостью!

Когда Бальтазар вспоминал эту гадливую жалость в глазах девчонки, он выходил из себя. Пока от припадков ярости страдали только деревья в лесу. Гвардейцам из личной охраны доставало ума в такие моменты держаться от своего правителя подальше.

«Почему я ее не убил?» — поражался Бальтазар. Это было так просто: щелчок пальцев — и тонкая шея ломается, как спичка. Но в глубине души он знал почему.

В мертвых глазах не отразится страдание и страх. Мертвые губы не станут умолять о пощаде. А Бальтазар не терял надежды, что однажды доберется до дерзкой Эвелины Соль. Она принадлежит ему! И на этот раз никто не помешает довести дело до конца. Маленькая дрянь получит все, что ей причитается.

Бальтазар так ясно представил, как впивается в нежный рот поцелуем, что застонал и сжал кулак. Мерзавка еще и дразнилась, облизывала свои розовые губы, чтобы они призывно блестели. А после лила притворные слезы! Все девицы хотят одного и того же. Лживые распутницы! Все как его мать, которую он еще ребенком заставлял то с одним любовником, то с другим, а то и с обоими сразу!

Правитель Ферранда поймал себя на том, что снова растирает саднящее горло. Вскочил на ноги, грохнул кулаком по походному

столику — хлипкие ножки тут же подогнулись, жестяной кубок с вином опрокинулся и покатился по земляному полу.

Ничего. Он еще доберется до девчонки, но сначала следует разобраться с рогатыми тварями. Завтра решающий день!

Вход в палатку охраняли гвардейцы. Они должны были немедленно явиться на шум, но прошло долгих несколько секунд, прежде чем отодвинулся полог и заглянуло бледное безусое лицо.

— Вон! — рявкнул Бальтазар, и паренек с облегчением скрылся.

Правитель Ферранда опустил на стул и нежно погладил алый и черный перстни, надетые на правую руку. Приятная тяжесть артефактов, с которыми он теперь не расставался, успокаивала его. Алмаз он самолично заключил в зачарованную оплетку из платины: Гристринс все еще сопротивлялся, будто не до конца признал в Бальтазаре своего хозяина. Вот и сейчас дернулся на груди.

— Тихо, тихо! — Король сжал артефакт, усмиряя, точно норовистую девку.

Точно дерзкую Эвелину Соль, та тоже все трепыхалась и норовила сбежать.

— Ты принадлежишь мне!

Кому он это говорил? Гристринсу? Или?..

— Мой король! — В просвете палатки нарисовался давешний перепуганный мальчишка-гвардеец.

Как он попал в личную охрану? Не иначе дворянский сынок. Надо будет выяснить, кто отец, и обоих...

— К вам посетитель! Вернее, посетительница! — доложил сосунок, сбив с мысли.

Посетительница? Это уже интересно. Но не настолько, чтобы подняться с места. Бальтазар вытянул длинные ноги и лениво спросил:

— Старая или молодая?

Если явилась Елисавета, появится отличная возможность расправиться со старой каргой. А ведь какая знойная была девка! Как боролась, как царапалась! Непросто оказалось сломить ее сопротивление, но тем слаще было обладание.

А если молодая — пойдет, чтобы скрасить вечер перед решающим днем.

— Молодая, Ваше Величество. И с ней господин егермейстер. Но он говорит, что подождет снаружи.

Бальтазар удивленно выпрямился, кивнул:

— Зови!

Полог снова всколыхнулся, пропуская хрупкую фигуру, укутанную в серый плащ. Спутанные волосы, заплаканные глаза. Девка старалась держать голову прямо, но губы дрожали. Вот она снова облизнула их, как в тот день, когда Бальтазар увидел ее в первый раз. Не может быть! Иллюзия!

Король повел пальцами в воздухе, нащупывая морок, но не почувствовал магии. Тогда он встал и стремительно приблизился к мерзавке, взял за подбородок, заставил задрать лицо.

— Эвелина Соль, — процедил он.

И понял, что улыбается.

Дерзкая мерзавка смело смотрела ему в глаза. Отлично. Не сломлена, а значит, игра будет интересной и долгой. Позже. Сначала нужно узнать, что привело мейджи в лагерь. И почему компанию ей составил чернорубашечник.

Она ждала вопросов, но Бальтазар молчал, наслаждаясь ее близостью, сбивающимся дыханием и запахом страха. Хотелось поскорее освободить ее от пыльной одежды, как от шелухи. Попробовать на вкус ее пот, ее слезы...

— Соскучилась? — усмехнулся король, дождавшись, когда мерзавка моргнет, устав таращиться.

Она хотела плюнуть ему в лицо. Как и другие паскудницы до нее. Как и те девки, эта упала бы к его ногам, зажав разбитую губу. Но, удивительное дело, вместо этого Эвелина потупилась.

— Спаси Райли, — прошептала она. — Только ты сможешь спасти правителя Карнаэля с помощью артефактов.

— Как интересно! — рассмеялся Бальтазар.

Он наконец отпустил мейджи и щелкнул пальцами, устанавливая защитный купол. Уселся, водрузив ноги на хлипкий стол.

— Рассказывай!

— Райли...

Король поцокал языком, оборвав на полуслове.

— Ты пришла с просьбой? Так проси как положено.

Он указал на клочок земли у своих ног. Мерзавка сначала не поняла, а потом сообразила, вспыхнула. Пошатнулась. На колени

опускалась так медленно, точно суставы у нее не гнулись. Ничего, еще научится стоять на коленях!

— Райли умирает...

— Удивлен, что он еще жив. Как вы оказались рядом с моим лагерем? — Бальтазар потрепал по макушке склоненную голову и вдруг схватил за волосы.

— Ай!.. Магистр Куин, начальник отряда егермейстеров, помог мне, построил портал, чтобы мы смогли доставить тело. Но он отказывается залечивать раны, потому что в теле правителя Карнаэля сейчас находится демон...

— А, твой старый дружок! Я должен выгнать его прочь? Хм... И не жаль?

Эвелина подняла на Бальтазара обжигающий взгляд.

— О, да ты горишь в огне, девочка. Больно, правда?

Мерзавка снова облизала губы, и правитель Ферранда больше не стал сдерживаться — сжал в горсти запахнутый на груди плащ, подтащил к себе упирающуюся девку и смял рот поцелуем. Мейджи дернулась, готовая ударить магией. Давай же, бей! Она такая забавная, когда выпускает свои крошечные коготки. Но девка только застонала и вцепилась изо всех сил в ткань подола так, что материя затрещала. Он оттолкнул ее от себя. Бальтазар не любил, когда играли в поддавки. Ясно, что сейчас эта притворщица готова на все, чтобы спасти своего короля.

Конечно, он возьмет ее. Но позже, не сейчас, когда отчаяние перевешивает гордость. Пусть ощутит надежду, поверит, что спаслась. Он выпустит на волю эту хрупкую птичку, но только затем, чтобы снова смять мягкие перышки.

— Что я получу за свою помощь? — холодно спросил Бальтазар.

— Меня... — беззвучно произнесли губы.

— Это само собой. Что еще? Земли Карнаэля? Семейные драгоценности? Редкие артефакты? Я бы хотел увидеть опись хранилища.

— Уверена... Раулар Карнаэльский щедро оплатит за вашу... доброту...

Слова застревали у мерзавки в глотке, но она все-таки вытолкнула их.

— Магистр Куин и его отряд будут свидетелями и гарантом того, чтобы вы были сполна вознаграждены.

— Посмотри на меня! — рявкнул Бальтазар.

Эвелина широко распахнула глаза, в которых плескалось страдание. Нет, она не обманывала, ее душу действительно раздирал на части мучительный выбор.

— Лучше живой Райли, чем мертвые... оба... — выдохнула она.

— Хорошо, — принял решение Бальтазар.

Он был наслышан о Рауларе — мальчишке, занявшем трон в пятнадцать лет. Он слабый, ведомый правитель, им можно будет вертеть как угодно.

Был у Бальтазара и другой интерес — испытать камни в действии. Он уже испробовал грубую силу — сфокусировал пять лучей в один и проредил лесок, оставив просеку из обгоревших стволов. Гвардейцы, точно испуганные дети, сгрудились за спиной, когда невидимое при свете солнца излучение выжигало деревья. Это было слишком просто. Хотя для исчадий в самый раз. Но хотелось попробовать и ювелирную работу, такую как изгнание души из тела.

Через охрану он передал егермейстерам распоряжение, куда отнести тело. В паре минут ходьбы от лагеря располагалась ровная каменистая площадка — отлично подойдет для обряда. Магистр... Как там звали мрачного егермейстера с колючим взглядом? Ах да, магистр Куин. Он подскажет, что делать. Но больше придется действовать по наитию: еще никто не использовал древние артефакты, чтобы изгнать демона.

Мерзавку он ни на шаг не отпустит от себя. Пусть удостоверится, что король-мальчишка вернулся, а потом платит по счетам.

Бальтазар не утруждался тем, чтобы оглядываться на маленькую дрянь: никуда не денется. Ее очередь чувствовать себя собачонкой. Да только поводок у Бальтазара покрепче будет. Он умеет вязать самые крепкие поводки — из любви и верности близким. Такие оковы не разорвешь заклинанием. Вприпрыжку помчится спасать своего нелепого королька.

— Стоять! — крикнул Бальтазар гвардейцам. — Оставайтесь на месте.

Еще не хватало, чтобы разнеслись нелепые слухи об обряде над окровавленным телом, достаточно того, что в народе правителя

прозвали Сластолюбцем. Охрана с облегчением повиновалась. Бальтазар подтолкнул Эвелину в спину, указал на валун размером с человеческий рост: удобная площадка как раз ним.

Егермейстеры прибыли на место первыми, очистили площадку от крупных камней. Магистр заканчивал чертить пентаграмму: линии ровные, точно по линейке. Увидел короля — кивнул, но головы не склонил. Скверно. Егермейстеры не подчинялись земным правителям, только Магистериуму, но Бальтазара задело пренебрежение.

Искалеченное тело Раулара валялось в тени валуна. Серая кожа. Грудь перетянута бурой тряпкой. Точно не мертвяк? Бальтазар носком ботинка брезгливо толкнул его в бок, переворачивая на спину. Услышал, как пискнула девка. Не глядя поймал за лохмы, оттащил, не дав прикоснуться к полутрупцу.

— Дегар! Дегар! Пусти меня к нему! — Она извивалась, пыталась вырваться.

Напрасно старается, больше она его не коснется.

Магистр Куин поднялся, на скулах играли желваки. Этому-то что не так? Сам отказался лечить рогатую тварь — и правильно сделал. Егермейстер указал своим парням на пентаграмму: мол, готово. Раулара подхватили за руки, за ноги и распластали тело подобно звезде.

Бальтазар обошел кругом, отмечая про себя, что в основании каждого угла в земле сделано углубление.

— Я правильно понимаю, углубления для артефактов?

— Да... Ваше... Величество.

Кем возомнил себя этот служака, так небрежно процедивший ответ? Надо будет нанести визит Грандмагистру и навести справки по поводу магистра Куина. Едва ли у того за спиной знатный род. Выкарабкался из грязи, а теперь смеет воротить нос. Ничего, дай только срок!

Бальтазара ломало от одной мысли, что с камнями придется расстаться, пусть и ненадолго. Он будто сросся с ними. Однако никто не должен увидеть его замешательства! Бальтазар небрежно стащил с пальца рубиновый перстень и опустил в ямку.

Последним у головы дохлого королька оставил Гристринс и сам встал рядом.

— Что дальше? — презрительно бросил он.

Без артефактов Бальтазар чувствовал себя голым.

— Отойдите на шаг, — велел магистр Куин. — Еще. Так, хорошо.

Девчонка брела следом, как привязанная. Правильно, пусть привыкает слушаться каждого взгляда. Глядишь, Бальтазар и вышколит ее. Не сразу, конечно. С этой дерзкой игрушкой ему долго не наскучит.

Мерзавка снова облизнула губы, распухшие после поцелуя. Король в нетерпении качнулся с носка на пятку: скорей бы закончить с нудным делом и приступить к делу приятному. Что там чернорубашечник валандается? Бормочет что-то? Никак забыл слова заклятия?

Эвелина Соль опустилась на колени. Украдкой потянулась и дотронулась до запястья полудохлого королька. Думает, хозяин не видит? Он все видит. И позже накажет дерзкую.

Егермейстеры окружили площадку плотным кольцом, лица настороженные. Бальтазар вдруг пожалел, что велел гвардейцам дожидаться его возвращения. Да нет, бред. Чернорубашечники подчиняются Магистериуму, а Магистериум на его стороне.

— Что ты тянешь? — рявкнул Бальтазар.

А потом началось нечто невообразимое.

Правитель Ферранда привык к собственной неуязвимости, в магии он с детства не знал себе равных. Отец приглашал лучших магистров, чтобы те обучили сына всему, что умеют сами. Бальтазар легко одолел бы в бою магистра Куина, а девку так и вовсе переломал бы через колено.

Он просто не был готов к тому, что произойдет дальше.

Егермейстеры одновременно сложили руки в жесте заслона, спеленав короля магией. Мерзавка, что смиренной зверушкой сидела у ног, выхватила из углубления Гристринс.

— Ко мне! — взревел Бальтазар. — Я велю слушаться!

Но Гристринс, паскудник, остался в ладони Эвелины, будто она его истинная хозяйка. Впрочем... Так оно и было.

— Это предательство! Ты! Ответишь!

Магистр и ухом не повел. Знай себе плетет заклинания, удерживающие Бальтазара на месте.

— Ко мне! — пискнула мелкая дрянь, и все камни послушно прыгнули ей в руки.

Предатели! Все предатели!

Тут и будущий покойничек вскочил на ноги. Сорвал тряпки, сковывающие движения, — на груди ни ран, ни шрамов. Все это время он только притворялся.

— Дегар! — крикнула мерзавка и повисла у исчадия на шее.

Тот сгреб в медвежьих объятиях — вот-вот переломает тощие ребрышки. Но большие руки не ломали, а гладили, и объятия были хоть и крепкими, но бережными.

— Дегар!

И поцелуи, которыми девчонка одарила эту тварь, были... Бальтазар ощутил во рту горечь. Его никто никогда так не целовал. Он знал поцелуи притворной страсти, продажные поцелуи, и поцелуи страха, поцелуи, вырванные силой, но лишь сейчас впервые увидел, как целует тот, кто любит по-настоящему.

— Дрянь! — взвыл он.

Его не удостоили и взгляда.

— Уходите! — крикнул магистр Куин. — Я догоню!

— Охрана, ко мне! Король в опасности!

Но Бальтазар понимал, что звать бесполезно: над площадкой повис купол, не пропускающий звуки. А с того места, где остались гвардейцы, они не видели своего повелителя.

Эвелина Соль уходила прочь, унося с собой артефакты. И мерзавка даже не услышит проклятий, которые несутся ей вслед.

Впрочем, один факт немного примирял Бальтазара с потерей. Эвелина не лгала, когда смотрела в его глаза: ее душа болела, разрывалась на две половины. Только поэтому он и поверил ей. Мерзавка получила отсрочку, но когда-нибудь ей придется выбрать одного из двух. И после сгорать в огне всю оставшуюся жизнь.

В условленном месте в лесу Дегара и Эвелину ожидала подготовленная для похода одежда, здесь же стояли рюкзаки с едой и одеялами.

Дегар долго возился с рубашкой.

— Давай помогу!

Эви отвела его руки и завладела непокорными пуговицами: у демонов одежда скреплялась шнурками. Дегар с улыбкой подчинился.

— И где только магистр Куин раздобыл этот пыточный инструмент? — пошутила она: рубашка застегивалась на десяток мелких перламутровых пуговиц.

На самом деле она не злилась на командира егермейстеров, наоборот, была благодарна: отыскать приличную рубашку в этой глуши было настоящим чудом. Застегнула две нижние пуговицы и замерла, глядя на плечо Дегара, где еще вчера кровоточила воспаленная рана. Вздохнула и прижалась щекой к горячей коже.

— Ты жив... — прошептала она. — Когда тебя распластали в центре пентаграммы... Хотя я и знала, что ты цел и невредим, а все равно боялась...

Дегар положил тяжелую руку на макушку Эвелины, осторожно провел по волосам. Эви обхватила его за талию. Они застыли в объятиях друг друга.

Раздался хруст веток, будто промаршировало стадо диких кабанов: магистр Куин нарочно привлекал внимание к своему появлению.

— Не помешаю? — грубовато спросил он. — Девочка, ты бы держалась от него подальше!

— Магистр? — встрепенулась Эви. — Как вы быстро! Как теперь? Телепортом?

— Пока пешком. Если Бальтазар все-таки решит нас догнать, он почувствует остаточную магию портала и сможет восстановить переход.

Эвелина хотела спросить, что же теперь станет с отрядом егермейстеров, с самим магистром, но не решалась.

— Парни подчинялись моему приказу, — ответил магистр Куин на невысказанный вопрос. — Им ничего не грозит. Правитель Ферранда жив, здоров и лишь слегка уязвлен. А я... Все равно собирался уходить в отставку.

Он протянул руку Эвелине.

— Артефакты. Как договаривались.

— Да-да...

Мейджи сгрудила в ладони магистра все пять камней.

«Вы все слышали сами! Неужели судьба мира вас не волнует? — кричала Эви над бесчувственным телом Дегара. — Если не верите ему — заберите артефакты. Он сам об этом попросил!» Магистр Куин развернулся и вышел из палатки, Эвелина бросилась на землю рядом с Дегаром и разрыдалась от отчаяния. Начальник отряда егермейстеров отсутствовал почти час. Когда вернулся, сел на корточки возле Эви и сказал: *«Артефакты будут у меня. Если демон задумал недоброе, я сумею его остановить. А теперь слушай... Времени у нас мало!»*

Заклинания и настойка Стосила совершили чудо: раны затянулись и воспаление спало. Правда, Дегар потерял много крови, но нездоровая бледность была даже на руку.

«Тебе предстоит самое трудное, — хмуро проговорил магистр. — Остаться с Бальтазаром один на один. Справишься?»

Эви посмотрела на Дегара — хрипы в легких исчезли, дыхание выровнялось, болезненное забытие сменилось целительным сном — и кивнула. Дегар был таким сильным, значит, и она сможет! Ничем не выдаст себя, не испугается Бальтазара. Хотя от одного воспоминания о нем сердце начинало колотиться в груди как бешеное.

Перед уходом Эвелине не удалось перекинуться с демоном и словом. Она надеялась, что план магистра Куина сработает, но перед внутренним взором стояло осунувшееся лицо Дегара, его подрагивающие ресницы. Очнется ли он? Только об этом и думала, глядя в глаза ненавистного правителя Ферранда. Может, именно поэтому была так убедительна?

Дегар мягко отстранился и сам занялся пуговицами. Быстро разобрали мешки, закинули на плечи. Дегар пристегнул к поясу короткий меч. Предстоял путь в направлении Ашхатара.

Договорились, что несколько часов пройдут пешком, переночуют под покровом леса, а утром магистр Куин построит портал напрямик в центр пустоши, на которой расположилось королевство демонов.

— А твои нас не прирежут с перепугу? — на всякий случай уточнила Эви. — Когда трое людишек свалятся им как снег на голову.

— Они ждут возвращения Привратника, пусть даже в человеческом облики. Они поймут, кто я. Нам понадобится их помощь.

— Надеюсь, ты знаешь, что говоришь, — проворчал магистр. — Если нас насадят на копья, выйдет неловко.

Дегар расхохотался своим замечательным гроыхающим смехом. А после демон и егермейстер углубились в чащу, заставив Эвелину идти посередине.

— Не надо за мной приглядывать, не маленькая, — пробурчала она для вида.

Но на самом деле ей нравилось, что она под защитой, и нравилось чувствовать себя маленькой, за двумя широкими мужскими спинами.

Дегар и магистр Куин мирно беседовали, как два добрых приятеля, на время забыв о распрях и непримиримой вражде.

— Теперь-то скажешь, как ты выжил после смертельного заклятия? — Командир отряда егермейстеров не сумел спрятать за безразличным тоном жгучего интереса.

Эви тоже наострила уши: Дегар говорил, что он особенный демон. И как же любопытно узнать — почему!

— На каждого Привратника наложена магическая защита от Теней. Для обычного смертного встреча с ними всегда заканчивается гибелью души, Привратники же могут выдержать один-два удара. Ваше смертельное заклятие тоже, как видишь, не справилось.

Эви на ходу сжала пальцы Дегара, чтобы снова убедиться, что он идет рядом — живой и здоровый.

Магистр Куин надолго задумался, видно, мысленно заносил этот факт в картотеку Магистериума. Что же, информации теперь хватит не на одну научную работу!

Темнело. Путники вышли на берег спокойной неглубокой реки и решили располагаться на ночлег. Эви давно привыкла обходиться малым — был бы костерок да сухая трава для подстилки. Хорошо бы пожевать перед сном корку хлеба, но радовалась и глотку чистой воды.

А нет воды, что же, уснет и на пустой желудок. Теперь же она чувствовала себя богачкой: у каждого в рюкзаке теплое одеяло и смена одежды, сыр, ветчина, хлеб и крупа. В мешке у Дегара обнаружился котелок, быстро сварганили похлебку, наелись до отвала.

Магистр Куин обошел привал по кругу, плетя заклинания. Теперь случайный путник — хотя откуда им взяться в этом диком краю — не увидел бы костра, не услышал бы голосов. Закончив с делом, развалился поверх спальника, глядя вверх. Эви тоже задрала голову. На черном бархате неба мерцали крупные звезды. Уютно потрескивал костерок,пряно пахло травами.

— Ложитесь! — приказал магистр Куин. — Завтра понадобятся силы.

Но Эвелина и Дегар сидели, переплетя руки, и глядели в небо. Оба знали, что завтра — решающий день. Последний день.

— В твоём мире такие же звезды? — тихо спросила она.

Дегар пожал плечами.

— Единственный мир, который я знаю, — этот. Я здесь родился и вырос.

А ведь правда... Мир людей стал для пришельцев родным домом. Когда все закончится, надо учиться как-то уживаться друг с другом.

— Когда все закончится... — прошептала Эвелина. — Как мне выбрать?

Она зажмурилась и закрыла лицо ладонями. Что бы она ни решила, тупая боль в груди больше никогда не утихнет.

Дегар мягко опустил ее руки и тронул за подбородок.

— Посмотри на меня. Ты не должна выбирать, Арасаар. И не станешь. Это тело мне не принадлежит. Я обещал освободить Раулара, как только закончу свою миссию, и выполню обещание.

— Дегар!.. — всхлипнула-вскрикнула Эви, утыкаясь лбом в его шею. — О нет, нет, нет... Я не хочу жить без тебя!

Дегар тихонько встряхнул ее за плечи.

— Не вздумай говорить такое, огонек! По ту сторону смертной тени меня будет согревать только память о тебе, только мысль о том, что ты жива, счастлива и спокойна. Постарайся, Арасаар. Моя любимая. Ради меня.

Магистр Куин приподнялся на локте и молча посмотрел на Дегара. Потом встал, чтобы подкинуть в костер несколько сухих веток,

которые затрещали и полыхнули жаром. Вверх взвились искры, и на миг показалось, будто звезды осыпались на землю мерцающим дождем.

— В том селении, откуда я родом, существует красивая легенда об огне и воде, — сказал он, любуясь на языки пламени.

— В селении? А как же ваша алая накидка?

— Мое дворянство не родовое — выслуженное. Вся моя высокородность в клочке земли, который выделил Магистериум, и в этой накидке, — усмехнулся магистр Куин. — Все, что я получил за годы службы.

Эви прислонилась к плечу Дегара, а он обнял ее, согревая. Мейджи подумала о том, что магистр Куин на самом деле очень одинок, он ничего не сказал о доме, о семье. Да какая семья при такой волчьей работе?

— Расскажите легенду, — попросила она.

— Я слышал ее ребенком и многое успел позабыть. То была сказка о Пресветлой богине и огненном боге... Забыл, как его звали. На мир надвигалась тьма, а спасти его могли только объятия двух великих богов. Увы, они бы оба погибли, прикоснувшись друг к другу, потому что вода гасит пламя, но и сама превращается в пар... Но ради спасения мира они готовы были рискнуть. Ведь они любили друг друга...

— Так они погибли? — воскликнула Эви.

— Я не помню, чем закончилась легенда, — покачал головой магистр. — Я только помню тихий мамин голос и то, как она гладит меня по спине. И вижу, как светлая богиня тянется к огненному великану. Даже если они погибли, в ту секунду они были счастливы.

— Как красиво и грустно, — прошептала Эвелина.

Магистр Куин ничего не ответил, завернулся в одеяло, щелкнул пальцами, обернув себя в кокон тишины, и погрузился в сон.

Эви долго задумчиво смотрела на костер и гладила руку Дегара, а он время от времени легко касался губами то ее макушки, то виска.

— Очень теплый вечер сегодня, — сказала Эви. — Я хочу искупаться. Тем более что река вот она, под боком. И берег пологий. Пойдешь со мной?

И, не дожидаясь ответа, Эвелина поднялась, обошла костер и скинула на землю плащ. Она освободилась от брюк и рубашки,

оставшись в тонкой сорочке, и побежала по влажному песку. Быстро, чтобы не передумать, влетела в воду, приглушенно пискнула: вода все еще была по-весеннему прохладна. Прислушалась к ощущениям: ничего, терпимо. Окунулась по шею и поплыла, чувствуя, как водоросли задевают ноги.

Она больше не звала Дегара, но не сводила глаз с фигуры на берегу. Дегар всматривался в темноту. Эви шлепнула ладонью по воде, он повернулся на всплеск. Сбросил ботинки, стянул одежду и неторопливо, как в тот раз, когда входил в озеро, побрел в воде. Плавать он не умел, но речка оказалась неглубокой, с плавным течением. Эви перевернулась на спину, покачиваясь на воде, дожидаясь, пока ее подхватят теплые ладони.

— Простудишься, — глухо сказал Дегар, поднимая ее на руки.

Эвелина рассмеялась, обхватила за шею, поцеловала в губы. Но тут же оттолкнула, плюхнулась в воду, рассеяв ворох брызг, хохоча принялась убежать от Дегара.

— Поймай меня! Догони!

Дегар усмехнулся и, помедлив, бросился в погоню, уворачиваясь от водяных шариков, которые Эви лепила с помощью магии и направляла в грудь демона. Те взрывались маленькими фонтанами, осыпая все водяной пылью. И все-таки Дегар изловчился, поймал мейджи за край сорочки, притянул к себе и закинул на плечо.

— На берег, — рыкнул он.

И было в звуках его голоса что-то от проснувшегося дикого зверя, опасного и голодного.

— Ты меня победил? — прошептала Эви.

Она не боялась, ведь большие руки не причиняли боли, сжимали бережно, но внутри живота возникла странная дрожь, от которой разом ушли все силы. Эви не сможет вырваться, даже если захочет. Но она не хотела.

Дегар шагнул к кругу костра, но только затем, чтобы поднять плащ Эвелины. Он унес ее в густую тень на мягкую сухую траву, укутал в плащ и принялся растирать плечи.

— Подожди, — тихо сказала она. — Сорочка мокрая. Я сниму.

Она спустила тонкие бретельки, влажная ткань скользнула по телу. Эви переступила через белеющий на земле комочек и снова запахла полы плаща. Дегар прижал ее к себе, дожидаясь, пока Эви

перестанет трястись. Он молчал, будто разом забыл все слова человеческого языка. Эви выпутала руку и погладила его по груди.

— Не побоялся зайти в воду за мной, — хихикнула она. — Я ведь знаю, ты ее опасаясь.

— Вода опасна для огня. И огонь для воды. Но я не боюсь.

— Я тоже... — откликнулась Эви.

Провела рукой по его обнаженному животу.

— Замерз? Пойдем ко мне под плащ, вместе теплее.

— Огонек... Я все-таки не человек, инстинкты могут оказаться сильнее меня. Я нес тебя на руках, а инстинкты вопили: «Она бросила тебе вызов, и ты ее одолел!»

— Бросила тебе вызов? — шутливо повторила Эви. — Вот так?

Она тихонько толкнула его в плечо.

— Или так?

Она негромко рассмеялась и легонько куснула Дегара за предплечье — кожа была солоноватой на вкус и очень горячей. Дегар дышал так тяжело, будто готовился к сражению. Застыл каменным изваянием. Он на самом деле боролся, вот только битва шла внутри. Эви вздохнула, взяла его ладонь, просунула в разрез плаща и положила себе на бедро. Другой рукой обхватила его за шею и притянула к себе. Играя, прикусила губу.

— Я бросаю вызов, — выдохнула она.

Дегар поднял ее вверх на вытянутых руках, а потом разжал объятия. Эви не успела набрать в грудь воздуха для крика, только ахнула, ожидая, когда лопатки чувствительно приложатся о слежавшийся песок. Но Дегар подхватил у самой земли, аккуратно опустил, прижал запястья и, наклонившись, коснулся кончиком носа ее щеки.

— Победил, — прошептал он улыбаясь.

Эви ерзала, вертя головой во все стороны. Смеясь, она пыталась дотянуться до плеча Дегара и куснуть как следует. Он уворачивался и, улучив момент, целовал то краешек рта, то щеку, то венку, бьющуюся на шее.

— Так нечестно, — отдуваясь, простонала Эви, у которой от хохота разболелся живот. — Все-все, отпускаяй.

— Теперь не могу... — негромко произнес Дегар, и улыбка из веселой сделалась ласковой и чуть виноватой. — Я принял вызов. И

победил тебя, огонек. Каждый костер — алтарь Джалгарра, он свидетель того, что ты теперь моя вейрри... жена...

Эви ошарашенно уставилась на Дегара. Шутит? Да какие уж тут шутки! Сердце пропустило удар. Когда Эвелина затевала игру, она и подумать не могла, что все настолько серьезно. А если она передумает?

Дегар заметил сомнение на ее лице, качнул головой, губы тронула грустная усмешка. Он отпустил ее запястья и коснулся губами лба.

— Ничего. Когда я уйду, ты будешь свободна от клятв...

— Нет! — испуганно воскликнула Эвелина, хватая ускользающие пальцы. — Останься! Останься... Хотя бы сейчас.

Эви обвила руками шею Дегара и разревелась у него на плече. Она сама не понимала, что с ней творится. Счастье и отчаяние рвали ее пополам. Эвелина и не знала, что можно одновременно ощущать такую любовь и такое горе.

— Пускай только одна ночь, — прошептала она. — Но наша ночь. Я не хочу думать о завтрашнем дне... Как на языке сынов Джалгарра будет «муж»?

— Тарреш, — глухо произнес Дегар.

— Это наша ночь, тарреш...

Дегар отыскал губами ее губы, ловя сбивающееся дыхание. Гладил волосы и руки, которые сделались ледяными от волнения. Плащ распахнулся.

— Холодно...

— Я согрею...

Он накрыл ее тело своим. От Дегара исходил жар, как от натопленного камина, и Эви прильнула кожа к коже, собирая все крохи тепла. Поцелуи, вначале бережные и осторожные, теперь тоже обжигали. Дегар, зарывав, рванул горловину плаща, разметав его по земле. Вздернул руки Эви над головой, мягко куснул за шею.

— Эй, эй, потише, мой грозный тарреш, — выдохнула Эви в ухо Дегара.

Она освободила руки и запустила пальцы в спутанные темные пряди. Дегар нашел ее ладонь, прижал к губам.

— Шасса арр... Не бойся, не бойся...

Глаза Дегара потемнели от заполняющей его страсти, по виску скатилась капля пота: инстинкты повелевали немедленно овладеть

вейрри, которую он одолел в честном поединке, но Дегар держал инстинкты в узде.

— Я буду нежен...

И когда бушующие волны желания накатывали на него, он застывал, прерывисто дыша, набирая полные горсти песка и травы, цепляясь за них, лишь бы не навредить, не причинить боли хрупкой, тоненькой девочке, которая так доверчиво подавалась навстречу, откликалась на каждую осторожную ласку, на каждый поцелуй.

Иногда он замирал, ловил ее взгляд. Эвелина тонула в темных глазах, замороженная их глубиной. Облизывала полуоткрытые губы. «Все хорошо? — спрашивали глаза. — Не страшно? Не больно?» Эви качала головой и сама тянулась навстречу.

Эви немного боялась того неизведанного, что происходит между мужчиной и женщиной, но после всего, что им пришлось пережить, что такое минутная боль? Она станет сладкой, потому что ближе, чем в этот миг, они с Дегаром уже не будут.

Она сама постепенно распалась от горячих поцелуев и нежных ласк, страсть Дегара передалась и ей тоже. Эви больше не чувствовала себя отдельно от Дегара, руки и ноги переплелись, их тела точно стали единым целым.

Но еще не до конца, и Эви очень этого не хватало.

— Дегар, — пробормотала она, задыхаясь. — Дегар, Дегар...

Он понял, догадался. И не стал больше сдерживать страсть, которая так долго бурлила в нем. Да и Эвелина вдруг ощутила себя диким зверьком, оставляя царапины на плечах Дегара, застонала, выгибаясь навстречу. Страстный поцелуй заставил забыть о боли. Она растворилась в ласках, в шепоте любви, в звездах, кружащих над головой, в запахе костра.

«Посмотри же, Джалгарр, твой сын любит земную девушку. Разве мы плохая пара? Защити же его завтра. Прикрой своим щитом.

О Пресветлая, огонь не твоя стихия, дети Джалгарра не возлагают цветов на твои алтари. Но прошу тебя, помоги еще один раз. Спаси его. Спаси его для меня...»

По щекам Эвелины текли слезы. Она плакала от переполняющих ее чувств, а Дегар целовал ее мокрые щеки. Такой близкий, родной... Как удержать тебя?

Когда внизу живота закрутился горячий водоворот, Эви обхватила лицо Дегара ладонями и заставила смотреть на себя. Запомнить бы, запомнить навсегда...

«Не придется запоминать, — кольнул ехидный голос. — Это лицо ты видела с детства, и еще налюбуйешься, когда Райли вернется...»

Да что может знать этот дурацкий внутренний голос! Здесь нет и не было Райли!

— Дегар... — прошептала Эви, вздрагивая, плаваясь, рассыпаясь на тысячу искр. — Любимый...

— Вейрри... Жена моя...

Эвелина уснула в объятиях Дегара, устроившись на плече. Он укрыл ее плащом, привлек к себе, согревая. Эви то погружалась в дрему, то выныривала из нее и сонно тянулась за поцелуем. Ей было уютно и сладко, пальцы Дегара тихонько гладили спину. Сам он не спал, подложил другую руку под голову и любовался на небо. Звезды постепенно гасли, облака светлели, а на востоке розовели, румянились в лучах пока невидимого солнца. Совсем скоро и оно само покажется из-за горизонта.

Эви погладила любимого по колючей щеке, он поймал и поцеловал ее пальцы.

— Не спишь? — спросила она.

Дегар качнул головой.

— Не хочу терять ни минуты.

По сердцу Эвелины точно провели ржавой пилой. «Он еще жив! — строго сказала она себе. — Мы оба живы. Нельзя раскисать. Кто знает, как завершится этот день. Может быть, и меня уже не будет на свете...» Неожиданно от этой мысли стало легче.

Эви приподнялась и посмотрела на прогоревший костер и на магистра Куина, который беззаботно проспал всю ночь, укрывшись с головой. Вот что значит уверенность в своих силах! Видно, знал, что защита не подведет.

— Надо одеться, — вздохнула Эви.

Она села, прикрывшись полкой плаща, приложила ладонь козырьком ко лбу, высматривая, где вчера оставила рубашку и брюки. Ботинки валялись у самой кромки воды, рядом темнела горка одежды.

— Я принесу.

— Подожди.

Эвелина поднялась, путаясь в плаще. Песок в волосах, коса расплелась. Щека горела: отлежала на плече Дегара. Она смутилась своего взъерошенного вида, вот уж красotka! Надо поскорее привести себя в порядок — умыться, причесаться и... ополоснуться. И Дегару не помешает зайти в воду и смыть последствия первой ночи...

Эвелина поспешила к реке, плюхнулась на мелководье прямо в плаще. Ничего, высохнет по дороге. Дегар озадаченно наблюдал за ней, а потом кинулся следом. Упал рядом на колени, притянул к себе мокрую, горячую после сна Эви. Взгляд испуганный и растерянный.

— Огонек... — Голос просто мертвый. — Я сильно тебя поранил. Зачем ты терпела, вейрри? Ты стонала, потому что тебе было больно... А я...

Дегар бережно прижал Эвелину к груди. Эви даже не сразу сообразила, почему его так трясет и колотит. А когда поняла, едва не рассмеялась. Потерлась щекой о его щеку, поцеловала.

— Нет, глупый, все хорошо. У человеческих девушек в первый раз всегда так. Наверное, дочери Джалгарра устроены иначе. Мне совсем немножко было больно, а потом хорошо. Правда, правда...

У Дегара сделался такой ошарашенный вид, что Эвелина все-таки не выдержала, захихикала.

— Смелая моя девочка, — пробормотал Дегар. — Ты сможешь идти? Я могу понести тебя на руках...

Эви уткнулась в теплую шею, вздрагивая от беззвучного смеха. Потом вскочила на ноги, быстро чмокнула Дегара в щеку.

— Побежали скорее на берег, пока магистр Куин не проснулся!

Пока Эвелина плела косу, Дегар снова разжег костер, повесил котелок. Магистр Куин проснулся ровно к тому моменту, когда над огнем забулькала похлебка. Если Эви еще до сих пор сладко зевала и никак не могла избавиться от сонливости, командир отряда егермейстеров будто и не ложился вовсе — застегнут на все пуговицы и сосредоточен.

— Доброе утро, — робко поздоровалась Эви.

Ей казалось, что внимательный взгляд магистра видит ее насквозь.

— Доброе, — ответил он бесстрастно. — Завтракаем, собираемся и готовимся к переходу. Дегар, от тебя нужен якорь — во всех деталях описать знакомое место, куда я проведу портал.

Демон кивнул.

— Круг Харраса. Последний оплот. Его патрулируют Привратники. Червоточина в центре. Если не вышла за пределы...

— Что он из себя представляет?

— Плиты из песчаника. Высотой в два наших роста. Между ними десять шагов, если мерить шагами сынов Джалгарра. В промежутках горят костры. Круг Харраса ежедневно патрулирует десять Привратников. Обычно их хватало для того, чтобы останавливать Тени.

— Хорошо, — кивнул магистр.

И больше не произнес ни слова, молча поглощая похлебку. Дегар вел себя так, будто ничего серьезного не происходит: набрал воды во фляги, скатал и уложил в рюкзаки одеяла. А ведь не пройдет и получаса, как они вывалятся из портала посреди раскаленной пустыни в двух шагах от жуткой Червоточины. Мейджи сжала челюсти до боли в зубах.

Дегар мимоходом коснулся плеча.

— Ашарр саар, огонек.

— Я сильная! — буркнула она.

А на самом деле чувствовала себя слабой, испуганной девчонкой. Ей хотелось в объятия Дегара, чтобы он баюкал и гладил по спине.

Она нарочно медленно жевала варево, не ощущая вкуса. Еще минутку, еще разок вдохнуть речную прохладу, подставить лицо рассветному солнцу. Дегар сам собрал рюкзак Эвелины, магистр присыпал песком кострище. Оба молчали, но Эви понимала, что тянуть дальше некуда.

— Готова?

«Как к этому можно подготовиться? Я не хочу, не хочу!..»

— Готова, — вздохнула она.

Магистр Куин махнул рукой, указывая себе за спину, как всегда, когда он приступал к открытию портала. У Эви не хватало на телепортацию магического резерва, она давалась только сильным магам. Руки егермейстера вычерчивали сложные символы, сплетая их в заклинания. Воздух сгустился и потемнел, закручиваясь в воронку. Сегодня это происходило гораздо быстрее: магистру помогали артефакты.

Он прервался и оглянулся, отыскивая взглядом Дегара.

— Ты шагнешь первым! Представь плиты, костры, все, что помнишь! Ты должен привести нас к кругу Харраса.

— Да.

Эвелина вцепилась в рукав Дегара.

— Вместе, — прошептала она.

В лицо ударил жар. Перед Эви расстиралась красно-бурая потрескавшаяся земля, которая раскинулась до самого горизонта. Там, где небосклон упирался в землю, высились прямоугольные плиты, казавшиеся игрушечными с такого расстояния. Эвелина раскашлялась с непривычки: сухой воздух опалил легкие. Дегар вложил в руки флягу с водой:

— Пей.

Эви сделала несколько глотков и немного пришла в себя. Магистр указал на камни:

— Это круг Харраса?

— Да.

— Почему так далеко? — удивилась Эви. — Сколько нам теперь идти?

— Пару часов. Я сместил точку выхода из портала, на случай если Червоточина вышла за пределы круга. Если Червоточина вообще существует!

Егермейстер хмуро посмотрел на демона, тот ответил невозмутимым взглядом, поправил лямки рюкзака.

— За мной.

Идти по спекшейся земле было проще, чем по лесу, но через несколько минут Эви начала обливаться потом. Мокрый плащ оказался как нельзя кстати, и капюшон пригодился: Эвелина натянула его на голову и надвинула на глаза, спасаясь от палящего солнца. Как демоны выживают в этом пекле? Впрочем, если сыны Джалгарра получают силы из пламени костра, то такая жара кажется им приятным легким бризом. Но Дегару в теле человека сейчас приходилось нелегко, как и магистру Куину. Через каждые двести шагов путники останавливались, чтобы приложиться к фляге.

— Надо было набрать больше воды, — сказала Эви, когда первая фляга опустела.

— Я призову воду, если понадобится, — откликнулся магистр, но в его голосе не было уверенности.

Эвелина не стала спорить, но едва ли из этой раскаленной пустоши получится выжать хоть каплю влаги.

Круг постепенно приближался, и стало заметно, что между плит мерцает непривычное белое пламя, а рядом с каждой плитой высится

широкоплечая фигура. Демоны стояли неподвижно и издали казались скульптурами, вылепленными из красной глины.

— Один, два... — бормотала Эви. — Двадцать три. Дегар, ты говорил, что хватает десяти Привратников, а я уже насчитала больше двух десятков.

Дегар промолчал, его лицо сделалось мрачным. Что он мог ответить? Эви и сама понимала, что так много защитников у круга Харраса появилось не к добру.

— Смотрите, — крикнула она секунду спустя. — Что это?

Она испуганно стиснула пальцы Дегара. Магистр Куин сделал несколько пассов, соткав из воздуха прозрачную линзу, — стали видны копыя в руках демонов, костяные рога, суровые лица. То, что Эвелина разглядела издали, напоминало черный густой туман, он продавливался в щель между плитами, тянул дымные щупальца и трогал ими землю перед собой, будто насекомое усами. Светлое пламя замедляло туман, но не останавливало.

Открылся в беззвучном крике рот стоящего рядом защитника — линза не передавала звуков, только изображение. Демон поднял над головой копые, и Эви увидела, что вместо наконечника светится прозрачный кристалл, в центре которого мерцает алая искра.

— Наше оружие заряжено от Арканара, — сказал Дегар. — Один заряд убивает несколько Теней.

Он больше не добавил ни слова, но Эвелина прекрасно домыслила остальное: Дегар покинул Ашхатар больше месяца назад и унес с собой рубин, нового оружия не появляется, а значит, защитники круга держатся из последних сил.

В это время защитник круга ткнул копыем в туман, в самую черноту. Из кристалла ударила алая молния, прошла Тень, повсюду на ее поверхности вспыхнули красные искры, будто угольки просвечивали сквозь пепел костра. Тень еще сильнее сгустилась, сжалась в комок и вдруг разорвалась в клочья, которые полетели прочь, светлея и опадая на землю.

Демон опустил копые, и хотя его лицо оставалось бесстрастным, Эви, которая долгие недели привыкла наблюдать за Дегаром, прочитала на нем и облегчение, и страх, и готовность стоять до конца. А еще поняла, что демон совсем юный: кожа гладкая и более светлая, чем была у Дегара, когда тот стоял на эшафоте. Почти нет шрамов.

— Дети, — прорычал Дегар. — Они поставили на защиту детей!
«Неужели все так плохо?» — ужаснулась Эви.

Между тем демон увидел путников. С такого расстояния они должны были казаться ему черными точками на фоне бурой земли. Он что-то крикнул, подняв руки.

— Нас заметили, — сообщил магистр Куин, свернув линзу.

Действительно, от круга Харраса отделились несколько фигур — одна впереди и три следом — и быстрым шагом направились в сторону гостей. Эвелину охватила тревога: что если демоны не признают Дегара?

Тот молча двинулся навстречу соплеменникам. Эви догнала, пошла рядом. Ей очень хотелось взять Дегара за руку, поддержать. Каково ему сейчас? Вернуться домой, но чувствовать себя чужим? Маленьким, слабым, задыхающимся от жара, рядом с могучими демонами. Чем ближе подходили сыны Джалгарра, тем заметнее становилась разница. Дегар в теле Райли, хоть правитель Карнаэля был высоким и сильным парнем, едва доставал демону до груди.

Вот их разделяет пятьдесят шагов, двадцать, десять... Идущий впереди сын Джалгарра остановился, опустил копьё острием в землю. Сверкнули черные глазищи.

— Аррашор ирссар, шаари, — проревел он.

Голос демона казался громом.

«Шаари... Он считает нас улитками, — похолодела Эви. — Сейчас насадит на копьё и поджарит на костре, как на вертеле».

С перепугу она позабыла, что демоны не едят мяса. Да и вовсе не питаются обычной пищей.

Дегар, вместо того чтобы возмутиться или испугаться, неожиданно рассмеялся.

— Ассираш са, Виран ха-Лассер, шаари, — сказал он.

Если Эви что-то понимала в приставке «ха», Дегар назвал грозного соплеменника по имени и, похоже, ответил что-то в духе: «Сам ты улитка!»

Демоны почти не проявляли эмоций, поэтому то, как молодой защитник отпрянул и воззрился на Дегара, точно увидел перед собой призрака, можно было посчитать высшей степенью изумления.

— Дегар! Дегар ха-Тэшш! Дегар! — на три голоса проревели демоны.

А потом медленно опустились перед Дегаром на колени и стали одного роста с ним. Дегар подошел и заглянул в глаза соплеменника, сжал кулак и прижал к груди. Виран ха-Лассер повторил его жест. Дегара признали! Но что же дальше?

Дегар обернулся к спутникам и указал на них открытой ладонью. Он что-то быстро и уверенно объяснял сынам Джалгарра, а те внимательно слушали, время от времени наклоняли головы в знак согласия. В гортанной речи Эви улавливала знакомые названия артефактов. Вздрогнула, услышав «вейрри», и едва не спряталась за спину магистра Куина, когда три пары темных глаз обратились на нее.

Но вот Дегар замолчал, а Виран ха-Лассер поднялся на ноги.

— Арс, — рыкнул он. — Шахри шиар.

— Вперед, сделаем, что должно, — перевел Дегар последние слова. — Магистр, теперь вы мне верите? Времени очень мало. Мне понадобятся артефакты.

Магистр Куин кинул взгляд на плиты из песчаника, на удивительный белый огонь, на защитников круга Харраса: каждое слово Дегара оказалось правдой.

«А я в нем и не сомневалась!» — с гордостью подумала Эви.

Егермейстер снял перстни, расстегнул ожерелье и браслет.

— Гристринс верну, когда своими глазами увижу Червоточину.

— Тени вам было мало? — возмутилась Эвелина. — И как вы увидите Червоточину? Мы ведь не зайдём в круг.

Она оглянулась на Дегара за поддержкой.

— Не зайдём?

— Я найду один. Остальным не обязательно.

— Если дело касается спасения мира, люди не останутся в стороне, — спокойно возразил магистр Куин. — Помощь сильного мага тебе не помешает.

— Двух магов, — прошептала Эви. — Второй не очень сильный, но своего мужа я одного не отпущу!

Круг Харраса подступал все ближе. Эвелина ощущала незнакомую грозную силу, от которой по коже бежали мурашки. Демоны ушли вперед, магистр отстал, Эви и Дегар шагали рядом, так близко, что их руки иногда соприкасались.

Сколько времени они были вместе — брели по лесу, грелись у костра. Сколько дней и часов утекли сквозь пальцы — не вернуть. Больше никогда не прижаться к груди, не проснуться в объятиях друг друга...

Эви сморгнула слезы, заговорила о неважном, лишь бы не думать.

— Почему они опустили перед тобой на одно колено? У вас так приветствуют друзей?

Уголки губ Дегара приподнялись в легкой улыбке.

— Не совсем. Долгая история.

Эви смерила взглядом расстояние до каменных плит: быстрым шагом добираться еще несколько минут.

— Расскажи!

— Прадед моего прадеда был тем, кто вывел сынов Джалгарра, когда рушился наш родной мир. Спас горстку выживших. Тогда его стали называть исс Гаран ха-Тэши.

— Исс... — повторила Эви. — Исс... Так это не имя?

— Это титул. Все потомки, включая меня, получают его по праву крови. Но я отказался от своих прав, когда ушел дорогой доблести... Поэтому предо мной преклоняют одно колено. Ведь я только родной дядя правителя Ашхатара.

— А? — Эвелина встала столбом. — Что? Ты кто?

— Я был королем. Мой долг спасти свой народ.

— Но как? — Глупые вопросы не помогали, но умных у Эвелины не находилось. — И никто из людей не понял, кто ты?

— Правящий род ничем не выделяется среди остальных. Это безопасно. И правильно. Люди не знают наших обычаев, языка, нахватались по верхам. Раньше на моем плече горела печать «огонь Джалгарра» — символ королевской власти. Но теперь... — Дегар грустно усмехнулся. — У меня не осталось тела и доказательств.

Языки пламени в треугольнике шрамов — Эви отлично помнила причудливый вензель.

— Король, — прошептала она. — Мой король. Если бы только я могла тебя спасти...

Она поддалась порыву и крепко обняла Дегара, а он ее.

— Магистр тоже не знает?

— Я рассказал. Если у нас сегодня все получится — пора закончить бессмысленную войну. Если нет... Тем более. Ты всегда найдешь здесь защиту, вейрри. Сыны Джалгарра знают, кто ты.

Так о многом хотелось поговорить, расспросить, и так мало оставалось времени. Пока шли к кругу, в щель между камнями пыталась пролезть другая туманная тварь. Защитник круга разделался с ней, но красная искра в его кристалле погасла. И все-таки он остался стоять на месте — практически безоружный.

Виран ха-Лассер встал у проема, дожидаясь, пока подойдут остальные. Дегар произнес несколько слов на родном языке, указывая на костер.

— Я попросил притушить огонь, чтобы мы смогли пройти.

Сын Джалгарра провел ладонью по языкам пламени, те послушно, будто псы, улеглись у его ног.

— Саррш ашиар таш, — сказал он.

И эти же слова негромко повторили защитники, стоящие неподалеку. Сжали копья. Дегар покачал головой.

— Ришарт ассаш шисса! — ответил он так, что сразу было ясно: это приказ, и перевел для Эвелины и магистра Куина: — Они хотят пойти с нами, но я велел оставаться там, где они нужнее. И ты, огонек...

— Даже не вздумай идти без меня!

Пока Эви шла к кругу Харраса, она боялась, что ей не хватит решительности перейти последнюю черту. Струсит, а то и в обморок упадет. Но сейчас она так разозлилась на Дегара — наверняка он сразу планировал оставить ее в безопасности! — что первая перепрыгнула через едва тлеющий костерок. Топливом для светлого пламени служили не дрова, а незнакомый серый минерал.

В следующую секунду ноги по щиколотку утонули в пепле. Если за границей круга стоял невыносимый зной, то здесь было настоящее пекло! Эви пошатнулась, оперлась спиной о камень — с этой стороны

он весь потрескался от жара — и с трудом набрала в грудь раскаленный воздух.

Кто-то положил ладонь ей на плечо, и дышать сразу стало легче.

— Невыносимая девчонка! — проворчал магистр Куин. — Кому стало бы проще, прыгни ты прямиком в пасть Тени?

Он выговаривал Эвелине и одновременно плел заклятия, окружая ее, себя и Дегара защитным полем. Эви смогла осмотреться, хотя глядеть, в общем, было не на что. Пепел, пепел — куда ни кинь взгляд. Обожженные, потрескавшиеся камни, из последних сил сдерживающие распространение губительной тьмы. В самом центре чернела воронка, и от нее, будто воспаленные вены, ветвились по земле разломы. А еще здесь было очень тихо, за пределами круга смолкли все звуки — ни шума ветра, ни голосов. Вот она — Червоточина.

Магистр Куин снял с шеи последний артефакт, Гристринс, и передал Дегару.

— Что теперь?

Тот ответил хмурым и немного растерянным взглядом.

— Ты не знаешь! — ахнула Эвелина.

И едва не расхохоталась нервным смехом. Сколько шансов у них было собрать все артефакты и добраться до Червоточины живыми и невредимыми? Один из ста. И вот они здесь. И не представляют, что делать дальше!

Магистр Куин выждал пару мгновений. Несмотря на серьезность ситуации, в его спокойных глазах поблескивали искры веселья.

— Будем считать, что сама Пресветлая вывела вас ко мне навстречу. Признаюсь, я хотел сворачивать поиски. Я не знал, где вы. Гонял парней по лесу несколько дней и понимал, что искать можно до бесконечности.

— Мы сами пришли к вам в руки? — изумилась Эви. — Настоящее чудо...

— Особенно если учесть, что я знаю, как можно закрыть Червоточину, — спокойно сказал магистр Куин. — И юный артефактор как нельзя кстати. Вместе справимся. Я надеюсь. Но придется действовать быстро. Оглянитесь!

Эвелина не успела повернуть голову, как Дегар забросил ее за спину, закрыл собой. Из воронки в земле лезла, вспухая точно тесто,

черная Тень. Она выпустила щупальца, которые потянулись в сторону незваных гостей, потревоживших покой Червотчины.

— Камни! — крикнул магистр.

Дегар, не колеблясь ни секунды, передал в руки егермейстера артефакты. Тот сжал их в ладонях, и на землю полился расплавленный металл — золото, серебро, платина. Повинуясь магии, очищенные камни поднялись в воздух, закружились вокруг своей оси, выпустили лучи. В каждом движении магистра сквозила уверенность. Эви невольно залюбовалась отточенными плетениями — за каждым годом практики. Настоящий боевой маг.

«И мы три раза уходили из-под носа, — снова изумилась Эвелина. — Не иначе, сама Пресветлая была на нашей стороне!»

Тень перевалилась за край воронки и поползла, задевая брюхом пепел. Эви оцепенела: тварь двигалась напрямик на них. Дегар заслониł собой, но разве он выстоит против Тени?

— Магистр! — пискнула Эви.

— Терпение, — бесстрастно откликнулся тот, заканчивая сложное заклятие.

Разноцветные нити соединились в один луч, который ударил в Тень, разметал ее во все стороны. Ошметки еще долго кружились в воздухе.

— Что теперь? Направим луч в Червотчину?

— Нет. — Магистр поднял палец. — Тихо. Наблюдайте.

Он уставился на пятно тьмы, точно чего-то ждал. Эви ничего не понимала, но не мешала, судорожно вцепившись в рукав куртки Дегара. Бежали мгновения. И вот снова на поверхности воронки вспухла пузырями Тень.

— Тридцать пять, — сказал Дегар.

— Тридцать четыре, — поправил его магистр. — Но будем считать, тридцать. Нам нужно успеть за это время.

«Тридцать чего?» — хотела крикнуть Эвелина, но скоро догадалась и сама: Дегар и магистр считали, сколько проходит времени между уничтожением Тени и появлением новой.

— Проверим еще раз.

Луч испепелил тварь, теперь и Эви, путаясь от волнения в цифрах, принялась отсчитывать мгновения. Сердце мешало, летело галопом, сбивало.

— Двадцать восемь, — спокойно сообщил Дегар, будто его вовсе не волновало дымное щупальце, которое тянулось к нему. — Они чувствуют нас. Чувствуют опасность. Поторопимся.

— Постараемся успеть за двадцать секунд. Нам нужно разложить артефакты на лучах пентаграммы.

— Здесь нет пентаграммы, — прошептала Эви. — И если мы разделим камни, то как станем уничтожать Тени?

— Никак! — строго сказал магистр. — Мейджи Соль, отвечай, что делает артефактор, когда у него нет времени и возможности начертить пентаграмму?

Эви моргнула, мысленно перебирая ворох учебников и конспектов. Вспомнила, как одноклассники аккуратно и точно выверяли лучи, ползая по полу подземной лаборатории, как ругался на нерадивых студентов магистр Лавер, заставляя стирать пентаграммы и строить заново.

— Не представляю, — честно призналась она.

— Так вот, послушай, что тебе говорит маг-практик, — усмехнулся магистр, между делом обращая в прах новую Тень. — Когда нет времени и возможности начертить пентаграмму...

Он сделал многозначительную паузу.

— Приходится действовать на глазок! Я задам векторы, этого достаточно. Дегар, ты огибаешь Червоточину справа и оставляешь Арканар и Харамон, я слева. Эвелина, ты ждешь на месте с Грестринсом. Он слушается тебя. Когда подам знак — кидай артефакт в воронку.

— В воронку? А дальше? А Тени? Что делать, когда они снова полезут?

— Уворачивайся! — жестко припечатал магистр.

Он уничтожил очередную тварь и быстро, не оставляя места сомнениям, разорвал круг камней. Кинул алмаз в руки Эвелины.

— Двадцать! — крикнул он, начиная обратный отсчет.

Рубин и сапфир прыгнули в ладонь Дегара, тот сорвался с места и побежал туда, где над землей раскинулась, мерцая, призрачная пентаграмма. Магистр начертил линии прямо в воздухе — неверные, едва заметные.

— Деятнадцать! — откликнулся на бегу Дегар.

— Восемнадцать! — подхватила Эвелина, подпрыгивая на месте от нетерпения и страха.

Ее взгляд метался от черного зева Червоточины к магистру, который уже оставил у основания луча изумруд, к Дегару, который тоже спешил изо всех сил.

— Семнадцать, шестнадцать, пятнадцать...

Как долго, как далеко бежать к последним лучам.

— Тень! — вскрикнула Эви. — Дегар! Магистр! Тень!

Они видели, но что они могли сделать? Магистр Куин на ходу сплетал заклинания и кидал в дымную тварь, но они только притормаживали чудовище, слепленное из черного тумана. А то рвануло было за Дегаром, но вдруг остановилось, Эви почудилось, будто повело носом, как пес, развернулось и поползло к ней.

Эви кинулась под защиту плит, но ужас заставил ее сделать лишь несколько шагов. Надо вернуться. Как бы ни было страшно. Другого шанса не появится.

Она сжала Гристринс, ладонь кольнуло холодом. Что если в этой раскаленной пустыне ледяной артефакт защитит от Теней? Эви зажала его в кончиках пальцев и выставила перед собой. Другая рука выплетала заклятие ветра. Ледяной вихрь обрушился на Тень, и та приостановилась, точно оглушенная.

Но из зева воронки уже ползла следующая, а за ней, цепляясь щупальцами за края, еще одна. Эвелина давно сбилась со счета. Червоточина знала, что ей грозит опасность, и гнала своих стражей одного за другим. Краем глаза Эви увидела, что Дегар упал на землю, над его головой пролетел дымный отросток. Задел? Сердце оборвалось в пропасть, но тут же снова неровно забило в груди: Дегар полз вперед.

«Еще немножко! Еще чуть-чуть!»

Пепел взметнулся в воздух, и в сгустившейся тьме покачивалась над землей дрожащая звезда пентаграммы. Значит, магистр тоже жив. Но Эви не могла разглядеть его за завесой пепла. И самое страшное — не различала, где Тени, а где клубы дыма. Пальцы, сжимающие Гристринс, болели от холода. Она водила им из стороны в сторону, надеясь продержаться еще несколько мгновений.

— Эвелина, давай! — донесся издали едва различимый голос.
— Сейчас.

Эви сделала шаг вперед. Червоточина — вот она, зияет чернотой. Да только между Эвелиной и воронкой клубились Тени. Не одна, не две — много.

«Если я побегу сквозь них, успею добежать? Может быть, ноги сами понесут меня вперед, даже если душа погибнет?»

Да какой у нее выбор? Судьба мира буквально лежала в руках Эви.

— А-а-а-а! — закричала она, срываясь с места.

Рядом вдруг выросла огромная фигура — красная кожа, костяные наросты на голове. Виран ха-Лассер возник точно из-под земли и побежал бок о бок с ней, выставив копье.

— Арс! — рычал он. — Арс!

«Вперед, — слышала Эви. — Вперед!»

Тени сворачивались, рвались, ключья застилали взгляд, обжигали кожу. Алая искра, мерцающая внутри прозрачного кристалла на острие копья, становилась все меньше и бледнее. Эви не видела Дегара, не видела магистра Куина. Живы ли они?

Тень, стоящая между Эвелиной и Червоточиной, взорвалась с тихим хлопком. Но вокруг кишели другие — большие и маленькие. Червоточина исторгала их в отчаянной попытке противостоять вторжению.

— Арс! — рявкнул демон. — Ширс та, вейрри Дегар Тэшш.

Вейрри Тэшш. Так ее теперь называют. Жена Дегара... Эти слова выдернули Эви из оцепенения. И в этот момент Тень, размером не больше собаки, кинулась под ноги Вирана. Тот дернулся, словно его прошила молния. И без звука, без стога рухнул ничком. Взметнулся пепел и припорошил его неподвижное могучее тело.

— Твари! Проклятые твари! — закричала Эвелина.

Она размахнулась и изо всех сил зашвырнула Грестринс в нутро Червоточкины. Тьма взвыла. Края воронки пошли трещинами, земля содрогнулась. Эви упала на корточки, силясь разглядеть в чаду хоть что-то. Ей чудилось или правда по ту сторону воронки поднималась на ноги высокая фигура? Магистр? Дегар? Человек развел руки, и, подчиняясь ему, в воздух взмыли разноцветные камни, которые светились в сумраке ярко, как звезды.

— Эвелина, — долетел до нее голос магистра Куина. — Теперь прикажи Грестринсу призвать их!

Эви не успела удивиться, как она может приказать Гривстринсу, потому что почувствовала связь с алмазом.

— Давай! — прошептала она.

Артефакты засияли, освещая все алым, зеленым, синим и антрацитово-черным светом. Они медленно-медленно, преодолевая сопротивление, двигались навстречу друг другу к центру воронки. Та корежилась, будто огромный беззубый рот. Кривилась в безмолвном крике. Но остановить артефакты было невозможно.

Постепенно, метр за метром, воронка сжималась. Земля стонала. Червоточина не сдавалась, выплевывала Тени, и те, слабые, жалкие, расползались в стороны. Пепел плотной завесой висел в воздухе.

Как ни сопротивлялась Червоточина, она становилась меньше. Сужалась. Артефакты тянулись друг к другу и к Гривстринсу, который звал их за собой.

И вот наступил момент, когда Арканар, Харамон, Олгун и Ленар соприкоснулись и стремительно рухнули вниз. Но там, где еще минуту назад чернел зев воронки, остался только неровный шрам на теле земли. Червоточина поглотила Гривстринс, но четыре артефакта остались. Земля вздрогнула в последний раз и утихла.

Эви упала, зарывшись лицом в пепел.

Очнулась, когда ее перевернули на спину, затормошили. Эвелина разлепила спекшиеся ресницы.

— Дегар...

Демон опустился рядом на колени, почти упал. Он был вымотан до предела, но и сейчас старался держать лицо ради Эви.

— Все хорошо. Мы справились.

Он не с первого раза сумел поднять ее на руки, встал, пошатываясь, и пошел к выходу из круга. Костры погасли, часть камней разломилась на части, и из земли торчали острые обломки.

— Я дойду сама... — прошептала мейджи.

И удивилась, какой у нее тихий голос, не громче шелеста ветерка. Дегар и отвечать на это ничего не стал, а Эви сама поняла, что напрасно храбрится. Погладила Дегара по щеке: хотела отряхнуть пепел, но тот, жирный и черный, только размазался, оставляя на коже грязные полосы.

— А магистр? — спросила она, приподнимая голову.

Успела испугаться, что егермейстер погиб, но тот стоял неподалеку, тяжело опираясь рукой на разбитую плиту. Круг Харраса был разрушен, но артефакты сделали свое дело — запечатали выход Тьме.

— Артефакты?

— У меня, — ответил Дегар.

Магистр, оказывается, ждал их — выпрямился, несмотря на бледность. Дело неладно: Червоточина закрылась, но ничего еще не закончилось. Эви поняла это, когда увидела тела сынов Джалгарра. Один, два, три... А после перестала считать. Защитники круга лежали повсюду, сжимая копьа, в кристаллах больше не светились искры.

— Тени... — прошептала она. — Их было так много, что они вырвались наружу...

— Ашрас та, Аврил ха-Сар, — крикнул Дегар, подзывая мальчишку-демона, судорожно прижимающего к груди оружие: кристалл еще не разрядился, именно это спасло защитника. — Вейрри Тэши ашиарр!

— Шаас, исс! — немедленно откликнулся тот.

Дегар опустил Эви, оперев спиной на обломок плиты. Снял куртку, свернул, сунул ей под голову. Аврил ха-Сар встал над Эвелиной, заслонив собой. Вид у мальчишки был суровый. С такими лицами идут на смерть.

— Что происходит? — Эви испуганно схватила Дегара за руку.

— Мы идем искать Тени. Надо успеть, пока они не разбрелись по Ашхатару. Ты ждешь нас здесь. Аврил защитит тебя, вейрри. Сейчас здесь самое безопасное место.

Эвелина по тону голоса Дегара научилась определять, когда спорить с ним бесполезно. Он все решил. А то, что ей страшно до колик в животе за его глупую голову... Да кому это интересно!

Дегар опустился на колени, коснулся губами горячего лба, а потом вложил в руки камни. Эви почувствовала, что через них течет сила: артефакты сохранили магию, но ослабели без своего предводителя — Гристринса.

— Только вернись! — попросила мейджи.

— Конечно, — улыбнулся он обожженными, растрескавшимися губами.

Кожа почернела от пепла. Все тело в ссадинах.

— По-моему, кто-то учится обманывать... — вздохнула Эви, не поверив ни на миг этому «конечно».

— Так ведь я теперь почти человек, — грустно усмехнулся Дегар.

Он с трудом поднялся на ноги и принял из рук магистра Куина копьё. Дегар, магистр и оставшиеся защитники круга разошлись в стороны, чтобы найти и уничтожить тварей.

Эви попыталась поговорить с Аврилом, соединив известные ей слова в корявое предложение: «Ашарр саар, Аврил. Вейрри Тэшш шаари». Хотела пошутить. Мол, придется тебе быть сильным, Аврил, ведь жена Дегара Тэшша всего лишь улиточка. Но сын Джалгарра юмора не оценил, только поклонился глупенькой шаари с невозмутимым выражением лица и снова застыл с копьём наперевес.

Эвелина слезящимися глазами следила за удаляющейся фигурой Дегара, пока не потеряла из виду «Он вернется! После всего, что нам пришлось пережить, по-другому просто не может быть!» *«Не все сказки заканчиваются хорошо!»* — раздался в голове презрительный

голос Бальгазара. «Заткнись! Тебя здесь вообще нет!.. Так, стоп, Эви, ты уже начинаешь разговаривать сама с собой...»

Мейджи растерла ладонями уставшее лицо, предпочитая не думать, что похожа сейчас на чудовище из детских сказок — чернавку из-под лавки, лохматую грязнулю.

Над землей пронесся гром. Эвелина задрала голову: на небе ни облачка. Да и откуда бы взяться дождю над раскаленной пустошью? Или? Она приподнялась и осмотрелась. Когда портал телепорта разрывает пространство, он так же грохочет.

— Магистр? Дегар?

Никого не видно. Аврил широко расставил ноги, закрывая собой Эвелину. Демон был еще юным, невысоким по меркам сынов Джалгарра, но уже очень смелым. И когда могучий магический смерч смял его и отбросил прочь, ломая, точно фигурку из воска, Аврил все еще старался подняться, опираясь на сломанное копьё. Он сумел сделать лишь шаг, упал, дернулся и затих.

Эви вскочила, закричала, сложила пальцы арканом Улмер. Откуда только силы взялись! Но кто этот невидимый враг? Почему напал без предупреждения?

Из-за наклоненной плиты вышел человек. Он без труда отбил заклятие Эви, а ее саму швырнул на землю, припечатал магией. Из носа мейджи хлынула кровь. Эвелина глотала соленую влагу и не знала, можно ли верить глазам. Наяву ли это происходит? Или она бредит?

— Бальтазар... — выдохнула она.

Бальтазар. Он приближался с грацией хищника. Холеный, красивый. Бальтазар был котом, который всегда приземляется на все четыре лапы: ничто его не берет.

Он наклонился над Эвелиной, встряхнул за шкурку и поставил на ноги. Эви постаралась незаметно запихнуть артефакты поглубже в карманы плаща, но Бальтазар надавил на запястья, вынуждая выпустить камни из рук.

— В некотором роде это даже забавно. Сокровище снова достается победителю.

Эви не видела ничего забавного. Она молчала, сосредоточившись на том, чтобы не упасть. Еще не хватало. В пыль. На колени.

— Где Грестринс?

Он ударил ее по лицу. Испачкал кровью ладонь и брезгливо вытер ее о плащ Эви.

— Грестринс погиб! — крикнула мейджи, а страх ненадолго уступил место злорадству. — Погиб, когда мы закрыли Червоточину. Ты его больше не получишь! Как ты мне надоел! Хоть бы ты сдох уже наконец!

Бальтазар занес руку для следующего удара, Эвелина отшатнулась, но король не стал бить.

— Позже, — усмехнулся он. — А ведь я хотел оставить тебя в живых... На какое-то время!

Толкнул в спину.

— Иди!

«Почему не откроет портал?» — удивилась Эви, потом догадалась, что остаточная магия круга Харраса создает слишком сильное искажение. Бальтазар уведет ее на несколько десятков метров и только тогда сотворит телепорт.

И все. Никто и никогда больше не увидит глупую улиточку живой...

Эви тщетно всматривалась в горизонт, надеясь разглядеть Дегара. Воздух дрожал над раскаленной землей. То ли бредет вдалеке человеческая фигура, то ли клубится дым, то ли катится колючий куст перекасти-поля.

Дегар поймет, что произошло. Он отомстит. Пришлось утешаться этим.

Эви побрела нарочно медленно. Еще надеясь на что-то... На что? Глупая.

Почему обернулась и сама не поняла. Меньше всего ей хотелось любоваться на зверя в человеческом обличье. Как же несправедлива бывает судьба — почему человеку с гнилой душонкой досталось такое красивое тело? Может, потому и оглянулась, что хотела доказать себе — не так уж он и хорош собой.

Правитель Ферранда поймал ее взгляд и оскалился широкой и острой как нож улыбкой. Красивое и опасное чудовище.

И тут краем глаза Эви увидела за спиной короля еще более опасную тварь. Сгусток темноты подкрадывался неслышно, ни одна песчинка не сдвинулась с места. Это была Тень. Она не походила на

тех жутких созданий, которые лезли из Червоточины первыми. Небольшая, размером с кошку, но все равно смертоносная.

Бальтазар не видел Тени и ничего не чувствовал. «Берегись!» — рванулось из глубины души: «Сзади!» Все человеческое внутри Эви всколыхнулось и закричало от ужаса, но она посмотрела на лицо короля — бездушное и пустое лицо убийцы, и медленно улыбнулась в ответ.

Не перестала улыбаться и тогда, когда Тень вытянула щупальца и обвила Бальтазара за ноги. Тот содрогнулся, как от удара молнии. Глаза сделались удивленными. Он успел сложить пальцы в незаконченный аркан, но колени подогнулись, руки заскребли по запекшейся земле. Тени было все равно, какими душами питаться, так что и гнилая душа Бальтазара пришлась ей по вкусу.

Она будто даже немного подросла, встряхнулась, точно собачонка, и поразмыслив мгновение, двинулась к Эвелине.

Эви отпрыгнула, споткнулась — ноги держали плохо. Упала и больно оцарапала ладони. Начала плести заклинание, да какой смысл — магия не спасет от иномирной тьмы! Она отползала, опираясь на руки, а Тень приближалась — не быстро, но неумолимо.

«Что же делать? Что же...»

Спасительная мысль вспыхнула ярким светом. Бедняга Аврил, чье изломанное тело лежало неподалеку, до сих пор сжимал копьё! Эви, застонав, поднялась на неуверенные ноги. Действительно, улисточка! Такая же медленная и жалкая.

Эви брела и не оборачивалась. Слишком страшно: Тень могла быть в шаге за спиной.

Она упала на колени рядом с мальчишкой — демоном, разжала все еще теплую руку. «Прости, Аврил, ты все-таки помог мне, защитил...» Откинулась на спину, замахиваясь копьём. Каким чудом попала? Не иначе Пресветлая направила удар. Или это сам огненный бог принял маленький огонек в свою семью?

Алая искра на острие копьё погасла. Но она сослужила последнюю службу — Тень взорвалась клоками, развеялась по ветру.

Эвелина долго лежала, глядя в рыжее, точно горящее, вечернее небо. Неужели с Бальтазаром покончено? Или он снова играет с ней в кошки мышки? Вот сейчас, хохоча, вскочит на ноги. Эви передернуло

от ужаса. Нет, надо дойти и посмотреть. И пронзить копьем, стоит ему пошевелиться!

Бальтазар лежал, раскинув руки. Да только он не был мертв... Но и жив не был...

На занятиях по некромантии Эви научили видеть живую душу. Пока теплится жизнь — нельзя использовать тело. Зови целителей, спасай, или просто жди, если это враг, а поднимать и заставить служить себе — не смей. За это можно и в Каззар загреметь на несколько лет.

У тела, лежащего перед ней, не осталось души. Однако билось сердце и вздымалась грудь. Что за чудеса?

«Ленар! — догадалась Эвелина. — Это его магия!»

Жуткая магия... Надо бы освободить карманы Бальтазара от артефактов. Эви потянулась было, но замерла. Покрутила головой. Нет. Потом качнула. Да! Опустилась на землю и стала ждать.

Первым появился магистр Куин, пришел в сгущающихся сумерках. Он сразу догадался обо всем, что здесь произошло. Встал рядом, опустил ладонь на плечо.

— Вы поможете мне? — только и спросила Эви.

— Помогу. Если Дегар согласится.

Один за другим возвращались сыны Джалгарра. Разводили костры, садились вокруг, набирали полные ладони пламени. Это было пугающе и красиво. Алые отблески струились по красной коже. Дегар больше никогда не сможет зачерпнуть огонь рукой. Не вернет себе могучее тело. Но он будет жив! Жив! Это главное!

Дегар появился одним из последних. Вгляделся в темноту, высматривая Эви. Увидел ее, магистра, распростертое тело... Кинулся навстречу, подхватил Эвелину на руки.

— Огонек... Эта гхорр-ша... Пададь... — от волнения Дегар путал языки. — Что-то успел?

— Нет, нет, нет... — Эви целовала колючие щеки, пропахшие дымом. — Нет... Он мертв... Тень убила его. Почти убила. Его тело пусто, но живо. Магистр Куин поможет!

Она горячо и сбивчиво шептала и ни на миг не выпускала Дегара из своих объятий.

— О чем ты просишь? — глухо спросил он.

— Останься со мной!

— Это тело... шхасса... скверна...

— Если правитель Ферранда вернется в столицу и внезапно объявит, что с демонами можно договориться, это пошло бы на пользу обеим сторонам, — подал голос магистр Куин.

Он подбирал слова очень осторожно:

— Пора заканчивать эту войну. Бальтазар влиятельный правитель, в его распоряжении цитадель Виир с древними знаниями. К его мнению прислушивается Магистерииум.

Дегар молчал очень долго.

— Никто не узнает, — добавил магистр. — Эта тайна умрет вместе со мной.

— Егермейстеры поймут.

— Нет. Я научу.

— Почему?

Настал черед магистра Куина молчать.

— Ты достойный враг... И больше того — ты достойный человек. А этому миру нужны достойные люди.

— И я люблю тебя! — всхлипнула Эви.

«И пусть это тело скверна! Разве я не пересилю себя? Разве не привыкну?»

Дегар, не разжимая рук, медленно опустился на землю вместе с Эвелиной. Взял в ладони ее лицо, целовал мокрые веки, искусанные губы.

— Не смей прощаться! — крикнула она.

— Я останусь, огонек. Ради тебя. Ради Ашхатара. Просто знай — не вини себя ни в чем, когда не сможешь подпустить меня к себе.

— Я смогу... — испуганно выдохнула Эви. — Ты это ты!

Дегар не ответил, только бережно погладил Эвелину по щеке.

В залах дворца было жарко и душно, от летнего зноя не находилось спасения и в каменных стенах. После обеда Эвелина ушла в спальню, сказав, что ей нужно прилечь. Теперь у Эви были свои покои во дворце, ведь она стала королевской невестой. Эвелина расстегнула пояс, который давил на живот. Беременности пока почти не было заметно — четвертый месяц, но уже хотелось носить свободные платья и туфельки на низком каблуке. Эви чувствовала себя расплывшимся слизняком. Даже не улиткой. У нее больше не было раковины, в которую можно спрятаться... Когда уже наступит осень? Пройдет свадьба, и можно будет обо всем забыть. Отпустить. Навсегда.

Эвелина растянулась на прохладных простынях, бездумно глядя в потолок. Дни после закрытия Червотчины Эви помнила урывками, как во сне. Если бы она сумела мыслить ясно, разве оттолкнула бы? Разве бы разрушила свое счастье?

Она помнила прилив радости и надежды после окончания обряда. Арканар в руках магистра Куина ярко вспыхнул. Дегар, стоявший в изголовье пентаграммы, рухнул на землю как подкошенный, а спустя мгновение Бальтазар сел, озираясь потемневшими глазами. Следом застонал Райли: «Где я? Что происходит?» Голос будто у испуганного мальчишки.

«Дегар!» — крикнула Эвелина и бросилась, чтобы обнять. Но не смогла. Тело взбунтовалось, оно отказывалось слушать доводы разума. Ей чудилось, что грубая рука обрушит удар за ударом, губы силой вырвут поцелуй. Эви все-таки пересилила себя, приблизилась потихоньку, устроилась на коленях, прижалась к груди. И вздрагивала, надеясь, что Дегар не увидит. Он гладил Эви по руке — смуглая кожа, узкая аристократическая ладонь... на которой все еще оставались следы крови: Бальтазар не вытер как следует костяшки пальцев, после того как ударил Эвелину по лицу.

Райли сидел неподалеку, схватившись за голову. Магистр Куин вполголоса рассказывал, что произошло, пока король Карнаэля спал, а

Раулар не отрываясь смотрел на Эвелину мутными от ужаса и неверия глазами. Ему тоже было сейчас ой как непросто.

Потом было несколько мучительных ночей, когда Эви просыпалась с криком и словно в бреду колотила Дегара в грудь и отталкивала его. В преследующих ее кошмарах Эвелине чудилось, будто Бальтазар победил и теперь она пленница жестокого короля. «Это я, — говорил чужой голос. — Это я, огонек!» Но Эви не верила.

Слишком многое свалилось на ее хрупкие плечи, и однажды утром Эвелина просто не смогла проснуться. Она то тряслась в лихорадке, то плавилась от жара. Кто-то укутывал ее в плащ, носил на руках вокруг костра, поил отваром. «Что с ней, магистр? Как я могу помочь? Теперь у меня есть магия. Научите!» — «Увы, от сильного нервного потрясения магия не поможет. Бальтазар не навредил телу Эвелины, но искалечил душу. Только время...» — «Время поможет?» Магистр не ответил, и Эви подумалось, что он качает головой: не знаю.

Эвелина металась и звала Дегара, но стоило ей открыть глаза, как она снова видела ненавистного Бальтазара. Она кричала и плакала от ужаса. Лицо правителя Ферранда искажалось от муки, будто крики Эви живьем снимали с него кожу.

«Возьми ее...» — услышала она однажды. Эви очутилась в знакомых объятиях, точно скользнула под теплое, уютное одеяло. Прижалась щекой к плечу. И впервые уснула спокойно. Глупое-глупое тело! Если бы Эви знала! Надавала бы себе пощечин, за шкуру согнала с коленей Райли. Ведь это ему Дегар передал свою драгоценную ношу, когда окончательно отчаялся.

«Ты ее любишь?» — Голос точно мертвый.

«Больше жизни!»

«Тогда... — Он недоговорил, застонал, словно от страшной боли, но потом все-таки пересилил себя. — Позаботься от ней. Сделай так, чтобы она навсегда забыла обо мне. Она ради тебя прошла через пекло. Теперь твоя очередь...»

Потом Эвелина узнала, что Дегар ушел в ту же ночь. Отправился в столицу Ферранда. Магистр обещал последовать за ним, после того как проводит Эви и Райли в Карнаэль.

— Эви? — В спальню заглянул Райли, осторожно зашел и прилег рядом. — Как ты себя чувствуешь?

Он бережно положил руку на живот Эвелины.

— Как там наш малыш?

— Он не твой...

Ей хотелось ударить Раулара, хотя он ни в чем не был виноват. Он делал все, чтобы Эви пусть ненадолго почувствовала себя счастливой. Ему сейчас тоже было нелегко. Когда Эви и Райли вернулись в Карнаэль, оказалось, что мэтр Вокр арестован по обвинению в заговоре против королевской четы, а совет четырех распущен.

Магистр Соль признался, что всегда подозревал: смерть родителей Раулара неслучайна. Он долгие годы искал доказательства.

— Придется тебе справляться самому, мой мальчик, — устало произнес королевский артефактор. — Трое из четверых не виноваты в покушении, но они не отказались ухватиться за власть, когда появилась такая возможность. Ты почти превратился в марионетку в их руках. Эви, а тебе я должен признаться...

Но Адриан Соль взглянул на дочь и осекся.

— Мы с Эвелиной поженимся осенью, — сказал Райли.

Он взял Эви за безвольную руку.

— Мы ждем ребенка.

Три месяца Эвелина провела точно в полузабытье. Она ела, гуляла, иногда даже улыбалась глупым шуткам Райли. Но оживлялась только тогда, когда до Карнаэля доходили слухи, будто правитель Ферранда отправил посольство в Ашхатар и демоны, вопреки ожиданиям, не разорвали парламентариев, а согласились выслушать. Вроде бы нашелся разумник, который выучил язык демонов, а коли так, то и с рогатыми лягухами можно будет договориться. «Неужели конец войне? — бежали шепотки. — Да хоть бы и так! Одни убытки от этих войн!»

Нескоро войска опустят боевые знамена, но первый шаг навстречу сделан. Еще говорили, что правитель Ферранда на удивление разумный и благородный человек. А ведь прежде толковали, что самодур и ни одну юбку не пропустит. Жаль, что разум проявился в нем так поздно, но лучше поздно, чем никогда.

Эви вся подавалась навстречу, если речь случайно заходила о Ферранде и его короле. Впитывала каждое слово. «Он жив. И пусть мы больше никогда не встретимся... Он не захочет видеть меня. Оттолкнула. Предала. А ведь обещала!..»

И ребенок... Так глупо. Дитя любви — ее любви к Дегару, но Райли считает его своим.

Раулар не убрал руки с ее живота.

— Можно я тебя поцелую?

— Нет.

— Даже в щечку не разрешишь?

— Нет. Ты обещал, что будешь ждать сколько нужно!

— А сколько нужно? — В голосе Райли звучала затаенная горечь.

— Год, два, три? Пока ты его забудешь.

— Может, и дольше...

Раулар теперь до позднего вечера разбирался с указами, налогами и честно старался вникнуть в дела королевства. Он растерял мальчишескую беззаботность, почти не улыбался, мало спал. Только с Эви оставался предупредителен и нежен. Превращался в прежнего Райли.

Вечером, закончив с бумагами, вел Эви гулять по саду. На яблонях наливались соком маленькие плоды, и Эвелина невольно вспоминала заброшенный сад Лисси, а следом — как ни пыталась забыть — Дегара. Удивительно, она совсем не воспринимала идущего рядом с ней друга детства как Дегара. А ведь это то самое тело, шрамы никуда не делись. Руки, изученные до каждой тонкой линии на ладонях. Губы, которые прежде так сильно хотелось поцеловать. Только глаза стали серыми.

Райли иногда затевал такую игру — показывал шрам и спрашивал, откуда он взялся. Он тайно гордился победами и подвигами, которые принадлежали не ему. «Эх, Райли, давно бы пора самому совершить достойный поступок!» — думала Эви, но по обыкновению щадила чувства лучшего друга.

«Мужа!» — поправляла она себя, и дыхание перехватывало от ощущения невосполнимой утраты. Не этого человека она первого назвала мужем.

— Откуда этот шрам? — Райли указал на плечо, где остался кривой след от удара «Секирой».

Он уже десятки раз слышал эту историю, но она ему не надоедала. Скоро выучит наизусть, а то и поверит, что на самом деле был вместе с Эвелиной в ледяной пещере.

— А этот?

Он закатал рубашку и предъявил тонкую полоску на боку. Эви дотронулась кончиками пальцев, но тут же, опомнившись, отдернула руку.

— Этот от раскаленного железа...

— Ух, магистр! Не ожидал от него! Пыточных дел мастер! — смеялся Райли.

Хорошо ему веселиться, не испытав на собственной шкуре прикосновения раскаленного прута. Эви не держала зла на магистра Куина, тот выполнял свою работу — защищал людей от чудовищ. Тогда он не знал, что встреча с настоящими чудовищами ждет впереди.

— А это откуда?

У основания большого пальца правой руки осталось сухое пятно — след плесени. Эвелина погладила шершавую ладонь и вдруг расплакалась. Она знала каждую клеточку этого тела, но тот, без кого она не представляла своей жизни, исчез бесследно. Где прямой взгляд? Где тот разворот плеч, будто Дегар в любой момент готовится вступить в бой? Райли болтал без умолку, думал, что этим утешит Эви. Дегар же скупно ронял слова, словно каждое было на вес золота.

Если бы Эвелина подождала немного, она разглядела бы Дегара в другом теле. Узнала по полуулыбке, приподнявшей кончики губ. Узнала бы по внимательным темным глазам.

Эвелина рыдала. Райли устроил на ее плече нерешительную ладонь.

— Все-все, морковка... — хлопотал он, поглаживая по спине. — Скоро все наладится. Вот разберусь с делами и придумаю для тебя праздник. Позовем музыкантов. Уличных артистов. Помнишь, как ты любила уличных артистов?

Дегар сгрел бы в охапку, усадил на колени. В кольцо его рук Эви чувствовала себя, как за несокрушимой стеной. Райли хороший... Хороший... Но для него стеной всегда будет Эвелина.

— Подумай о ребенке...

— О да, последний аргумент в борьбе со слезами глупой беременной женщины!

«А Дегар и не знает о малыше!» — пронзила внезапная мысль, и слезы снова потекли рекой.

Перепуганный Райли побежал за Адрианом. Отец теперь неотлучно находился при дворе, снова заняв должность артефактора.

Магистр принес флаконы с отварами, отмерил по несколько капель из каждого в заботливо подставленную Рауларом чашку.

Эви сморила дремота. Ее закутали в плед, задернули шторы. Отец и Райли не знали, что она еще не спит.

— Райли, я люблю тебя, как сына, — сказал магистр Соль. — Но моя дочь несчастна с тобой.

— Он сам уступил ее мне! — в запальчивости крикнул Райли, испугался, что разбудит Эвелину, и перешел на горячий шепот. — Она забудет! Не сейчас, так позже. Осенью. Или когда родится ребенок! Я люблю ее всю жизнь! Я никому ее не отдам!

— Даже если Эви завянет на твоих руках? Станешь смотреть, как жизнь постепенно покидает ее? Вспомни, какая она была — словно яркое пламя. А теперь мне больно на нее глядеть...

Райли ничего не ответил. Он дождался, когда магистр Соль сложит склянки с зельями и уйдет, оставив их с Эви наедине. Лег и осторожно обнял Эвелину.

— Ты моя... — повторял он. — Ты моя.

Утром Райли принес в спальню Эви завтрак — горячие булочки, ароматный взвар, янтарный мед на подсушенных хлебцах.

— Поешь хоть немного, морковка. Вот, давай пополам.

Он кормил ее с рук. Подхватил пальцем капельку меда, оставшегося на подбородке. Подай ему Эвелина знак, хоть один наклон головы, хоть слабую улыбку — и сам припал бы к ее губам.

— А теперь гулять!

— Разве ты не должен разбирать документы?

— Дела подождут!

Раулар позвал горничных и строго наказал не затягивать на фигуре невесты тугого пояса. Они впервые за долгие дни выбрались в город, к деревянному мосту, с которого в детстве любили запускать кораблики-щепочки. Смотрели, чья быстрее.

Райли вспоминал детские проказы, смеялся и все поглядывал на Эви, надеясь увидеть, как румянец возвращается на бледные щеки.

— Помнишь, как я зазевался, поскользнулся на мокрых досках, а ты меня удержала. Как только смогла? Я и тогда был здоровяком, а ты была такая тощая морковочка.

— Я тебя удержала, потому что ты мне дорог, Райли. Правда дорог. Всегда был и будешь.

Эви повернулась, взяла Раулару за руки и подняла глаза.

— Но я не смогу тебя полюбить так, как ты хочешь. Прости...

— Ты привыкнешь!

— Я привыкну... — эхом отозвалась она.

— О, Эви! — выдохнул он и прижал к себе истончившееся тело: в чем только душа держится...

На следующий день Райли сказал, что ему нужно уехать.

— Надолго? — удивился магистр Соль. — Возьмешь с собой охрану?

— Справлюсь сам! — сквозь зубы процедил Раулар.

Райли выглядел как человек, который принял самое трудное решение в жизни и теперь боится передумать.

— Вернусь через неделю. Скажите Эвелине, что я отправился на смотр войск, чтобы она не волновалась.

Он ушел на следующий день, захватив с собой только походный мешок. Магистр Соль долго смотрел ему вслед.

— Удачи в твоём главном испытании, мой мальчик, — негромко произнес он.

Эвелина устроилась с ногами на кресле с шитьем на руках. Рядом на стуле присела Марта, она объясняла дочери, как сметывать распашонку швами наружу. Эви никогда прежде не брала в руки иголку с ниткой, но сейчас ей хотелось отвлечься. За окном дома артефактора темнела ночь, качались в свете фонарей кроны деревьев.

— С помощью магии я бы сделала это в сто раз быстрее, — ворчала Эви, путаясь в нитках.

— Не все решает магия, доченька, — откликнулась Марта. — Папа столько лет бился в поисках убийцы родителей Райли. Магия ни в чем ему не помогла. И ведь были у него подозрения по поводу мэтра Вокра, а сделать ничего не мог. Так что поход Раулара оказался на руку — Адриан боялся: враг почувствует, как сжимаются тиски и избавится от последнего в роду.

Марта узнала всю правду о «походе», когда дочь вернулась к ней целая и невредимая, но до сих пор отказывалась называть опасную экспедицию, в которой Эви тысячу раз могла погибнуть, иначе. Эви до сих пор немного злилась на отца за то, что тот взвалил на ее плечи эту непосильную ношу.

— Мог бы и сам пойти... в поход!

— Папа остался, чтобы раскрыть заговор. Смерть королевской четы не давала ему покоя. Он и от дел-то удалился только для того, чтобы мэтр Вокр расслабился и наделал глупостей. Советник считал тебя ребенком, какой из малышки Эви артефактор!

Марта бережно жала руку дочери.

— Но отец всегда в тебя верил. Он говорил — наша девочка сильная, она даже сама не представляет насколько. Еще сказал: если бы у меня был другой выход, но на кого я еще могу положиться...

Эви сидела, опустив голову. Слова матери грели душу — отец доверился ей, и она не подвела. И разве бы она сама отказалась, зная, что впереди ждет любовь и счастье. Да, пусть короткое, горькое, но такое настоящее!

— Больше папа ничего не говорил? — вскинулась Эви, пронзенная внезапной догадкой. — О рубинах? Артефактах? Или,

возможно, конце света? Ты не знаешь, папа встречался с плененным демоном перед казнью?

— Не знаю, моя родная. Я не лезу в дела отца.

И она, как прежде в детстве, погладила Эви по голове.

— Давай заплету тебя? Совсем растрепалась.

Марта принесла гребень и стала расчесывать Эвелину, напевая ласковую песенку. Когда-нибудь и сама Эви станет заплетать косы маленькой девочке, которая будет похожа на нее. Все-таки магия делает проще некоторые вещи: мейджи точно знала, что у них с Дегаром родится дочь. «У нас с Райли!.. Глупое сердце уймись! Сколько можно!»

— Ты плачешь, солнышко?

— Нет, мам. Нет...

— Раулар скоро вернется. Он отправился на смотр войск. Что поделаться: он теперь вынужден заботиться о многих вещах. Но все-таки я отругаю этого несносного мальчишку — оставить невесту одну в таком положении!

В небе прогрехотал гром.

— Неужели начинается гроза? — посетовала Марта.

А Эвелина первым делом подумала о телепорте. Эви знала всего несколько магистров, чьей магии хватило бы на открытие портала. Но зачем бы магистру Куину навещать Эвелину на ночь глядя?

Входная дверь содрогнулась под градом ударов. Марта вскочила, прижав ладонь к груди. Эви облизнула губы и сложила пальцы в аркан Улмер. Даже удивилась про себя, что не струсила, а наоборот — собралась. Она действительно изменилась за эту неповторимую, страшную и прекрасную весну.

Незванный гость понял, что напугал напором и стук прекратился.

— Морковка, это я, Райли! — раздался приглушенный голос.

— А вот и наш заблудший муж! — обрадовалась Марта и рванула навстречу.

Эви удержала ее за рукав.

— Мама, оставайся здесь!

Она быстро спустилась по лестнице, решив не разжимать «козу» до тех пор, пока не поймет, что вернулся действительно Раулар.

Но это на самом деле был он. Пропахший костром, в порванной и грязной куртке. Он притянул к себе Эвелину, прижался холодной

обветренной щекой к ее щеке.

— Ты прямо со смотра сюда? — вежливо спросила она, осторожно отстраняясь. — Как все прошло?

Если Райли и царапнула ее холодная учтивость, вида он не подал.

— Сейчас, сейчас... — пробормотал он. — Дай хоть полюбуюсь на тебя.

И выглядел так грустно и потерянно, будто прощался на век. Эви сдвинула брови.

— Что?..

— Пойдем! — решил Райли.

Он сдернул с вешалки первую попавшуюся под руку накидку, накинул на плечи Эви и потянул за собой в темный сад.

— Куда мы? Куда ты так торопишься?

— Отрезаю себе пути к отступлению, — сквозь зубы процедил он. — Ничего не бойся!

Он оставил растерянную Эвелину одну посреди ночных деревьев. Было совсем не страшно, даже уютно в мягких отсветах далеких фонарей. Пели цикады.

Заинтригованная Эви куталась в накидку и любовалась на звезды.

— Не оборачивайся, — попросил негромкий голос.

Кто-то осторожно приблизился и встал за спиной. У Эви до боли стеснило грудь — не вздохнешь.

— Дегар? — прошептала она.

— Да, огонек. Арасаар. Моя любимая...

— Это Райли? Райли привел тебя?

Невозможно поверить! Отправился прямиком в Ферранд, чтобы найти Дегара.

— Он пришел сегодня вечером. Я создал телепорт, чтобы доставить нас в Каранаэль. Я не мог дожидаться утра. Разлука с тобой невыносима, вейрри.

Эви сделала движение, чтобы повернуться, но Дегар мягко удержал за плечи.

— Я никогда ничего не боялся, вейрри, ты знаешь. Даже смерти. Но сейчас я боюсь увидеть, как ты отшатнешься. Разреши мне хотя бы постоять рядом с тобой, арассар.

Эви ощутила на затылке его теплое дыхание и осторожное прикосновение губ к макушке. По ее щекам катились слезы. «Я не

отшатнись!» — хотела крикнуть она. А если снова обманет?

— Никакая я не арассар. Я шаари. Глупая шаари!

— Такая?

Из-за спины Эви появилась рука, на которой ползала смешная улитка — иллюзия, сотворенная магией. Вместо рожек на голове улитки росли две русых косички. Эвелина не выдержала и прыснула.

— Ага, — шмыгнула она носом. — А ты тогда лягух!

На другой ладони возник толстенький красный лягушонок с черными рожками.

Эвелина вытерла мокрые глаза и рассмеялась. Ладони сомкнулись, заключив Эви в кольцо. Лягух перебрался к улиточке, важно раскланялся с ней и поцеловал в мордочку.

— Какие они смешные, — прошептала Эви.

Лягух и улиточка превратились в огненных бабочек, вспорхнули с ладони Дегара и закружились над головой Эвелины, роняя искры.

— Как красиво...

Дегар, помедлив, обнял Эви, а она откинулась на его грудь, закрыла глаза. Родной, любимый... Неужели снова придется расстаться с тобой?

Эвелина набрала полную грудь и резко повернулась. Темные глаза демона смотрели с такой пронзительной нежностью, что зашлось сердце.

— Это ты! — крикнула Эви. — Ты!

— Это я, вейрри...

Эвелина огрела его по груди.

— Больше никогда не смей уходить и бросать меня, понял?

— Никогда!

Он перехватил ее руку и, смеясь, поцеловал ладонь.

Магистр Адриан Соль вот уже полчаса перекладывал с места на место папки с документами, морщился и тер лоб. Он сам пригласил Эвелину и Дегара в свой кабинет для разговора — после того, как в жизни дочери произошли серьезные изменения, отец снова занял должность артефактора, — но теперь молчал.

Эви терпеливо ждала. Да и куда торопиться — сейчас, когда рядом любимый мужчина, в руке кружка с травяным взваром, а на тарелочке сахарные печенья? За те несколько дней, что прошли с момента возвращения Дегара, к Эвелине вернулся аппетит, румянец и привычная живость. Дегару приходилось урезонивать вейрри во время прогулки: проснувшись следующим утром, Эви первым делом решила показать ему дворец.

— Ты просто обязан увидеть все-все! — твердила она. — Посмотреть, как я жила, пока не встретила тебя!

Эви схватила Дегара за руку и поволокла за собой в башню, винтовая лестница с бесконечными узкими ступенями ее не остановила. На середине подъема Эвелина покачнулась, но Дегар был начеку — подхватил, понес на руках.

— Тихо, арасаар, тихо. Ты теперь должна думать о нашей дочери...

«О нашей дочери...» Эви, счастливо вздохнув, прильнула к груди мужа. Как же она испугалась вчера в саду, когда у Дегара затвердел взгляд сразу после того, как губы коснулись ладони Эви.

«Он увидел!» — догадалась Эвелина. Как она могла забыть: Дегар получил сильнейший магический дар. Сразу понял, что Эви носит в себе новую жизнь. Что если теперь дитя станет помехой?

— Это твой... Твоя... — пролепетала она. — Я только один раз. С тобой!

— Моя дочь! — рыкнул Дегар. — И ты молчала все это время!

Он опустил на колени и уперся лбом в аккуратный животик Эви.

— Иссари дэш хаас... Моя принцесса!

— Но ты ведь понимаешь. Ты был в теле Райли...

Дегар погладил похолодевшие руки Эвелины.

— Ее отец — я, — сурово произнес он, поставив точку в объяснениях.

Сам Раулар — бледный, затянутый в церемониальный мундир — посетил гостя в отведенных ему покоях вечером следующего дня. Эви боялась встречаться с ним взглядом, но Райли вел себя безупречно, хотя каждая жилка была напряжена, как натянутая струна. Король ненадолго присел, когда служанки принесли напитки и легкие закуски. Задал несколько светских вопросов, попросил чувствовать себя как дома. У Эви разрывалось сердце, когда она смотрела на друга. Ему было очень плохо, но он держался изо всех сил.

— Был рад знакомству, — сказал Раулар, когда короткий визит подошел к концу. — Надеюсь на сотрудничество в будущем. Карнаэль всегда поддержит Ферранд.

Дегар крепко пожал протянутую руку.

— Так же, как и Ферранд. У Карнаэля достойный правитель.

Райли шагнул на порог, но застыл, опершись о косяк. Обернулся, отыскивая Эвелину отчаянными глазами.

— Морковка... Разреши стать сродником вашей дочери!

Когда маленькая наследница дома Драглен появится на свет, Эвелина принесет ее в храм Пресветлой. Девочку окропят речной водой и нарекут имя. А из рук служителя ее примет тот, кто станет девочке вторым отцом, если с родным, не дай богиня, случится несчастье.

Эви всхлипнула и бросилась обнимать Райли.

— Конечно, конечно, глупый! Только ты, кто же еще! Прости меня! Ты еще встретишь ту самую, единственную! А я всегда буду любить тебя, как брата!

У Райли дрожали губы, но он заставил себя улыбнуться. Поцеловал Эви в кончик носа и быстро вышел.

Эвелина ужасно переживала за Райли, но еще больше — гордилась им. Наконец-то бестолковый мальчишка превращался в мужчину...

— Папа! — позвала Эви, оставив опустевшую чашку. — Я очень рада тебя видеть, но нам с Дегаром пора идти. Ты ведь знаешь, надо собирать вещи: завтра отправляемся в Ферранд.

— К чему такая спешка, — проворчал магистр Соль. — Твоя мама переживает, что все так внезапно и быстро...

— А я еще не сказала? Маму мы возьмем с собой. Пусть развеется. Не волнуйся, Дегар вернет ее через пару недель в целости и сохранности. Хорошо, когда муж — сильный маг: можно не тратить время на долгие путешествия, а просто сотворить портал.

Эви с улыбкой повернулась к Дегару, но посерьезнела, увидев, что и муж хмурит брови. Вот ведь научился человеческим штучкам!

— Вы чего? Что вы оба от меня скрываете?

Она невольно прижала руку к животу, и Дегар вскинулся, допил одним глотком напиток, поднял раскрытую ладонь, останавливая магистра, который собирался было что-то сказать.

— Я сам! Ты знаешь, что Арканар хранил два обещания. Одно — твое обещание Гизелле. Другое — мое.

— Да, — кивнула Эви. — Предателю, который помог тебе!

— Человеку, благодаря которому этот мир спасен, — поправил ее Дегар.

Эви открыла рот, чтобы возразить, но не нашлась, что сказать. Дегар пришел в Карнаэль попросить короля о помощи, однако разговора не вышло. Демона бросили в темницу, пытали и приговорили к казни. Если бы не тот человек, Тени разлетелись бы по миру, обращая его в прах.

— Что ты пообещал? — тихо спросила Эви.

— Защищать тебя.

— Что?! Ты едва открыл глаза, как тут же бросился меня душить!

Обвинение Эви попало по больному — Дегар дернулся, как от оплеухи.

— Да, — хрипло произнес он. — Я очнулся через миг после того, как топор палача отрубил мне голову. Я не понимал, где нахожусь. Меня переполняла ненависть. Сыны Джалгарра вспыльчивы и загораются, как пламя.

Эвелина пожалела, что напомнила мужу, как неудачно началось их знакомство.

— Ладно, ладно, — примирительно сказала она и гордо добавила: — Я тоже неплохо тебя приложила! Значит, ты обещал предателю защищать меня? Какой заботливый предатель!

Она хихикнула, оглядев вытянутые лица Дегара и отца.

— Ладно, магистр Соль, я уже догадалась, что это ты! И не смотри так изумленно! Просто сложила два и два. Ты не мог сам отправиться с Дегаром за артефактами — должен был остаться во дворце, чтобы поймать убийцу родителей Райли. А единственный человек, которому ты доверял, я. И меня давно смущало письмо с приглашением от Сигизмунда, которое растворилось бесследно. Кто еще умеет творить такие качественные иллюзии! Ты и меня учил. Видел бы ты, какую занятную грамотку я сотворила для Великого Подлюки! Я только не понимаю, почему толком не объяснил все? К чему эта комедия?

Магистр Соль откашлялся. Вид у него сделался донельзя смущенный.

— Не мог, дочь. Вам лучше было оставаться в неведении о грядущем конце света. Это бы тебя подкосило, а Райли, боюсь, и вовсе не удалось бы вытолкать из дворца! Ты не держишь на меня зла, Эви?

— Скажу честно, я злилась! Очень!

Она поднялась, подошла к отцу и вдруг крепко обняла.

— Но я рада, что ты в меня верил так, как я сама в себя не верила!

Эпилог

Король Ферранда быстрым шагом поднимался по лестницам дворца, пересекал залы и галереи, с трудом удерживаясь от того, чтобы перейти на бег. Нельзя. Он правитель. В мирное время бегущий король вызывает у слуг смех, в военное — панику. Шагом. Быстрым шагом!

Дегар хранил суровое выражение лица, и все-таки краем глаза замечал улыбки. Слуги нимало не смущались его грозного вида, но король понимал, что каждый живущий во дворце искренне радуется вместе с ним — отсюда все эти кивки, поклоны и сияющие взгляды.

— Мой король, позвольте взять ваш плащ! — К Дегару со всех ног бросился мальчишка-паж и запрыгал вокруг, точно радостный щенок. — А королева!..

— Т-с-с! — зашикали на него со всех сторон.

Гвардеец оттащил парнишку за ухо, для вида отвесив подзатыльник.

— Тихо ты, дуралей, — донеслось до Дегара. — Пусть сам узнает!

Он уже все знал! Сорвался, как только мог! Если бы не совет королей, который он собирал с таким трудом несколько месяцев, совет, который мог положить конец многолетней войне, — прилетел бы в тот же миг, как только ощутил первую схватку Эвелины. Пришлось стиснуть зубы и продолжить растолковывать условия перемирия с дикарями. С дикарями. Спасибо и на том, что его братьев перестали называть рогатыми исчадиями и краснорожими лягухами.

Раулар, сидевший по правую руку, почувствовал, как напрягся правитель Ферранда.

— Эви? — односложно спросил он. — Началось?

Дегар кивнул, сжал челюсти. Как бы он хотел быть сейчас рядом с огоньком. Держать за руку.

— Правитель Карнаэля не возражает против договора! — Райли поднялся первым.

Обвел хмурым взглядом присутствующих королей и их советников, выразительно посмотрел на короля Сигизмунда, на чьем безымянном пальце сиял Арканар. Король Верикии выглядел

помолодевшим и посвежевшим, болезнь ушла. Он крикнул и поднялся следом за Рауларом.

— Поддерживаю! Война высосала наши земли, если дикари согласны отступить, то враждовать ни к чему!

— Это ты так запел, потому что мальчишка из Карнаэля стал частым гостем в твоём дворце, Гиз? — ехидно поинтересовался советник правителя Коргестана. — Не потому ли, что скоро ты породнишься с ним?

Лицо Раулара пошло пятнами, он сел и уставился на сжатые кулаки. Дегар ухмыльнулся краешком губ. Похоже, слухи не лгут. Он хорошо помнил Гизеллу. Эви считала ее нескладной, но насколько Дегар успел разобраться в людях, скоро Гизи превратится из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

Несмотря на все усилия, совет затянулся. Солнце уже клонилось к закату, когда на свитке, защищенном магией, появилось пять оттисков королевских печатей.

— Завтра утром я буду в Ашхатаре и на договоре поставят шестую печать — «огонь Джалгарра», — сказал правитель Ферранда, скручивая документ. — А сейчас прошу меня извинить: срочные семейные дела.

Когда Дегар вышел из шатра — совет собрали на нейтральной территории, — вслед за ним неся восторженный и удивленный шепот: «Мир, мир... Неужели мир?» Стража, конюхи, слуги каким-то образом прознали о подписанном договоре. А значит, к вечеру слух докатится до больших городов.

— Подожди! — Его догнал Райли. — Я смогу навестить Эви через несколько дней? Сейчас она, конечно, очень слаба... Передай ей мои объятия и мой поцелуй!

— А как иначе! Мы ждем тебя на церемонию наречения!

Дегар и Раулар обнялись, как братья, и Дегар построил телепорт в столицу Ферранда, в дворцовый парк. А дальше пришлось своим ходом — по коридорам, по лестницам. Мог бы летать — взлетел бы!

Когда оставались последние метры до спальни Эви — не выдержал, побежал. Но у самых дверей Дегар взял себя в руки и тихонько отворил створку, перешагнув порог.

Бледная, но улыбающаяся Эвелина баюкала крошечный сверток.

— А вот и папа! — пропела она. — Посмотри, маленькая!

Дегар сделал два шага и опустился на колени, как перед божеством.

И вдруг увидел ясно, будто наяву, себя, стоящего на лобном месте, цепи, топор палача, занесенный над головой. И ее — тоненькую, светлую человеческую девочку. Великое счастье для сына Джалгарра — умереть перед ликом пламени. Но на площади не было костров, и тогда он выбрал ее своим огоньком. Почему, и сам бы не ответил на этот вопрос. Дегар цеплялся за нее взглядом до конца... И умер легко.

Король Ферранда, которого теперь за спиной называли не иначе как «Справедливый», бережно обнял жену и дочь. Разве мог он подумать, что только после смерти начнется его настоящая жизнь?